

CT
1218
M26
P6

Mikhail Aleksandrovich Maksimovich

- - -

STEPAN IVANOVICH PONOMAREV

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

МАКСИМОВИЧЪ.

(Биографическій и историко-литературный очеркъ).

СОСТАВИЛЪ

С. Пономаревъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.

1872.

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

МАКСИМОВИЧЪ.

(Биографическій и историко-литературный очеркъ).

СОСТАВИЛЪ

С. Пономаревъ.
ponomarev

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, у Владимирской церкви, домъ № 15.

1872.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

СТ

1218

M 26

P6

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МАКСИМОВИЧЪ.

(Биографическій и историко-литературный очеркъ).

«Да будетъ воздано каждому по заслугамъ.
«Признательность разнороднымъ труженникамъ,
«въ потѣ лица работавшимъ на челоѳчество,
«удовлетворившимъ какому-нибудь изъ его тре-
«бованій... Въ возможности такого суда есть
«нѣчто глубоко-утѣшительное для челоѳка.
«Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя си-
«лы для спора съ жизнью».

Грановскій (1849 г.).

6-го сентября нынѣшняго года былъ отпразднованъ въ Кіевѣ ли-
тературный юбилей одного изъ почтеннѣйшихъ и старѣйшихъ рус-
скихъ ученыхъ и литераторовъ — Михаила Александровича Макси-
мовича.

Историко-филологическому факультету университета св. Владимира
принадлежитъ честь перваго слова объ устройствѣ этого праздника.
По его представленію, совѣтъ университета, считающій Максимовича
своимъ почетнымъ членомъ, съ живымъ сочувствіемъ сообщилъ дѣлу
дальнѣйшій ходъ ¹⁾. Считаемо поэтому своевременнымъ представить
очеркъ его жизни и учено-литературной дѣятельности. Поговоримъ
о немъ съ любовью, какъ ни скромно его имя: онъ питалъ въ душѣ
своей призваніе, онъ не зарылъ въ землю своего таланта; дѣятельность
его разнородна, и плоды ея зрѣлы.

Въ 1821 году, въ журналѣ Московскаго профессора Двигубскаго
Новый Магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній
экономическихъ ²⁾, явился первый трудъ Максимовича, еще студента;

¹⁾ *Кіевлянинъ*, 1881 г., № 64, іюня 1; *Унив. Извстія*, 1871 г., № 8.

²⁾ Журналъ издавался съ 1820 по 1830 годъ включительно, всего вышло
132 книги; назывался *Новымъ Магазиномъ* потому, что прежде былъ *Магазинъ*

это былъ переводъ изъ Мирбеля: „Къ чему служатъ листія на растеніяхъ“; въ 1871 г., Максимовичъ, уже 67-лѣтній дѣятель, издалъ свои „Письма о Кіевѣ“ и напечаталъ нѣсколько историко-литературныхъ статей въ *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*; послѣдняя его книга, заключающая въ себѣ много интереснѣйшихъ воспоминаній, и *непрекращающаяся дѣятельность литературная* усиливаютъ поводъ, по которому предлагается вниманію читателя настоящій очеркъ литературнаго поприща Максимовича. Ходъ его ученой и литературной дѣятельности во многомъ уясняется обстоятельствами его жизни. Поэтому является необходимымъ—представить главнѣйшія черты изъ нея, на основаніи печатной его біографіи ¹⁾, а также его послѣдней книги, разныхъ нашихъ періодическихъ изданій и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Мы распространимся, можетъ-быть, слишкомъ много для скромности живущаго многоуважаемаго дѣятеля; но жизнь его за многіе годы такъ тѣсно переплетена съ жизнью нашихъ славныхъ писателей, и самъ онъ, какъ одинъ изъ немногихъ оставшихся дѣятелей Пушкинскаго періода, является уже на столько историческимъ лицомъ, что, надѣмся, ни онъ, ни читатели не посѣтуютъ на насъ за избытокъ радужнаго слова.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ родился въ 1804 году, 3-го сентября, въ хуторѣ Тимковщинѣ, близъ г. Золотоноши, Полтавской губерніи, въ домѣ бабки своей Анны Савицны Тимковской. Фамилія Максимовичей, даже на югѣ Россіи, очень многочисленна. Родоначальникомъ фамиліи нашего писателя является въ XVII вѣкѣ Максимъ Васильковскій, называвшійся такъ по мѣсту родины своей, а въ послѣдствіи получившій прозваніе Печерскій, по мѣсту жительства въ Кіевѣ. Это былъ мирный, трудящійся гражданинъ, обновившій, между прочимъ, Лаврскую трапезную церковь въ 1694 году. Гетманъ Мазепа универсаломъ своимъ принялъ его подъ свою гетманскую оборону, въ награду его полезныхъ для войска трудовъ. Семь

натуральной исторіи, физики и химіи, издававшійся А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ, съ 1788 по 1792 годъ.

¹⁾ Біографіе. Словарь професс. Моск. ун-ва., т. 2. Ее обыкновенно считают *автобіографіей*, но строго говоря, она не можетъ быть такъ названа. Максимовичъ послалъ, по требованію С. П. Шевырева, только сборникъ свѣдѣній о своей служебной и литературной дѣятельности, для словаря профессоровъ Московскихъ, къ столѣтнему юбилею университета. Матеріалы эти подверглись немалымъ переработкамъ Шевырева, такъ что статья въ Словарѣ скорѣе можетъ быть названа его сочиненіемъ, нежели автобіографіей Максимовича.

сыновей Максима становятся известными уже под фамиліей Максимовичевъ, по малороссійскому обычаю, какъ дѣти Максима; такъ называются они и въ универсалахъ гетманскихъ. Старшій изъ семи былъ потомъ известный митрополитъ Тобольскій и плодовитый писатель, Іоаннъ Максимовичъ. Второй Василій былъ компанейскій полковникъ, убитый Татарами, на р. Кодымѣ, въ 1698 году. Отъ него, въ нисходящемъ порядкѣ, развилось слѣдующее потомство: сынъ Леонтій, войсковой товарищъ; сынъ Леонтія Иванъ, сотникъ Бубновскій, въ послѣдствіи предводитель Золотоношскаго дворянства; въ 1784 году онъ внесенъ въ 6-ую часть родословной дворянской книги Кіевского намѣстничества; въ апрѣлѣ 1788 года, вмѣстѣ съ другими предводителями, онъ провожалъ императрицу Екатерину, Днѣпромъ изъ Кіева до Кременчуга; умеръ въ 1801 г., въ чинѣ бунчуковаго товарища. Меньшой его сынъ Иванъ, слышій и въ народѣ подъ именемъ „старога майора“, дѣдъ нашего писателя, отличался любовію къ суровой старосвѣтской простотѣ жизни. Его старшій сынъ Александръ, ученикъ Иринея Фальковского, недолго былъ въ службѣ; онъ по волѣ отца, а потомъ, по собственной охотѣ, лѣтъ двадцать занимался механикой и архитектурой при Шостенскомъ пороховомъ заводѣ; умеръ, въ чинѣ 9-го класса, въ 1850 г. Онъ - то и былъ отцомъ нашего писателя ¹⁾. По матери своей, М. А. Максимовичъ — родной племянникъ известныхъ въ ученomъ и литературномъ мѣрѣ Тимковскихъ: изъ пяти дядей его двое были профессорами и всѣ были писателями. Первые годы дѣтства прошли то у бабушки А. С. Тимковской, то у дѣда „старога майора“. Шестилѣтнимъ мальчикомъ привезенъ былъ Максимовичъ въ Золотоношу, въ Благовѣщенскій женскій монастырь, на ученіе книжное, и въ тотъ же день черница Варсонофія (сестра генерала Голенка) посадила его съ указкою за грамотку. Обычный курсъ первоначальнаго ученія той поры—*грамотка, часословецъ и псалтирь*,—курсъ, установленный еще св. Кирилломъ, первоучителемъ славянскимъ, весь былъ пройденъ въ монастырѣ у той же черницы. Потомъ первыя свѣдѣнія въ наукахъ Максимовичъ пріобрѣлъ отъ старшаго изъ дядей, Ильи Ѳедоровича Тимковского (бывшаго профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ и жившаго послѣ отставки въ с. Турановкѣ, близъ Глухова), а въ 1812 г. поступилъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію.

¹⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1849 г., № 6, «Бубновская сотня», статья М. А. Максимовича.

Уроженецъ украинской степи, прожившій семь лѣтъ отрочества въ живописномъ городкѣ, Максимовичъ рано развилъ въ душѣ своей любовь къ природѣ и поэтическое настроеніе. Еще въ гимназій, онъ то и дѣло бродилъ по садамъ и лѣсамъ, собирая растенія, и ознакомился отчасти съ ихъ примѣненіемъ въ медицинѣ. Пристрастіе къ ботаникѣ осилило всѣ другія занятія; думая объ университетѣ, юноша мечталъ преимущественно о томъ, чтобы сдѣлаться Московскимъ профессоромъ ботаники. Въ 1819 году, окончивъ курсъ въ гимназій, онъ поѣхалъ въ Москву и около 25-го октября „съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ Бѣлокаменную“. Къ вечеру того же дня былъ уже въ университетскомъ домѣ, у дяди своего Романа Ѳеодоровича Тимковского, профессора греческой и римской словесности, который былъ первымъ путеводителемъ его по Кремлю, записалъ его въ студенты *словеснаго* отдѣленія и помѣстилъ въ одинъ изъ кандидатскихъ нумеровъ, окнами на Никитскую. Объ опредѣленіи своего племянника на казенный счетъ Романъ Ѳеодоровичъ не хотѣлъ и слышать. Но Максимовичъ недолго пользовался руководствомъ дяди: Р. Ѳ. Тимковскій скончался 15-го января 1820 г. Въ томъ же году Максимовичъ увидѣлъ въ Москвѣ и другого своего дядю, Василя Ѳеодоровича Тимковского, который посовѣтовалъ ему не пускаться въ ремесло уроковъ, что юноша и исполнилъ. Максимовичу тогда только-что минуло 15 лѣтъ. Словесникъ однако не покинулъ любимой ботаники, и во все свободное время неутомимо искаживалъ Московскія окрестности, собирая себѣ мѣстную флору. Университетскій курсъ продолжался тогда три года; Максимовичъ уже два года пребылъ въ словесномъ отдѣленіи, увлекаясь Мерзляковымъ, и все-таки рѣшился перейти на физико-математическій факультетъ, чтобы свободнѣе и полнѣе заняться любимой съ дѣтства наукою. Дружескія сношенія съ адъюнктомъ ботаники, трудолюбивымъ Гольдбахомъ ¹⁾, поѣздка въ знаменитый Горенскій садъ графа А. К. Разумовскаго, знакомство съ директоромъ его, извѣстнымъ ботаникомъ Ѳ. Б. Фишеромъ, лекціи славнаго М. Г. Павлова, все это придало новую энергію занятіямъ Максимовича. Сочиненіе за сочиненіемъ представлялъ онъ по любимому естествознанію профессорамъ Фишеру, Гофману, Павлову, Двигубскому, и нѣкоторые труды его были напечатаны тогда же, въ журналѣ Двигубскаго. Пав-

¹⁾ Гольдбахъ владѣлъ замѣчательнымъ даромъ возбуждать въ слушателяхъ своихъ любовь къ ботаникѣ; ему обязаны, между прочимъ, любовью къ наукѣ А. Фишеръ, Шиховскій, Щуровскій, Оверъ и другіе. См. Біог. Слов. проф. Моск. унив., т. I.

ловъ былъ вполне доволенъ его сочиненіемъ „О системѣ растительнаго царства“, какъ „первымъ плодомъ его ученія о природѣ“; въ статьѣ излагалась собственная теорія ботаники, основанная на сущности каждаго растенія ¹⁾. Гофманнъ постоянно оказывалъ особенную благосклонность усердному ученику своему за его дѣльные занятія. Ректоръ университета Антонскій также отличалъ даровитаго и трудолюбиваго студента. Пламенно любя свою науку, Максимовичъ успѣлъ въ два года окончить курсъ на избранномъ имъ факультетѣ, и въ 1823 году, 19 лѣтъ отъ роду, былъ выпущенъ кандидатомъ. Но этимъ не удовлетворилась жажда молодаго ученаго: находя свѣдѣнія медицинскія необходимыми для полноты естествознанія, пылкій кандидатъ, черезъ мѣсяцъ по окончаніи курса, записался въ медицинское отдѣленіе, и въ то же время, совмѣстно съ Гольдбахомъ, предпринималъ издать естественную исторію для университетскихъ слушателей; на долю Максимовича досталась зоологія, и въ маѣ 1824 года онъ уже успѣлъ издать ее, руководствуясь сочиненіями Окена. Это была первая книга Максимовича, доставившая ему вниманіе ученаго круга, дружбу М. Г. Павлова и сближеніе съ литературнымъ міромъ. Въ *Сынѣ Отечества* того же года (№ 31) замѣчено, что книга эта „принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій въ нашей ученой литературѣ“, и при этомъ помѣщенъ былъ отзывъ о ней, присланный изъ Москвы. Въ отзывѣ между прочимъ сказано: „Система Максимовича есть естественная, то-есть, основанная на сущности каждаго животнаго, или иначе, на гармоническомъ соединеніи всѣхъ частей онаго.... Въ маленькой книжкѣ его читатели найдутъ болѣе полезныхъ свѣдѣній, нежели во многихъ многотомныхъ изданіяхъ по сей части“ (стр. 227—230). Отзывъ принадлежалъ князю Вл. О. Одоевскому, уже тогда заявившему разнообразіе своихъ свѣдѣній, издателю *Мнемозины*. Князь скромно скрылъ подъ римскими цифрами начальныя буквы своего имени, но позаботился отыскать самаго Максимовича, нашелъ его въ кандидатскихъ нумерахъ, познакомился съ нимъ и ввелъ его въ кругъ литераторовъ, среди коихъ между прочими были Веневитиновъ и Ив. Кирѣевскій. Скоро послѣ того Кирѣевскій ввелъ Максимовича въ домъ своей матери, А. П. Елагиной, гдѣ собирались тогда Баратынскій, Шевыревъ, Титовъ, Мельгуновъ, Соболевскій, Рожалинъ, а въ послѣдствіи Чаадаевъ, Хомяковъ.... Кружокъ Одоевскаго и Елагиной имѣлъ

¹⁾ Статья была замѣчена и въ журналистикѣ: въ *Сынѣ Отечества* (№ 31, 1824 г.) было сказано, что она по своему духу видимо отличается отъ другихъ статей, печатаемыхъ въ *Новомъ Магазинѣ*.

чрезвычайно доброе и полезное вліяніе на Максимовича. Тогда же произошло сближеніе его съ М. П. Погодинымъ, превратившееся со-временемъ въ тѣсную дружбу. Такъ, на первыхъ порахъ по выходѣ изъ университета, Максимовича окружила семья литераторовъ. Не-медленно по окончаніи курса, начались и служебныя занятія его при университетѣ, состоявшія въ приведеніи въ порядокъ библіотеки и въ разборкѣ гербаріевъ университетскихъ. Ректоръ Антонскій, про-чившій Максимовича въ преемники профессору Гофману, доставилъ ему порученіе отъ университета, лѣтомъ 1824 и 1825 года, объѣхать Московскую губернію, съ цѣлю собранія растений и минераловъ. Не-обыкновенно дождливое лѣто 1824 года не только мѣшало ученому путешествію, но и повліяло на здоровье Максимовича, поселивъ въ немъ зародыши убійственнаго ревматизма. Посѣтивъ на пути бота-ника Адамса (въ Можайскомъ уѣздѣ), Максимовичъ послѣдовалъ его совѣту и отложилъ продолженіе своей экскурсіи до слѣдующей весны. Результатомъ поѣздки были двѣ значительныя коллекціи, представ-ленные университету, и „Путевыя записки о Московской губерніи“, напечатанныя въ журналѣ Двигубскаго ¹⁾.

По возвращеніи Максимовича въ Москву, къ концу 1825 года, на-чалась педагогическая дѣятельность его по ботаникѣ и садоводству въ земледѣльческой школѣ, а вслѣдъ затѣмъ въ университетскомъ бла-городномъ пансіонѣ и въ коммерческой академіи. Въ началѣ 1826 года, онъ былъ назначенъ помощникомъ профессора Гофмана въ наблюде-ніи за ботаническимъ садомъ, а по смерти Гофмана (въ мартѣ) при-нялъ въ самостоятельное завѣдываніе садъ и гербаріи университет-скіе; въ ботаническомъ саду онъ провелъ все время своей Московской жизни. Въ августѣ 1826 года, ему было поручено преподавать въ уни-верситетѣ общій курсъ естественной исторіи и объяснять слушате-лямъ живыя растенія. Юношеская мечта его исполнялась.

Служебныя занятія не помѣшали Максимовичу принять дѣятель-ное участіе въ журналѣ Н. А. Полеваго. Еще студентомъ познакомился онъ съ Полевымъ у В. С. Филимонова, друга Тимковскихъ; вскорѣ по-томъ онъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ домѣ Полеваго и долго

¹⁾ О нихъ и чрезъ 10 лѣтъ встрѣчаемъ добрый отзывъ специалиста въ книгѣ: «Сокращенное руководство къ систематическому опредѣленію ископаемыхъ ра-стеній и пр.», соч. Я. Зембничаго. С.-Пб., 1833, ч. 2. Тамъ, на стр. 164, ска-зано о «Путевыхъ запискахъ» Максимовича: «Сіи отрывки, написанные перомъ искуснаго литератора, занимательны въ разныхъ отношеніяхъ: минералогиче-скомъ, ботаническомъ, медицинскомъ, статистическомъ и эстетическомъ.»

былъ съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Когда Полевой началъ издавать *Московский Телеграфъ*, Максимовичъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ его, помѣщая, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, критическія статьи по естествознанію; въ статьяхъ его выражались новыя тогда философскія идеи, а потому онѣ были очень полезны читателямъ и журналу. Максимовичъ внимательно слѣдилъ за новостями по части ботаники, земледѣлія, земледѣльческой химіи, физики, медицины и напечаталъ въ *Телеграфѣ* разборы сочиненій и изданій Павлова, Двигубскаго, Шелехова, Щеглова, Мартынова, Ювскаго, Маркуса и другихъ тогдашнихъ корифеевъ естествознанія. Нѣкоторыя рецензіи его были такъ сильны, что заставляли авторовъ или готовить новое изданіе своего труда, или писать цѣлыя книги противъ зоркаго рецензента ¹⁾. Участіе въ журналѣ сблизило его съ литературнымъ кругомъ, собиравшимся въ редакціи *Телеграфа*, главнымъ одушевителемъ котораго, въ первые два года, былъ князь П. А. Вяземскій, давшій ходъ и извѣстность этому журналу. „Князь писалъ для него много самъ, доставлялъ статьи знакомыхъ ему литераторовъ, оказывалъ издателю искреннюю пріязнь, ободрялъ, поощрялъ его къ труду и былъ лучшимъ совѣтникомъ въ затруднительныхъ случаяхъ“. Такъ отзывается о значеніи дѣятельности кн. Вяземскаго братъ издателя *Телеграфа*, К. Полевой ²⁾. Сближеніе съ такимъ чедовѣкомъ, какъ кн. П. А. Вяземскій, было истинною отрадой и гордостью для многихъ. Кромѣ того, у Полеваго собирались въ первое время Розбергъ, Лихонинъ, Ушаковъ, Красовскій (В. И.), Рылѣевъ, Баратынскій и нѣкоторое время Мицкевичъ. Въ этомъ кружкѣ людей безспорно-даровитыхъ Максимовичъ всегда былъ желаннымъ гостемъ, увлекательнымъ собесѣдникомъ.

Между тѣмъ занятія въ университетѣ требовали магистерской степени, и Максимовичъ въ январѣ 1827 года сдалъ экзамень, а въ іюнѣ напечаталъ и защитилъ диссертацию „О системахъ растительнаго царства“. Многіе Московскіе литераторы и бывшій тогда въ Москвѣ Мицкевичъ собрались на его диспутъ. Строгій систематикъ блистатель-

¹⁾ Напримѣръ, Маркусъ и Шелеховъ, изъ коихъ первый благодарилъ его печатно. Статьи Максимовича въ *Моск. Телеграфѣ*, кромѣ полного имени, подписываемы были литерами *W. W.* (вверхъ обращенными буквами М. М.), *Несъ-Голушовскій* и *хосъ*. Первою подписью стали потомъ злоупотреблять журналы, и Максимовичъ нашелся вынужденнымъ объявить, что отнынь статьи свои онъ будетъ подписывать полными именей и фамиліею.

²⁾ Записки о жизни Н. А. Полеваго, С.-Пб., 1860, стр. 209.

защитилъ свои точныя положенія. Система вообще была любимымъ дѣломъ Максимовича, какъ въ журнальныхъ занятіяхъ, такъ и въ ученой дѣятельности по естествовѣдѣнію. Ему словно хотѣлось прежде всего опознаться въ области, въ которой приходилось ему работать, хотѣлось все основательно распредѣлить, чтобъ яснѣе видѣть, что нужно дѣлать дальше, за что настоятельнѣе всего нужно приняться. Тотъ же характеръ вноситъ онъ и въ другія свои работы. Онъ собираетъ на родинѣ немалое количество малороссійскихъ пѣсенъ, и приготовляя ихъ къ изданію въ свѣтъ, непремѣнно распредѣляетъ ихъ по отдѣламъ, прилагаетъ къ нимъ руководящее предисловіе, словарь и пояснительныя примѣчанія, соединяя такимъ образомъ съ системою строгую точность и полноту объясненій. Въ словарь показано сходство словъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, что въ то время было еще новостью и стоило немалаго труда любознательному издателю. Предисловіе излагало взглядъ его на народную поэзію Руси. Въ литературѣ до той поры была только одна попытка въ этомъ родѣ князя Цертелева ¹⁾. Цертелевъ первый обнародовалъ думы или „бувальщины“, то-есть, народный эпосъ Украины, историческій и правоучительный. Максимовичъ познакомилъ впервые съ красотами лирической поэзіи Украинцевъ, о которой до тѣхъ поръ можно было судить лишь по немногимъ пѣснямъ, случайно занесеннымъ въ пѣсенники сѣвернорусскіе. Единодушною благодарностію встрѣтили журналы собраніе Максимовича, признавая трудъ его полезнымъ для поэтовъ, филологовъ и вообще для читателей. Но всего отраднѣе для издателя было то доброе вниманіе, какое оказали его сборнику Пушкинъ, Дельвигъ, а въ послѣдствіи Гнѣдичъ, Гоголь и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ. Въ этомъ изданіи пѣсенъ Пушкинъ призналъ подарокъ литературѣ, а въ издателѣ ихъ — своего собрата по поэзіи, и этотъ отзывъ для Максимовича имѣлъ тѣмъ болѣе значенія, что онъ познакомился съ Пушкинымъ только зимою 1826 года. Дружескимъ привѣтомъ встрѣтилъ Максимовича и Дельвигъ, проѣзжая чрезъ Москву въ февралѣ 1828 года. Онъ сдѣлалъ Максимовичу нѣсколько мѣткихъ замѣчаній о значеніи собственно великорусской народной поэзіи, и Максимовичъ вполнѣ призналъ справедливость его взгляда.

Книга Максимовича явилась началомъ его занятій по языку и словесности. Любовь его къ словесности обнаружилась и въ томъ вни-

¹⁾ Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ. 1819. См. *Изв. II Отд. Имп. Ак. Н.*, т. III, стр. 192.

маній, какое онъ оказывалъ каждому литературному дарованію, какъ бы оно ни было скромно. Въ 1827 году онъ открылъ талантъ Надежды Тепловой, напечаталъ ея стихотворенія въ *Московскомъ Телеграфѣ* и съ той поры сдѣлался покровителемъ ея и сестры ея Серафимы, также писательницы, поддерживалъ ихъ во всѣхъ печальныхъ случаяхъ ихъ жизни и всячески старался быть имъ полезнымъ ¹⁾).

Магистерство Максимовича не скоро однако открыло ему дорогу къ повышенію: вакантную кафедру ботаники занялъ тогдашній ректоръ Двигубскій, не читая однако лекцій, которыя за него читалъ Максимовичъ, продолжая завѣдывать и ботаническимъ садомъ. Правда, профессоръ Г. И. Фишеръ предлагалъ Максимовичу быть его адъюнктомъ по зоологіи; но посвятивъ себя ботаникѣ, Максимовичъ отклонилъ предложеніе и остался преподавателемъ. Желая дать болѣе просторъ своимъ ученымъ занятіямъ, Максимовичъ задумалъ важнѣйшія истины науки излагать какъ можно проще, живѣе, общедоступнѣе: такъ явился цѣлый рядъ статей, подъ общимъ заглавіемъ: „Размышленія о природѣ“. Начавшись въ 1827 году, онѣ тянулись нѣсколько лѣтъ, и отличаясь прекраснымъ изложеніемъ, находили себѣ радушный приѣмъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ ²⁾). О. Б. Фишеръ писалъ тогда Максимовичу, что подобныя статьи могутъ пробудить спящую любовь къ ботаникѣ. Собственно ученые работы его шли своимъ чередомъ: такъ, въ 1828 году, онъ напечаталъ первую часть „Основаній ботаники (органологія растений)“, которая встрѣчена была всеобщимъ одобреніемъ и доставила автору не малую извѣстность ³⁾). Профессоръ, докторъ медицины К. В. Лебедевъ, въ своемъ разборѣ этой книги, сказалъ, что изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ у насъ ботаническихъ книгъ она—лучшая: „Г. Максимовичъ первый, слѣдуя знаменитымъ по сей части писателямъ, начерталъ терминологію ботаническую въ истинномъ ея видѣ; его описанія опредѣлительно рисуютъ то, что находится въ самой природѣ. Отъ сего терминологія его имѣетъ большую занимательность. Понятіе о различіи тѣлъ органическихъ изложено съ такою точностію, съ такою ясностію, что съ пол-

¹⁾ Р. Вѣстн., 1861, № 2, Современная Лѣтопись, стр. 917—918.

²⁾ Въ *Моск. Вѣстникѣ*, *Новомъ Магази*, *Свердловыхъ Цветахъ*, *Литературной Газетѣ*, *Телескопѣ* и *Библиотекѣ для чтенія*.

³⁾ Говоря о разнородныхъ сочиненіяхъ Максимовича, мы ничего не позволяемъ себѣ сказать прямо отъ себя, но вездѣ приводимъ отзывы критиковъ, преимущественно специалистовъ, и притомъ отзывы, современные выходу того или другаго сочиненія Максимовича.

нимъ удовольствіемъ радуемся успѣшному предпріятію г. сочинителя, совершенно достигшему своей цѣли... Различіе между свѣдѣніями опытными и знаніями умозрительными и тѣсная, необходимая между ними связь выведены изъ самой сущности предмета... Однѣ сіи понятія даютъ г. Максимовичу полное право на благодарность людей истинно любознательныхъ.“ Затѣмъ, приведя въ доказательство своихъ сужденій нѣсколько отрывковъ изъ самой книги, профессоръ заключаетъ: „Что касается до нововводимыхъ терминовъ и вообще ботаническаго языка, Максимовичъ превзошелъ въ этомъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Въ заключеніе справедливость требуетъ сказать, и скажемъ съ удовольствіемъ, что органологія Максимовича составляетъ эпоху успѣховъ ботаники въ нашемъ отечествѣ“¹⁾. Кроме этого отзыва, и другіе спеціалисты въ Россіи и за границей (Линкъ) отзывались о ботаникѣ Максимовича съ уваженіемъ; профессоръ Черняевъ и въ послѣдствіи Корнѹхъ-Троцкій²⁾ приняли ее за руководство, а Московское общество испытателей природы избрало автора своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Это было первое общественное признаніе ученыхъ заслугъ Максимовича, заслуженное имъ на шестомъ году самостоятельной дѣятельности³⁾.

Независимо отъ занятій по естествознанію, Максимовичъ болѣе прежняго сталъ заниматься словесностію. Ученикъ и пылкій поклонникъ Мерзлякова, онъ, какъ мы уже видѣли, прежде всего началъ собирать и изучать народныя пѣсни. Ограничиваясь въ этомъ отношеніи только пѣснями Малороссіи, Максимовичъ усердно продолжалъ собирать ихъ, объяснять, готовить къ новому изданію. Въ то же время онъ не оставался чуждъ литературнымъ вопросамъ, волновавшимъ тогда общество; такъ, въ 1829 году, когда возникли журнальные толки объ историческомъ характерѣ поэмы Пушкина „Полтава“, Максимовичъ напечаталъ въ *Атенѣ* критическую статью, въ которой доказалъ несомнѣнную историческую вѣрность и народность поэмы. Онъ первый сказалъ, что Пушкинъ въ своемъ твореніи остался строго вѣренъ исторіи, и какъ поэтъ, представляетъ свою поэмою первый образецъ внимательнаго изученія историческихъ дѣятелей. Статья имѣла тѣмъ болѣе значенія, что она шла наперекоръ тогдашнимъ взглядамъ: Надеждинъ въ *Вѣстникѣ Европы* и Камашевъ въ *Сынѣ Отечества*

¹⁾ Моск. Вѣстн., 1829, ч. 6, стр. 108—110, 116—117.

²⁾ Истор. унив. св. Владиміра, В. Я. Шульгина, С.-Пб., 1860, стр. 143.

³⁾ Но членомъ-адъюнктомъ общества состоялъ Максимовичъ уже три года, именно съ 26-го октября 1825 года (Моск. Телегр., 1825, № 23, стр. 320—323).

ства отрицали въ поэмѣ вѣрность изображенія Мазепы и нѣкоторыхъ историческихъ подробностей; самъ Мерзляковъ журилъ Максимовича за его статью; тѣмъ не менѣе Максимовичъ, какъ Украинецъ, яснѣе и вѣрнѣе другихъ оцѣнилъ характеръ Мазепы, созданный поэтомъ ¹⁾). И онъ былъ награжденъ потомъ теплымъ словомъ Пушкина: прочитавъ въ Владикавказѣ статью Максимовича, Пушкинъ былъ очень доволенъ ею, и возвратясь изъ своего закавказскаго странствія въ Москву, дружески благодарилъ Максимовича ²⁾). При этомъ свиданіи, Максимовичъ указалъ ему на „Исторію Руссовъ“ (которую неосновательно приписываютъ Кониисскому), и узнавъ, что поэтъ написалъ „Полтаву“, не читавъ „Исторіи Руссовъ“, подарилъ ему, тогда уже рѣдкій, ея списокъ.

Ученые труды и литературные успѣхи Максимовича повліяли на его служебное поприще: къ концу 1829 года онъ былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта университета. Дѣятельность его съ этой поры становится еще шире и замѣтнѣе, какъ въ литературѣ, такъ и въ университетѣ. Оканчивалось 75-лѣтіе Московскаго университета, и Максимовичъ, горячо преданный и признательный своей alma mater, вызвался быть ораторомъ на торжествѣ 75-лѣтія: 1830 года, 12-го января, въ день основанія университета, Максимовичъ произнесъ рѣчь: „Объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи“. Ботаникъ явился историкомъ. Въ сжатомъ очеркѣ онъ представилъ всѣ существенныя заслуги старѣйшаго русскаго университета; Московскій университетъ, говорилъ онъ, наиболѣе содѣйствовалъ развитію наукъ въ нашемъ отечествѣ; въ немъ впервые услышала Россія на родномъ языкѣ своемъ почти всѣ науки; многія руководства изданы впервые отъ университета; онъ приготовилъ языкъ русскій и Россію для дальнѣйшаго усовершенствованія и распространенія наукъ, наконецъ, онъ весьма много содѣйствовалъ образованію русской словесности. Исчисливъ его замѣчательныхъ дѣятелей и питомцевъ, ораторъ пожелалъ въ заключеніе, „дабы юношество русское получало во всѣхъ университетахъ воспитаніе русское, безъ котораго просвѣщеніе наше не будетъ имѣть характера самобытности, характера, какимъ бы от-

¹⁾ Почти 30 лѣтъ спустя, въ 1858 году, Максимовичъ имѣлъ случай подтвердить свое мнѣніе, сказавъ, что Пушкинъ, по свойству своего генія, въ своей „Полтавѣ“ былъ покорнѣе исторической дѣйствительности, чѣмъ Гоголь въ своемъ „Тарасѣ Бульбѣ“. *Русск. Бесѣда*, 1858, № 1, Критика, стр. 15; ср. *День*, 1861, № 3, стр. 15.

²⁾ *Москвит.*, 1845, №№ 7 и 8, стр. 51.

личалось оно отъ просвѣщенія германскаго, французскаго, англійскаго“. Вотъ когда чуть-ли не впервые публично высказана была мысль о необходимости самостоятельнаго просвѣщенія, самобытнаго развитія въ Россіи. Мысль эту развилъ ораторъ съ особенною полнотою въ другомъ словѣ, съ которымъ мы скоро встрѣтимся.

Около этого времени, увлекаясь господствовавшею страстію къ альманахамъ и пользуясь добрыми отношеніями лучшихъ нашихъ писателей, Максимовичъ издалъ на 1830 годъ альманахъ *Денницу*. Пушкинъ (помѣстившій тамъ начало „Бориса Годунова“), Мерзляковъ, Веневитиновъ, князь Вяземскій, Дельвигъ, Хомяковъ, Баратынскій, Языковъ, Погодинъ, Ив. Кирѣевскій, Сомовъ, Камашевъ, Глинка, княгиня Э. Волконская украсили *Денницу* самымъ радушнымъ образомъ ¹⁾. Кирѣевскаго Максимовичъ убѣдилъ написать для *Денницы* обзорѣніе русской словесности за 1829 годъ, и такимъ образомъ, одинъ изъ первыхъ призналъ силу дарованія въ этомъ замѣчательномъ мыслителѣ. Это была первая статья, подъ которою Кирѣевскій подписалъ свое имя. Пушкинъ находилъ это „Обзорѣніе“ „краснорѣчивымъ и полнымъ мыслей“ ²⁾. Но къ потѣхѣ журналистовъ, въ статьѣ Кирѣевскаго нашлась такая фраза: „На классическія формы своей музы Дельвигъ набросилъ *душегрыбку* новѣйшаго унынія“. Журналисты подхватили это выраженіе на смѣхъ. Такъ какъ при этомъ Кирѣевскій крайне неблагопріятно отозвался о тогдашнихъ журналистахъ, то Надеждинъ въ *Вѣстникѣ Европы* между прочимъ сказалъ, что это „Обзорѣніе“ не есть въ *оба зрѣніи*. Впрочемъ, тогдашніе журналы отдали *Денницу* преимущество предъ всѣми альманахами 1830 года, признавая, что въ ней помѣщены стихи почти всѣхъ лучшихъ поэтовъ нашихъ, и что она можетъ смѣло похвалиться нѣкоторыми прозаическими статьями. Серафима Тенлова напечатала въ *Денницу* стихи „Къ ***“; въ нихъ увидѣли отношеніе къ Рылѣеву, и цензоръ С. Н. Глинка былъ посаженъ на гауптвахту. Подозрѣніе оказалось неосновательнымъ, и Максимовичъ безпрепятственно продолжалъ изданіе *Денницы*. Какъ бы ни было, появленіе ея надѣлало немало шуму. Дельвигъ, не задолго предъ тѣмъ пріѣхавшій въ Москву, увѣдомилъ Максимовича о своемъ пріѣздѣ: „*Сѣверные Цвѣты* привѣтствуютъ появившуюся *Денницу*, а са-

¹⁾ Замѣтимъ, что Дельвигъ, самъ издатель *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, почти никогда не отдавалъ своихъ стиховъ въ чужіе альманахи (См. *Соврем.*, 1857, № 9, ст. В. П. Гаевского), но Максимовичу не отказалъ.

²⁾ Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. V, стр. 38. О той же статьѣ Кирѣевскаго см. *Моск. Телегр.*, 1830, ч. 31, стр. 203—232, ст. Кс. П.

довникъ ихъ желаетъ обнять самого Люцифера“. Дельвинъ, между прочимъ, прѣѣхалъ просить лично Московскихъ литераторовъ принять участіе въ начатой имъ съ 1830 года *Литературной Газетѣ*. Сомовъ, редактировавшій газету, еще нѣсколько раньше писалъ Максимовичу по порученію Дельвига: „Намъ нуженъ рѣшительный сотрудникъ по части естественныхъ наукъ, и мы челомъ вамъ! Не поплните друзей ваших“ ¹⁾. Въ газетѣ собирались участвовать Пушкинъ, Баратынскій, Вяземскій, Жуковскій, князь Одоевскій, Языковъ, Давыдовъ, Плетневъ, Козловъ и другіе. Но участіе Максимовича, изъ Москвы, при усилившихся занятіяхъ его, не могло быть велико въ Петербургской газетѣ: мы встрѣчаемъ въ ней только два отрывка его по ботаникѣ. Участіе это ограничивалось между прочимъ и тѣмъ, что Максимовичъ въ это время былъ занятъ собираніемъ пѣсенъ и романсовъ Мерзлякова (изданныхъ, подъ его смотрѣніемъ, въ 1830 году, незадолго до смерти Мерзлякова), и тѣмъ, что онъ готовилъ вторую книжку *Денницы*, такъ какъ успѣхъ первой книжки побудилъ его продолжать изданіе. Во второй книжкѣ, изданной на 1831 годъ, встрѣчаемъ статьи Пушкина ²⁾, князя Вяземскаго, Языкова, Вельтмана, Шевырева, Полеваго, О. Н. Глинки, О. И. Тютчева и самого Максимовича „Обозрѣніе русской словесности“. И этому „Обозрѣнію“ суждено было поднять журнальную бурю, или точнѣе, явиться *видимымъ* поводомъ, вслѣдствіе котораго обрушились на Максимовича нападки *Телеграфа*. Доселѣ Полевой находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Максимовичу; въ *Московскомъ Телеграфѣ* даже было объявлено однажды, что г. Максимовичъ есть *другъ издателя Телеграфа* ³⁾; Максимовичъ, съ своей стороны, отвѣчалъ искреннимъ и признательнымъ отношеніемъ къ Полевому; но когда Полевой, въ чадѣ журнальнаго успѣха, вооружился необычайною смѣлостію и сталъ рѣзко нападать на самыхъ славныхъ нашихъ писателей, которымъ онъ былъ обязанъ успѣхомъ своего журнала, Максимовичъ охладѣлъ къ нему. Во всякомъ случаѣ онъ долѣе всѣхъ извѣстныхъ писателей сохранялъ къ нему дружескія отношенія ⁴⁾ и за это терпѣлъ сильные укоры и на-

¹⁾ *Современникъ*, 1854, № 9, «Дельвинъ», стр. 38 и 41.

²⁾ Полемическая статья Пушкина о его поэмѣ «Полтава» напечатана въ *Денницѣ* точнѣе, чѣмъ въ прежнемъ собраніи его сочиненій. Автографъ Пушкина переданъ Максимовичемъ, въ 1858 году, въ бібліотекѣ возобновленнаго Общества любителей русской словесности. (См. *Моск. Вѣдом.*, 1859, № 21).

³⁾ *Моск. Телегр.*, 1828, ч. 24, № 22, стр. 200.

⁴⁾ Въ *Моск. Вѣстн.* (1830 г., ч. V), въ статьѣ «Взглядъ на кабинеты журналовъ» Максимовича уподобляютъ Петру Васманову, который хотя и увѣренъ

паденія отъ Павлова, С. Т. Аксакова, Надеждина, Кирѣевскаго. Наконецъ, выходитъ вторая книжка *Денницы*, и Ксенофонтъ Полевой ополчается на статью Максимовича жестоко; онъ назвалъ автора ея „дезертиромъ истины“. „Дезертиры всѣхъ родовъ нетерпимы, но дезертиры истины хуже всѣхъ“ восклицалъ критикъ, рисуясь и называя себя благонамѣреннымъ, прямодушнымъ. Далѣе онъ упрекалъ издателя *Денницы* за его похвалы *Литературной Газетѣ*, за отзывы о прежней журнальной критикѣ, какъ бранчивой и неприличной; укорялъ въ пристрастіи, даже въ близорукости и изъявлялъ увѣренность, что такіа сужденія *Денницы* будутъ встрѣчены негодованіемъ публики.... Тайною причиною этихъ ожесточенныхъ нападокъ было то, что въ *Денницѣ* было помѣщено посланіе Шевырева къ А. С. Пушкину, а въ этомъ посланіи Шевыревъ, вспоминая развитіе русскаго языка въ твореніяхъ Ломоносова, Державина, Карамзина, тоскуетъ о порчѣ его въ журналахъ и спрашиваетъ:

„Что сдѣлалось съ російскимъ языкомъ,
Что онъ творить безумныя проказы?“

И на вопросъ этотъ отвѣчаетъ: Въ исторіи Карамзина —

„И рѣчь неслась широкими волнами,
Что далѣе, то глубже и свѣтлѣй;
Какъ въ зеркалѣ вся Русь гладѣлась въ ней;
И въ океанъ лишь только превратилась,
Какъ Нилъ въ пескахъ, внезапная сокрылась,
Сокровища съ собою унесла,
И тайнаго никто не смѣтилъ хода.
И что жъ теперь?... *Вдругъ лужею всплыла*
Въ „Исторіи Россійскаго народа“.“

Максимовичъ отвѣчалъ Полевому сильною статьею въ *Молву* 1831 года. Такъ произошелъ разрывъ сношеній съ Полевымъ, которая со стороны Максимовича были уже безвременными, потому что Полевой давно уже измѣнилъ свои отношенія къ тому литературному кругу, которымъ дорожилъ Максимовичъ¹⁾.

въ самозванствѣ Лже-Дмитрія, но, бросившись однажды въ его объятія, готовъ пребыть ему вѣрнымъ даже до смерти (стр. 219). Статья принадлежитъ М. П. Погодину. Пушкинъ былъ очень доволенъ ею и много смѣялся.

¹⁾ Надо замѣтить однако, что и послѣ этого времени никогда отношенія Н. Полеваго и Максимовича не были въ полномъ смыслѣ слова *враждебными*; произошедъ только разрывъ сношеній, возникла холодность, которая въ послѣдствіи нѣсколько ослабѣла.

Длинный рядъ писателей, помѣстившихъ статьи свои въ *Денницу*, ясно говоритъ объ обширныхъ литературныхъ связяхъ ея издателя; связи эти расширялись съ каждымъ годомъ. Съ одной стороны чуткость Максимовича ко всему даровитому, выдающемуся, съ другой стороны — вниманіе литераторовъ къ Максимовичу, извѣстность коего въ литературѣ распространялась болѣе и болѣе, расширяли его дружескія сношенія. Около этого времени послѣдовало сближеніе его съ поэтомъ Н. М. Языковымъ, съ С. Т. Аксаковымъ, съ Н. И. Гнѣдичемъ, который пріѣзжалъ въ Москву въ августѣ 1831 года, и еще незнакомый Максимовичу лично, отыскалъ его въ Симоновской слободѣ, чтобы привѣтствовать издателя „Малороссійскихъ пѣсень“. Въ бесѣдѣ своей съ Максимовичемъ Гнѣдичъ высказывалъ мысль о сходствѣ малороссійскихъ звуковъ съ италіанскими, декламируя стихи въ родѣ:

«Соромъ менѣ, чи не соромъ».

Въ 1831 году, на вечерахъ у С. Т. Аксакова, Максимовичъ сближился съ Надеждинымъ. Первоначально онъ познакомился съ нимъ еще въ 1827 году, у профессора Дядьковского (который не могъ довольно налюбоваться своимъ даровитымъ землякомъ); теперь же онъ сошелся съ нимъ въ близкое, дружеское братство, — и много событій, много воспоминаній въ жизни Максимовича тѣсно связаны съ личностію этого истинно-замѣчательнаго человѣка. Съ 1831 года начался журналъ Надеждина *Телескопъ* и при немъ *Молва*, и Максимовичъ принялъ живое участіе въ этихъ изданіяхъ. Въ *Телескопѣ* помѣщены его разборы сочиненія Лодера о холерѣ и „Зоологической системы“ Фишера. Въ *Молвѣ* помѣщено нѣсколько его рецензій, мелкихъ извѣстій, замѣтокъ журнальныхъ, часто веселыхъ, шутивыхъ, но къ сожалѣнію безъ всякой подписи. Дѣятельность его какъ писателя не прерывалась ни на одинъ годъ, и статьи его раскидываются все въ большемъ числѣ періодическихъ изданій: ихъ заботливо ищутъ, о нихъ прекрасно отзываються. Вотъ одинъ наиболѣе яркій примѣръ. Въ началѣ 1831 года умеръ Дельвигъ; Пушкинъ, болѣе всѣхъ литераторовъ пораженный смертію его, принялъ на себя заботу изданія *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*. По его порученію О. М. Сомовъ писалъ къ Максимовичу: „Пушкинъ рѣшился на будущій годъ продолжать *Сѣверные Цвѣты* съ благою цѣлью. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ его поклонъ и великое челобитье. Если у васъ есть что-либо въ прозѣ, какой-либо отрывокъ изъ вашей „вдохновенной“ ботаники, то при-

шлите его намъ для *Сѣверныхъ Цѣтковъ*. Да не увидите ли вы съ Языковымъ? Нельзя ли умолить его, чтобъ онъ прислалъ намъ стиховъ и поболѣе, и поскорѣе“ ¹⁾).

Журнальная дѣятельность Максимовича не мѣшала ходу ученыхъ работъ его. Въ томъ же 1831 году онъ издалъ вторую книгу „Основаній ботаники“, подъ заглавіемъ: „Систематика растений“. Въ журнальной рецензіи на нее замѣчено было, что „Систематика растений“ никогда еще не представлялась у насъ съ такою свѣжестію содержанія, стройностію состава и чистотою обработки. Изложеніе Максимовича отличается ясностію, твердостію и благоразумною скромностію. Ботаника обязана ему многими удачными выраженіями, счастливо придуманными или вновь образованными. Таково, напримѣръ, выраженіе *особь*; нѣкоторыя имѣютъ въ себѣ даже нѣчто поэтическое, какъ напримѣръ *подвѣнчикъ* (*torus*), *колосинка* (*locusta*), *пологъ* (*perigonium*) и т. п. ²⁾. Надо замѣтить при этомъ, что, разрабатывая терминологию, Максимовичъ постоянно заботится о томъ, чтобы наука его выражалась по русски; для этого онъ не только хлопоталъ о близости перевода, но и старался уловить въ народѣ названія растений, и характеристическія изъ нихъ вводилъ въ свои сочиненія. Короче сказать, ботанической терминологіи Максимовичъ послужилъ очень много и одинъ изъ первыхъ въ Россіи ³⁾.

Занимаясь преимущественно ботаникою, Максимовичъ успѣлъ обработать и „Сокращенную систему животнаго царства“, и тогда же въ 1831 году начато было ея печатаніе, но по случайнымъ обстоятельствамъ книга эта не вышла въ свѣтъ ⁴⁾. Впрочемъ, корректурные листы ея были не безызвѣстны специалистамъ, что видно изъ того, что тогда же его систему животнаго царства приводилъ въ своей

¹⁾ *Современникъ*, 1854, № 9, ст. В. П. Гаевского «Дельвигъ», стр. 60—61.

²⁾ *Телескопъ*, 1831, № 22, стр. 275—277. Изъ же образованы слова: *полномасіе*, *своевременный*, привившіяся въ литературу. Встрѣчаются и другіе неологизмы: согласовка, тоговременный, темнословный и др. Въ числѣ ботаническихъ терминовъ встрѣчаемъ придуманные имъ: станъ, ростокъ, завитки, приемники, перворостокъ, дѣтка и др.

³⁾ На его «Систематику растений» ссылался профессоръ Гр. Еф. Щуровскій уже въ 1858 году, называя его «известнымъ мыслителемъ-натуралистомъ», въ своей критикѣ на «Естественную исторію земной коры» Кутормы (см. *Атеней* 1858, № 41, стр. 342).

⁴⁾ См. «Откуда идетъ Русская земля». Кіевъ, 1837, стр. 133, примѣч.

книгѣ профессоръ А. Ловецкій ¹⁾; въ послѣдствіи системѣ его слѣдовалъ профессоръ Щуровскій ²⁾.

Въ началѣ 1832 года мы въ другой разъ встрѣчаемъ Максимовича ораторомъ въ день основанія Московскаго университета. Два предмета всего ближе были сердцу Максимовича — Московскій университетъ и просвѣщеніе русское; очертивъ, два года назадъ, значеніе университета, теперь онъ является съ рѣчью „о русскомъ просвѣщеніи“. По серіозному достоинству содержанія своего, рѣчь эта заслуживаетъ подробнаго анализа; вотъ нѣкоторыя, важнѣйшія изъ нея мысли: „Самобытность неизмѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія. Духъ русскій въ своемъ развитіи отъ Петра Великаго вдыхалъ жизненный воздухъ изъ европейскаго просвѣщенія; но, по мнѣнію оратора, не увлекся навсегда ни однимъ одностороннимъ направленіемъ и только временно принималъ чуждую фізіономію. Въ этомъ ораторъ видѣлъ признавъ природной, жизненной крѣпости духа русскаго, способность къ развитію самобытному, при величайшей понятливости и перенимчивости. И то, и другое показываетъ въ русскомъ человѣкѣ дивную способность къ просвѣщенію; мало того: въ натурѣ Русскаго заключается не только способность къ опытному мышленію Европейца, но и та восточно-пламенная способность, съ которою онъ быстро и живо объемлетъ предметы и прямо ощущаетъ истину“. На основаніи такихъ свойствъ, такой цѣльности въ натурѣ русскаго человека, ораторъ требовалъ, чтобы Россія, почитая *иностранное*, не забывала *своенароднаго*, чтобы она возвысилась жизненнымъ развитіемъ родныхъ ей стихій. Мы должны, говоритъ Максимовичъ, не принимать, но понимать европейское, для возвышенія русскаго. Служить человечеству можно только служа Россіи. Ораторъ признавалъ, что такое обращеніе къ своей народности уже становится господствующимъ направленіемъ умовъ русскихъ. Въ своей думѣ о пользѣ и славѣ Россіи, онъ желалъ, чтобы Россія явила въ себѣ самое высокое, полное и прочное, самое жизненное образованіе человѣческаго духа. Для этого онъ главнымъ средствомъ полагалъ просвѣщеніе, основанное на религіозно-нравственномъ образованіи сердца и воли; онъ требовалъ, чтобы

¹⁾ Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ, А. Ловецкаго, ч. I, изд. 2-е. М. 1832, стр. 136—139.

²⁾ Органологія животныхъ, соч. д-ра Г. Щуровскаго, М. 1834, стр. VI—XII.

знание было въ согласіи съ дѣломъ, чтобы просвѣщеніе стало всеобщимъ удѣломъ. Подъ просвѣщеніемъ разумѣлъ онъ полное и многостороннее обогащеніе и развитіе ума познаніями и желалъ для него органической цѣлости. Обращаясь къ питомцамъ, онъ начерчивалъ имъ какъ истинную цѣль жизни — усовершеніе себя и улучшеніе участи своихъ собратій ¹⁾.

Университетъ не остался невнимателенъ къ своему члену, который такъ ревностно трудился для его чести. Университетъ очень хорошо зналъ, что Максимовичъ, оставаясь на скудномъ магистерскомъ окладѣ, уже нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ ботаническимъ садомъ, преподавалъ ботанику за профессора, что лекціи Максимовича все болѣе приобретаютъ извѣстность, что его ученыя сочиненія пользуются авторитетомъ, что для слушателей своихъ онъ неустанно издаетъ пособия: изъ вниманія къ такой дѣятельности университетъ ходатайствовалъ о возвышеніи Максимовича въ экстраординарные профессора сверхъ комплекта. Но министръ, князь Ливень, не нашелъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство. Университетъ тогда предоставилъ Максимовичу поѣздку на Кавказъ, съ пособиемъ въ 2.000 руб. ассигн., для поправленія разстроеннаго здоровья и собиранія растений. На Кавказѣ, собирая матеріалы для науки, Максимовичъ въ то же время успѣлъ воспользоваться пребываніемъ тамъ А. А. Алябьева и положить на ноты 25 напѣвовъ украинскихъ пѣсень. Въ концѣ сентября Максимовичъ возвратился съ Кавказа, успѣшно окончивъ свое ботаническое путешествіе, и привезъ много любопытныхъ растений.

Возвратясь въ Москву, оживленный свѣжими впечатлѣніями, онъ повелъ дѣло преподаванія еще съ болѣшимъ успѣхомъ. Первую лекцію пришлось ему прочесть въ присутствіи обозрѣвавшаго тогда университетъ товарища министра, С. С. Уварова, и краснорѣчивый президентъ Академіи лестно потомъ отзывался о живомъ содержаніи и литературномъ выраженіи лекціи ²⁾. Владѣя языкомъ, Максимовичъ никогда не писалъ лекцій; онъ съ самаго начала испыталъ, что написанная лекція связываетъ его и сбиваетъ, и поэтому только приготавливалъ содержаніе и по пути въ университетъ обдумывалъ изложеніе.

Къ осени 1832 года относится начало сближенія его съ Гоголемъ. Гоголь, уже авторъ „Вечеровъ“, возвращался въ это время (въ ок-

¹⁾ *Телескопъ*, 1832, ч. 7, № 2, стр. 169 — 190.

²⁾ Это былъ сжатый очеркъ исторической системы растительнаго царства. Лекція напечатана въ *Учен. Зап. Москов. унив.*, 1834, ч. I.

тябрѣ) изъ Малороссіи въ Петербургъ и посѣтилъ Максимовича, не только какъ своего земляка, съ которымъ уже встрѣчался въ 1829 году въ Петербургѣ, но и какъ издателя малороссійскихъ пѣсенъ, которыя Гоголь любилъ восторженно. Гоголь въ это время собиралъ матеріалы для исторіи Малороссіи; Максимовичъ подготавливалъ новое изданіе пѣсенъ, и это сродство занятій, посвященныхъ общей родинѣ, породило между ними дружбу, полную взаимнаго уваженія; съ тѣхъ поръ завязалась ихъ оживленная, интересная переписка.

Слѣдующій годъ наконецъ блистательно увѣнчалъ офиціальное положеніе Максимовича: 21-го марта 1833 года С. С. Уваровъ былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ, а въ августъ того же года адъюнктъ Максимовичъ избранъ ординарнымъ профессоромъ ботаники; друзья Максимовича, и особенно Павловъ и Надеждинъ, ликовали; самъ Уваровъ былъ радъ этому избранію и утвердилъ его немедленно.

Давняя пламенная цѣль Максимовича была достигнута; но здоровье ослабло. Прежде всего пострадало зрѣніе отъ усиленныхъ занятій надъ микроскопомъ. Страсть къ систематизаціи развила въ Максимовичѣ любовь къ строгой точности, а это, въ свой чередъ, увлекало его къ частымъ и продолжительнымъ занятіямъ надъ микроскопомъ. Занятія эти и любовь къ точности отразились какъ въ собственныхъ его произведеніяхъ, такъ и въ рецензіяхъ на разныя книги. Явился даже цѣлый рядъ его статей, подъ общимъ названіемъ „Микроскопъ“, въ которомъ указывались, невольные, конечно, промахи и ошибки разнаго рода въ сочиненіяхъ даже первоклассныхъ естествоиспытателей (Линнея, Декандоля, Берцелиуса, Фишера); туда же входили и другія замѣтки и наблюденія, показывающія изощренное вниманіе ко всей широкой области естествознанія. Названіе оправдывалось зоркостію наблюденій; съ другой стороны, маленькій отдѣлъ при *Телескопѣ* нельзя было иначе и назвать, какъ *микроскопомъ*.

Сознательно любя естествовѣдѣніе и понимая всю пользу, какую можетъ принести распространеніе его въ народѣ, Максимовичъ издалъ въ 1833 году для народнаго чтенія „Книгу Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“. Здѣсь, въ простомъ разказѣ, на первый разъ переданы были главнѣйшія истины астрономіи и математической географіи. Это была *первая* попытка въ нашей литературѣ — представить полезное и вмѣстѣ завлекательное для простаго народа чтеніе. „Книгу Наума почитаемъ мы разсвѣтомъ утѣшительной будущности для нашего народнаго просвѣщенія“, говорила *Молва*; „въ приходскихъ и деревенскихъ школахъ она должна быть ручнымъ, классическимъ по-

собою". Вообще журналы отзывались почти съ безусловною похвалою какъ о содержаніи, такъ и о выполненіи „Книги Наума“ и желали дальнѣйшаго продолженія. Многіе литераторы, особенно князь Одоевскій и Д. В. Давыдовъ, были отъ нея въ восторгѣ. Одоевскій отнесся къ Максимовичу съ обширнымъ посланіемъ, въ которомъ писалъ между прочимъ: „Я отъ вашей „Книги Наума“ безъ ума отъ восхищенія.... Она вообще прекрасна. Вы совершенно попали на тонъ, необходимый въ семь родѣ книгъ. Мнѣ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь замѣчательною для простолюдина, какъ ее сдѣлалъ Наумъ. Слава и честь ему! Появленіе вашей книги произвело во мнѣ радость, которой я давно ужъ не испытывалъ при появленіи русскихъ книгъ: она хороша и сама по себѣ, и съ прекрасною цѣлю, и во время“. Одоевскій предлагалъ Максимовичу совмѣстныя работы по изданію книгъ для народа, бралъ на себя издержки изданія, предоставляя всѣ выгоды автору „Наума“. Публика вполне оцѣнила удачное предпріятіе, быстро раскупивъ первое изданіе; многіе сидѣльцы Московскіе приходили къ автору, желая дальнѣйшихъ разъясненій, возбужденныхъ въ нихъ чтеніемъ „Книги Наума“. Къ сожалѣнію, инныя, болѣе обязательныя, занятія отклонили автора отъ счастливо начатаго труда, и долго послѣ его книги не было въ литературѣ нашей подобной успѣшной попытки, до появленія въ 1843 году „Сельскаго чтенія“. И теперь еще сознается мысль, что писать для простаго народа такъ, чтобы все было ему понятно, пріятно и полезно — трудъ чрезвычайно серіозный; тѣмъ болѣе трудность эта существовала прежде, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія книга Максимовича, изданная за 38 лѣтъ назадъ. Она и нынѣ еще пользуется успѣхомъ, выходя уже *одиннадцатымъ* изданіемъ. И послѣ одиннадцати изданій, послѣ разошедшихся десятковъ тысячъ экземпляровъ, министерство народнаго просвѣщенія, въ маѣ 1870 года, признало полезнымъ—навсегда пріобрѣсти „Книгу Наума“ въ свою собственность, для употребленія ея въ начальныхъ училищахъ.

Въ нѣкоторой связи съ „Книгою Наума“ стоятъ „Размышленія о природѣ“, какъ предназначенныя для публики и вышедшія также въ 1833 году отдѣльною книжкою. Это—цѣлый рядъ картинъ, въ коихъ философское изслѣдованіе проникнуто поэтическимъ одушевленіемъ. Собственно же ученныя занятія Максимовича шли своимъ чередомъ, и плодомъ ихъ явилось въ томъ же году „Обозрѣніе оргалогіи растений“.

Расширяя и видоизмѣняя труды свои по естествознанію, Максимовичъ не оставлялъ занятій и по словесности. Приготовление новаго изданія пѣсенъ возбуждало въ немъ вниманіе къ тѣмъ литературнымъ памятникамъ, которые находятся въ ближайшемъ родствѣ съ ними; такимъ въ древнемъ періодѣ нашей словесности является „Слово о полку Игоревѣ“. Максимовичъ занялся изученіемъ его, и когда въ 1833 году явилась „Пѣснь о полку Игоревѣ“ въ переводѣ А. Вельтмана, Максимовичъ написалъ о ней обстоятельную рецензію. Но особенное вниманіе его было обращено по прежнему на народныя пѣсни. После изданія ихъ въ 1827 году ему посчастливилось присоединить къ своимъ запасамъ богатое собраніе извѣстнаго Ходаковского. Гоголь въ высшей степени радовался этому приобрѣтенію и вообще воодушевлялъ Максимовича своею любовію къ пѣснямъ, своимъ поэтическимъ словомъ о важности ихъ значенія. „Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами“, пишетъ онъ Максимовичу, узнавъ о его богатомъ приобрѣтеніи пѣсенъ,—„и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностію Жюда, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями“¹⁾. Любовь къ пѣснямъ тѣснѣе прежняго сблизила земляковъ; пѣсни часто служили предметомъ ихъ дружеской переписки. Приготовляя изданіе пѣсенъ, Максимовичъ успѣлъ еще издать третью книжку *Денницы*, на 1834 годъ; въ ней были отрывки изъ романовъ Лажечникова, Вельтмана, статьи С. Т. Аксакова, князя Одоевскаго, И. Кирѣевскаго, Языкова, Шевырева, Тютчева, Мельгунова, Тепловой и двѣ сказки самого Максимовича, заслужившія добрый отзывъ въ журналахъ²⁾. Между тѣмъ медленно и внимательно велось дѣло изданія пѣсенъ: издатель всячески старался удовлетворить научнымъ требованіямъ. Прежде всего онъ озабочился придать своему изданію возможную систему. Любопытно, что по этому поводу Гоголь писалъ къ нему: „Зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе... По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія“³⁾. Но строгій систематикъ не послушался художника: онъ раздѣлитъ свое собраніе

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, изд. *Кулиша*, т. V, стр. 188.

²⁾ Сказка его о Маркѣ богатымъ перепечатана въ *Славянинѣ*, печаталась отдѣльно и нынѣ уже выходитъ пятымъ изданіемъ.

³⁾ Соч. и письма Гоголя, изд. *Кулиша*. С.-Пб. 1857, V, 203.

а три части: украинскія думы, пѣсни казацкія былевыя и пѣсни казацкія бытовыя. Ко всякой части издатель присовокупилъ краткое историческое извѣстіе, ко многимъ думамъ приложилъ ихъ переводъ, а въ выноскахъ объяснилъ всякое слово, непонятное для Великоросса. Гоголь съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за ходомъ изданія пѣсенъ, и получая его отдѣльными листами, по мѣрѣ печатанія, былъ положительно въ восторгѣ: „Понесу къ Жуковскому, похвастаюсь Пушкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе“, писалъ онъ Максимовичу ¹⁾. Наконецъ „Украинскія народныя пѣсни“ вышли въ свѣтъ. Онѣ вызвали полное одобреніе въ журналистикѣ; особенно замѣчательны три весьма сочувственныя статьи Венелина въ *Телескопѣ*. „Нельзя перелистывать эту книгу безъ истиннаго удовольствія“, писалъ Венелинъ; „отъ имени всѣхъ любителей пѣснопѣнія искренно благодаримъ г. Максимовича за изданіе думъ и пѣсенъ южнорусскихъ“. Шафарикъ въ „Часописи“ отзывался, что собраніе Максимовича—лучшее изданіе народныхъ пѣсенъ. Пріятною и рѣдкою новостію были изданныя Максимовичемъ въ то же время „Голоса украинскихъ пѣсенъ“, аранжированные для фортепіано и пѣнія А. А. Алябьевымъ.

Такъ, изданіемъ народныхъ пѣсенъ, собраніемъ романсовъ Мерзлякова, изданіемъ трехъ книгъ литературнаго альманаха, критическими статьями о „Полтавѣ“ Пушкина, о „Пѣсни Игоря“, мало по малу подготовлялся будущій словесникъ. „Словесность необходима для каждаго“, писалъ онъ еще въ 1830 году. „Словесность для науки то же, что образованность для ума,—каждая изъ нихъ сама по себѣ недостаточна, надлежащее развитіе одной требуетъ необходимой помощи отъ другой; только вмѣстѣ живутъ онѣ полною жизнію“ ²⁾. Этимъ взглядомъ Максимовича объясняется то изящное литературное изложеніе, коимъ отличаются всѣ его сочиненія; яркая изобразительность блещетъ въ его языкѣ; поэтическая струя часто оживляетъ его прозу. Но любя поэзію, онъ почти никогда не увлекался одной изъ формъ ея — стихами, и если печаталъ (крайне рѣдко) стихи, то никогда не ставилъ подъ ними своего имени. Онъ про себя былъ поэтомъ. Только въ позднѣйшіе годы, именно съ 1857 года, встрѣчается его имя подъ стихами, и то подъ очень немногими произведеніями. Въ продолженіи всей Московской службы словесность стояла у него на второмъ планѣ, послѣ естествознанія, котораго онъ былъ представителемъ

¹⁾ Тамъ же, 207—208.

²⁾ *Моск. Вѣстн.* 1830, № 4, стр. 421—422.

официально и по призванію. Не говоримъ уже о томъ, что естественное было у него въ постоянной и неизмѣнной связи съ филологіей. Этотъ характеръ его занятій имѣло въ виду Московское общество любителей россійской словесности, избравшее его своимъ дѣйствительнымъ членомъ еще въ ноябрѣ 1833 года. Занятія словесности нисколько не мѣшали специальнымъ работамъ, которыя не прерывались ни на одинъ годъ. Такъ, въ 1833 году были напечатаны: въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* отрывокъ изъ большаго труда: „Явноцвѣтныя и тайноцвѣтныя растенія“, въ *Телескопѣ*—„Система растеній и система животныхъ“, письмо къ шведскому ботанику Фрису, написанное по случаю столѣтія Линнеевой системы; въ *Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета*—„Историческое изложеніе системы растительнаго царства“. За полезное участіе въ послѣднемъ изданіи Максимовичъ удостоился получить, наравнѣ съ другими профессорами, Высочайшее благоволеніе. Въ 1834 году образовывалось въ Москвѣ общество любителей садоводства, и Максимовичу, избранному въ должность секретаря, поручено было написать проектъ устава. Между тѣмъ ему представилось иное мѣсто, иная дѣятельность.

Постепенное ослабленіе здоровья, потеря матери, тоска по родицѣ заставили Максимовича думать объ оставленіи службы, или по крайней мѣрѣ, о лучшемъ климатѣ. Къ счастью, около этого времени послѣдовало учрежденіе университета св. Владиміра; оно повлекло Максимовича neodолимой силой туда, гдѣ колыбель Русской земли, гдѣ родина его рода: онъ сталъ искать въ Кіевѣ катедры по естествознанію. Но попечитель Кіевскаго округа г. фонъ-Брадке неожиданно предложилъ Максимовичу катедру русской словесности, желая именно его на эту катедру: это было *conditio sine qua* non его перемѣщенія въ Кіевъ. Максимовичу на первыхъ порахъ не хотѣлось было мѣнять предмета; онъ колебался, но необходимость переселиться въ болѣе благоприятный климатъ, на родину, а также любовь къ русской словесности, которою онъ ужъ занимался, побудили его принять предложеніе. Дѣло пошло официальнымъ порядкомъ. Уваровъ, ставшій министромъ съ 21-го апрѣля 1834 года, колебался отпустить Максимовича; онъ считалъ его нужнымъ для Москвы; даже ходатайство князя Вяземскаго, Жуковскаго и Пушкина не смягчало Уварова. Максимовичъ съ своей стороны не считалъ нужнымъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы самому хлопотать, какъ ни звали его туда Гоголь, Жуковскій и Вяземскій, писавшій ему, что ѣздить до Кіева доводить. Наконецъ, Уваровъ, не находя никого болѣе достойнаго на катедру словесности и принимая

во вниманіе слабое здоровье Максимовича, рѣшился выпустить его изъ Москвы. Въ одномъ изъ писемъ своихъ (отъ 7-го апрѣля 1884 года) Гоголь такъ говоритъ объ этомъ: „Третьяго дня я былъ у министра; онъ говорилъ мнѣ такими словами: „Кажется, я Максимовича переведу въ Кіевъ, потому что для русской словесности не находится болѣе его достойный человѣкъ. Хотя предметъ для него новъ, но онъ имѣетъ даръ слова, и ему можно успѣть легко въ немъ, хотя впрочемъ онъ теоретическаго никакого не выпустилъ еще сочиненія“. 4-го мая Уваровъ назначилъ краснорѣчиваго ботаника профессоромъ русской словесности и деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета. Максимовичу пришлось доканчивать академическій годъ ботаникой и вмѣстѣ готовиться къ новому предмету. Онъ усердно изучалъ важнѣйшіе источники, указанные ему другомъ Надеждинымъ.

Въ началѣ іюня попечитель фонъ-Брадке предварилъ Максимовича, что въ университетѣ св. Владиміра, по избранію еще ректора, исправленіе должности ректорской возложено будетъ на него, и Максимовичъ еще въ Москвѣ озабочился познакомиться со всюю процедурою ректорства и также со всѣми формами университетскаго дѣлопроизводства. 5-го іюля, на университетскомъ актѣ въ Москвѣ, въ исторической запискѣ о состояніи университета, были читаны слѣдующія строки: „На мѣсто Двигубскаго ординарнымъ профессоромъ ботаники избранъ и утвержденъ адъюнктъ Максимовичъ. Къ сожалѣнію, сей достойный наставникъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ приносившій университету честь своими трудами, столь усердными и полезными, предъ окончаніемъ года, по собственному желанію, переведенъ въ новооткрывающійся университетъ св. Владиміра ординарнымъ профессоромъ російской словесности, съ утвержденіемъ на сей годъ деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета. Университетъ нашъ утѣшается тѣмъ, что чрезъ сіе перемѣщеніе одного изъ лучшихъ его членовъ, воспитавшагося и начинавшаго свою службу въ его нѣдрахъ, новая лѣтоторосль просвѣщенія, насаждаемая благотѣльнымъ правительствомъ въ обновляющейся колыбели земли Русской, тѣмъ живѣе и тѣснѣе свяжется съ древними наслѣдственными корнями отечественнаго образованія, первенцемъ университетовъ русскихъ“¹⁾.

Друзья Максимовича радовались его новому назначенію. „Кіевъ — востокъ русской жизни“, писалъ ему въ послѣдствіи Надеждинъ: „Ему теперь предлежитъ дѣятельное участіе въ ея полуденныхъ трудахъ.

¹⁾ Речи въ торж. собраніи Имп. Моск. ун-та, іюль 5-го 1884 года, стр. 72.

И какъ я радъ видѣть тебя въ челѣ новаго поприща, отверивающагося для древней матери градовъ русскихъ“¹⁾).

Незадолго до отъѣзда въ Кіевъ, Московское общество исторіи и древностей россійскихъ избрало Максимовича своимъ дѣйствительнымъ членомъ, „отдавая должную справедливость его занятіямъ по изученію русской исторіи и древностей“. Общество почтало этимъ его рѣчи университетскія, его историческія объясненія къ „Украинскимъ пѣснямъ“ и его рецензіи (на „Полтаву“ Пушкина, на „Замероужскую старину“ г. Срезневскаго и проч.). Кромѣ того, этимъ избраніемъ общество какъ-бы готовило Максимовича на историческую дѣятельность тамъ, гдѣ была колыбель историческихъ судебъ Россіи, и гдѣ онъ потомъ дѣйствительно много потрудился.

13-го іюля 1834 г. Максимовичъ былъ уже въ Кіевѣ, такъ какъ министръ предложилъ ему посѣтить туда, чтобы принять участіе въ открытіи университета, 15-го іюля. Тамъ, въ это время, изъ всѣхъ профессоровъ, адъюнговъ и лекторовъ, Русскій былъ только—В. Ф. Цыкъ (исключая, конечно, профессора богословія). Максимовичъ явился въ ихъ среду человекомъ, уже пользовавшимся извѣстностью, какъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ Московскаго университета, какъ членъ ученыхъ обществъ и какъ литераторъ и издатель. Въ самый день пріѣзда Максимовичъ былъ уже въ университетскомъ засѣданіи, и въ тотъ же день попечитель возложилъ на него исправленіе обязанностей ректора. Ему тогда еще не было 30 лѣтъ. Въ день 15-го іюля, предъ торжествомъ открытія университета св. Владимира, въ Печерской церкви священнодѣйствовалъ митрополитъ Евгеній. На самомъ торжествѣ открытія Максимовичъ подносилъ дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ его—митрополиту Евгенію, пользовавшемуся уже тогда громкою извѣстностью, фельдмаршалу Остенъ-Сакену, герою 1812 года, генералъ-губернатору Парижа въ 1815 году, и генералъ-губернатору Кіева, графу Левашову, какъ одному изъ основателей университета. Но среди многочисленной парадной публики, собранной изъ четырехъ губерній, Максимовича особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ: тамъ ему хотѣлось угадать знаменитаго Иннокентія, тогда еще архимандрита, ректора академіи, и онъ угадалъ его. По окончаніи акта, Максимовичъ подошелъ къ нему, и первое теплое слово Иннокентія и рукопожатіе были началомъ той

¹⁾ *Москвит.* 1856. № 3, и «Письма о Кіевѣ» *М. А. Максимовича*. Спб. 1871, стр. 32.

дружбы, которая скрасила всю служебную жизнь Максимовича въ Кіевѣ. А жизнь эта слишкомъ нуждалась въ опорѣ, въ утѣшеніи, въ дружескомъ сердцѣ.

Съ невольнымъ чувствомъ грусти началъ Максимовичъ свою жизнь въ Кіевѣ: прежнія, широкія, годами укрѣпленныя Московскія связи, были прерваны; въ Кіевѣ, на первыхъ порахъ, нельзя было и думать, чтобы появились въ немъ равно милые его сердцу люди; Кіевскій университетъ, по самому своему составу, малочисленному и польскому, не могъ замѣнить собою Московскаго; въ кругу людей, однородныхъ съ нимъ по службѣ и дѣятельности, Максимовичъ находилъ общество, но не находилъ друга, челоѣка по душѣ. А въ Москвѣ онъ былъ такъ богатъ ими! Правда, и въ Кіевѣ скоро нашлись достойнѣйшіе люди, полюбившіе и обласкавшіе его, но это были люди еще новыя, люди изъ другаго круга, и сердце, привыкшее въ прежнимъ друзьямъ, оставившее ихъ, болѣло. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ началѣ его Кіевской жизни. Тогдашнее душевное настроеніе Максимовича всего лучше выразилось въ слѣдующихъ его стихахъ, написанныхъ въ первое время пребыванія его въ Кіевѣ:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ?
Гдѣ профессоры прямые?
Что Московскій нашъ совѣтъ,
И обѣды середные? ¹⁾
Все прошло. Здѣсь скучный бытъ;
Все дѣла, а мысль не вспыхнетъ,
Здѣсь восторгъ не закипитъ,
Голосъ сердца здѣсь затихнетъ.

Первое пристанище Максимовича въ Кіевѣ было на Печерскѣ, въ домѣ, занимаемомъ университетомъ; на Печерскѣ жилъ тогда и приснопамятный Ив. М. Скворцевъ, профессоръ богословія въ университетѣ; съ нимъ прежде всего сблизился Максимовичъ. Сближеніе со Скворцовымъ было отрадно не только какъ съ сотоварищемъ и съ однимъ изъ трехъ Русскихъ въ университетѣ, но и какъ съ челоѣкомъ высокаго ума и рѣдкаго сердца. Умныя бесѣды его, любезныя письма ²⁾ и заботливыя знаки вниманія утѣшали тоскующаго пришельца. Но все же спокойный, вѣчно-ровный, серьезный протоіерей-профессоръ не могъ быть задушевнымъ другомъ тридцатилѣтнему мірянину-ректору. Несравненно болѣе теплыя и свободныя отношенія

¹⁾ У Н. И. Надеждина.

²⁾ См. «Письма о Кіевѣ», стр. 41.

установились между Максимовичемъ и Иннокентіемъ; но о нихъ мы скажемъ ниже.

Какъ первый ректоръ Кіевскаго университета, Максимовичъ встрѣтилъ немалыя и исключительныя трудности въ исправленіи своей должности. Извѣстно, что университетъ былъ учрежденъ для утвержденія въ Югозападномъ краѣ *русскаго* просвѣщенія, въ противодѣйствіе господствовавшему въ немъ образованію въ духѣ польской народности и католицизма. Университетъ возникъ въ краѣ, незадолго предъ тѣмъ взволнованномъ событіями 1830 и 1831 годовъ. И хотя первая вѣсть объ учрежденіи его обрадовала общество, но въ то же время много послышалось сомнѣній и опасеній, и общій голосъ отлагалъ открытіе университета на долгіе годы, считая невозможнымъ открытіе его въ 1834 году ¹⁾. Далѣе: университетъ ввѣренъ былъ непрерывному и самому дѣятельному надзору попечителя, подъ личнымъ наблюденіемъ котораго совершалось совѣтомъ университета все внутреннее управленіе. Очень естественно, что такой энергически-дѣятельный и неутомимый попечитель, каковъ былъ фонъ-Брадке, нѣсколько связывалъ дѣятельность не только новичка-ректора, но и всего совѣта. Но онъ не заслонялъ ихъ собою, онъ не несъ обязанностей ректора: онъ понималъ, что должность ректора, и особенно въ новоустроиваемомъ университетѣ, нельзя исполнять тому, кто самъ не былъ профессоромъ и не сроднился съ идеей университета. Обстоятельства однако, были такія, что казалось опаснымъ оставить университетъ на произволъ совѣта, въ которомъ было только трое Русскихъ, а всѣ прочіе принадлежали къ старому составу упраздненнаго Кременецкаго лицея. Вотъ почему, а равно и по своей привычкѣ къ неусыпной дѣятельности, попечитель любилъ входить во всѣ подробности всѣхъ подвѣдомыхъ ему заведеній. На первыхъ порахъ университета безпрестанно возникали и въ совѣтѣ, и въ училищномъ комитетѣ, и въ правленіи такіе вопросы, по которымъ необходимо было совѣщаться ректору съ попечителемъ, и ректоръ даже обязанъ былъ на такое совѣщаніе особою инструкціей ²⁾. Случалось, что по нѣкоторымъ вопросамъ ихъ мнѣнія расходились, но Максимовичъ и въ такихъ случаяхъ дѣйствовалъ по своему убѣжденію и выражалъ свое мнѣніе, не стѣсняясь мнѣніемъ попечителя. Таково было положеніе Максимовича, какъ ректора, предъ попечителемъ. Что касается до отношеній его къ со-

¹⁾ Исторія унив. св. Владиміра, соч. В. Я. Шульмина. С.-Пб. 1860, стр. 41 и 42, примѣч.

²⁾ С.-Петербург. Вид. 1860. № 3.

вѣту, то они, безспорно, были самыя желанныя. Въ составѣ профессоръ, за исключеніемъ Скворцова, Цыха и самого Максимовича, были преподаватели закрытаго Кременецкаго лицея, лѣтъ за 40—50 и болѣе, люди, хранившіе преданія отжившей старины, самолюбивые, но дѣйствительно обладавшіе ученостью. Максимовичу удалось достигнуть чрезвычайно труднаго тогда и чрезвычайно важнаго всегда результата, что въ совѣтѣ утвердилось рѣдкое уваженіе и довѣріе другъ къ другу, рѣдкое согласіе и единодушіе ¹⁾. Въ ту горячую рабочую пору члены совѣта трудились за одно, изо всѣхъ силъ. Съ своимъ ближайшимъ сотрудникомъ, секретаремъ совѣта Черемисиновымъ, ректоръ подготовлялъ къ каждому засѣданію совѣта всѣ важныя вопросы на столько, что они не слишкомъ много отнимали времени у членовъ на обсужденіе. А благодаря несомнѣнному единодушію и согласію въ совѣтѣ, трудное дѣло устройства университета, въ первое время его существованія, совершалось успѣшно. На сколько многотрудно было это устройство, достаточно вспомнить, что тогда полагалось основаніе всѣмъ частямъ университета, вырабатывались правила для управленія разными частями; самое помѣщеніе университета было разбросано въ нѣсколькихъ наемныхъ домахъ, и ректору нужно было вести обширнѣйшую хозяйственную часть университета, какая требуется первымъ обзаведеніемъ. Между прочимъ, Максимовичъ преобразовалъ и расширилъ типографію при университетѣ изъ той разстроенной и скудной, которая была передана университету изъ штаба 2-й арміи.

Какъ ректоръ университета, Максимовичъ предлагалъ было изданіе при университетѣ *Ученыхъ записокъ* и составилъ программу; но это предпріятіе, по недостатку энергическихъ литературныхъ силъ, не состоялось. Въ ректорство Максимовича были открыты практическія упражненія казеннокоштныхъ студентовъ, приготовлявшихся къ учительскому званію — въ русской словесности, древнихъ языкахъ, педагогикѣ и математикѣ. Обязательныхъ семестральныхъ сочиненій въ то время еще не существовало, и Максимовичъ первый указалъ на необходимость самостоятельныхъ занятій студентовъ.

На ряду съ ректорскою обязанностію ~~и~~ участіе въ училищномъ комитетѣ, который попечитель выдвигалъ на первый планъ, сосредото-

¹⁾ Это сближеніе всѣхъ членовъ университетскаго ученаго сословія, даже въ житейскомъ быту (наружное, по крайней мѣрѣ), составляло одно изъ отличительныхъ свойствъ того времени, по свидѣтельству историка университета; см. «Истор. унив. св. Владиміра», стр. 168.

точивая въ немъ руководство средними учебными заведеніями и снабженіе ихъ способными учителями. Право университета назначать по своей оцѣнѣ преподавателей во всѣ училища округа, безъ сомнѣнія, было весьма важнымъ средствомъ, имѣвшимъ вліяніе на ходъ народнаго образованія; но вмѣстѣ съ этимъ на членахъ университета лежала обязанность — наблюдать за хозяйственною и административною частями учебныхъ заведеній: такая масса занятій крайне поглощала время и стѣсняла учебную и ученую дѣятельность членовъ университета, и конечно, всего болѣе ректора.

Въ ректорство Максимовича, съ іюля 1834 года до конца декабря 1835 года, совѣтъ собирался по три раза въ недѣлю (нынѣ совѣтъ собирается въ двѣ недѣли разъ); въ правленіи университета было также по три засѣданія въ недѣлю ¹⁾. Дѣла было не только много, но было оно трудно и многосложно. Изъ дѣлъ, напримѣръ, по училищному комитету назовемъ только: составленное въ немъ въ концѣ 1834 года подробное предположеніе объ учрежденіи и преобразованіи училищъ въ трехъ западныхъ губерніяхъ (которое и утверждено было въ іюнѣ 1835 года), открытіе двухъ гимназій и пяти четырехъ-классныхъ училищъ, преобразование двѣнадцати уѣздныхъ училищъ въ Черниговской губерніи ²⁾, и проч.

Какъ ни часты были засѣданія членовъ, но число, обширность и свойство дѣлъ не давали возможности рѣшать ихъ съ тою быстротою, какой желалъ попечитель. Въ составѣ канцеляріи было всего семь чиновниковъ: синдикъ, секретарь совѣта и пять канцелярскихъ служителей; скудость окладовъ не позволяла найти способныхъ канцелярскихъ чиновниковъ: поэтому не только составленіе бумагъ, но и пріисканіе справокъ (а иногда и переписка) лежали исключительно на самихъ членахъ и секретарѣ. Училищный комитетъ существовалъ во все время ректорства Максимовича и нѣсколько далѣе, до 1-го мая 1836 года, когда большая часть дѣлъ комитета была ввѣрена непосредственно попечителю и особому при немъ совѣту. Независимо отъ всего этого, Максимовичу три раза приходилось исправлять должность попечителя, во время не краткихъ поѣздокъ фонъ-Брадке по округу.

Изъ вышеизложеннаго ясно до очевидности, что Максимовичу приходилось до утомленія работать надъ дѣлами. Слишкомъ пристальные

¹⁾ Истор. унив. св. Владиміра, стр. 77, 92, 93.

²⁾ Тамъ же, стр. 89—90.

труды потрясли его слабое здоровье, и онъ еще осенью 1834 года проболѣлъ нѣкоторое время. Для него сдѣлалось необходимою или оставить скромное преподаваніе, или сложить съ себя важную и лестную должность ректора. Ученый дѣятель остался вѣренъ себѣ и не покинулъ кафедръ. Поэтому въ концѣ 1835 года, онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности ректора. Попечитель благодарилъ его официальнымъ письмомъ за управленіе университетомъ. „Считаю для себя пріятнѣйшею обязанностію“, писалъ онъ Максимовичу, „изъявить вамъ искреннюю мою благодарность за постоянно благонамѣренное и усердное содѣйствіе ваше къ пользамъ подвѣдомаго вамъ заведенія. Вашъ благородный образъ мыслей, ваше отчужденіе отъ всякой личности несомнѣнно имѣли сильное вліяніе на благо университета“. Въ засѣданіи совѣта, когда было прочтено это письмо, Максимовичъ простился искреннимъ и прекраснымъ словомъ съ членами совѣта. Университетъ и попечитель почтили своего перваго ректора прощальнымъ обѣдомъ. Лица, бывшія подчиненными Максимовичу, по управленію округомъ, директоръ Кіевской гимназіи и смотрители училищъ, въ полномъ составѣ, явились проститься съ нимъ, изъявить свою душевную признательность, уваженіе и надолго сохранили почтительныя къ нему отношенія.

Общество профессоровъ чтило Максимовича не только по его официальному или общественному значенію, но и просто какъ *живую личность*, какъ привѣтливаго, занимательнаго товарища. Въ университетскаго кружка, въ городскомъ обществѣ, Максимовичъ также былъ достойнымъ представителемъ ученаго сословія и занималъ весьма видное положеніе. Какъ первый ректоръ новаго университета, какъ профессоръ, имѣвшій болѣе другихъ литературную извѣстность, онъ пользовался особеннымъ авторитетомъ и былъ въ то время, наравнѣ съ фонъ-Брадке, дѣятельнымъ органомъ, сближавшимъ общество съ университетомъ. Появляясь въ лучшихъ домахъ Кіева, онъ вездѣ былъ одушевляющимъ лицомъ и всегда производилъ живое впечатлѣніе ¹⁾.

Профессорская дѣятельность Максимовича въ Кіевѣ началась подъ благословеніемъ и ободряющимъ напутствіемъ славнаго Иннокентія. Дружескія сношенія ихъ, начавшіяся съ перваго дня ихъ встрѣчи, скоро

¹⁾ Истор. унив. св. Влад., стр. 122, 169, 173, 174. Надо замѣтить однако, что упомянутые въ «Исторіи университета» профессорскіе вечера далеко не были такъ часты, какъ о нихъ говорится, а Максимовичъ на нихъ не былъ ни разу, по множеству занятій. Бывалъ онъ только у Неволина и у Богородскаго, у попечителя и Лашкаревыхъ.

окрѣпли, развились и достигли рѣдкой силы и теплоты. Спустя полтора мѣсяца по своемъ приѣздѣ въ Кіевъ, Максимовичъ приготовилъ вступительную лекцію „О значеніи и происхожденіи слова“; лекція эта была потомъ напечатана въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. К. С. Сербиновичъ впоследствии писалъ Максимовичу: „Ваша лекція о происхожденіи слова отмѣнно понравилась въ Москвѣ преосвященному Филарету“¹⁾. Затѣмъ, предпославъ нѣсколько чтеній о словесности вообще, Максимовичъ началъ въ хронологическомъ порядкѣ полный курсъ исторіи русской словесности, сопровождал его чтеніемъ и разборомъ замѣчательныхъ памятниковъ. Съ особенною любовію онъ останавливался на произведеніяхъ великорусской и южно-русской народной поэзіи. Изъ нихъ болѣе всего заняла его „Пѣснь о полку Игоревѣ“: онъ объяснялъ ее въ связи съ народными пѣснями южной и сѣверной Руси, западныхъ Славянъ и съ письменными памятниками древнерусской словесности. Подробный критическій разборъ ея онъ напечаталъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, а самую пѣснь съ переводомъ ея издалъ отдѣльно для своихъ слушателей. Въ дальнѣйшихъ чтеніяхъ своихъ по исторіи словесности, Максимовичъ имѣлъ счастье пользоваться обширнымъ и рѣдкимъ научнымъ богатствомъ и бесѣдами митрополита Евгенія. Въ какомъ бы памятникѣ ни представлялась надобность для лекцій, Максимовичъ немедленно находилъ у него готовое пособіе. Приходилось ли говорить о мнимыхъ гимнахъ Бояна, будто бы славянскими руками писанныхъ, Евгеній выносилъ рукопись, полученную имъ отъ самого выдумщика тѣхъ гимновъ Селакадіева. Приходилось ли читать о Феодосіѣ Печерскомъ, Евгеній сообщалъ посланіе къ Изяславу, переписанное для него рукою Востокова. Нужно ли было сказать о памятникѣ еще не изданномъ, напримѣръ, о „Хожденіи игумена Даниїла“, и его можно было найти у Евгенія. Короче сказать, вспоминая нынѣ свои тогдашнія занятія по исторіи русской словесности, Максимовичъ признаетъ себя весьма обязаннымъ митрополиту Евгенію²⁾. При такихъ фактическихъ пособіяхъ, при удачныхъ пріемахъ и счастливыхъ особенностяхъ профессора, дѣло по новой кафедрѣ пошло успѣшно. Богатый памятниками, одаренный живою, мастерскою рѣчью, эстетическимъ вкусомъ, Максимовичъ привлекалъ студентовъ. Кромѣ чтенія собственно исторіи литературы, онъ упо-

¹⁾ Въ томъ же году она въ извлеченіи была переведена на польскій языкъ и напечатана въ газетѣ *Tygodnik Petersburski*, 1835 rok, część XII, № 65.

²⁾ Письма о Кіевѣ, стр. 125—126.

треблялъ нѣсколько часовъ въ недѣлю для критическаго чтенія образцовыхъ русскихъ писателей: на этомъ преимущественно основывалось его преподаваніе. Какъ ученикъ Мерзлякова, онъ велъ ихъ съ особеннымъ искусствомъ и успѣхомъ; критическіе разборы были силою и торжествомъ Максимовича: ими онъ успѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и вліялъ на эстетическое ихъ развитіе ¹⁾. Его лекціи о народной поэзіи, его критическіе разборы авторовъ были имъ долго памятны. Ограничиваясь образцами русской поэзіи (такъ какъ кафедръ для общей литературы въ то время еще не было), Максимовичъ хорошо ознакомилъ слушателей съ народною поэзіей и этимъ, конечно, будилъ въ нихъ чувство народности. Въ этомъ вліяніи Максимовича на молодежь заключается великая заслуга его для новаго университета, которой не могла доставить огромная, но сухая эрудиція другихъ профессоровъ. Кромѣ преподаванія, онъ въ извѣстные часы читалъ и разбиралъ сочиненія студентовъ на заданныя или избранныя ими самими темы. Въ какихъ бы занятіяхъ ни проводилъ онъ часы свои съ студентами, ведѣ у него свѣтились жизненность, одушевленіе, не эффектный, не поддѣльный, но задушевный, согревающий. Вслѣдствіе всего этого онъ пользовался любовью и уваженіемъ студентовъ, и въ теченіе семилѣтней своей профессуры, успѣлъ подготовить нѣсколькихъ специалистовъ; назовемъ извѣстнѣйшихъ: Тулова (бывшаго профессора лицея князя Безбородко) ²⁾, Костыря (бывшаго профессора въ Кіевѣ и Харьковѣ), Вернадскаго (бывшаго сначала учителемъ русской словесности, потомъ извѣстнаго политико-экономомъ) ³⁾, Линниченка (нынѣшняго доцента въ Кіевѣ). Словесность интересовала студентовъ и внѣ стѣнъ университета: уже въ 1835 г. студенты завели нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ, собирались и читали свои сочиненія и переводы. Умственная дѣятельность студентовъ отличалась по преимуществу философскимъ и литературнымъ направленіемъ ⁴⁾. Наравнѣ съ Новицкимъ и Неволиннымъ, Максимовичъ былъ двигателемъ этого оживленія молодежи. Любовь

¹⁾ Истор. унив. св. Влад., стр. 121—122.

²⁾ Туловъ въ лицей читалъ исторію русской литературы по университетскимъ запискамъ Максимовича; см. «Лицей князя Безбородко», С.-Пб. 1859, стр. 139.

³⁾ Сочиненіе студента Вернадскаго «О полонизмахъ въ русскомъ языкѣ» было такъ основательно, что Максимовичъ предлагалъ было напечатать и разослать его по училищамъ округа. «Истор. унив. св. Влад.», стр. 197.

⁴⁾ Достаточно назвать сочиненія Тулова: «О познаніи природы» и «О значеніи и достоинствѣ логики».

студентовъ къ изящной словесности и упражненія въ чисто-литературныхъ произведеніяхъ были навѣяны именно его лекціями и критическими разборами ¹⁾.

Во все время ректорства, то-есть, около полутора года, Максимовичъ преподавалъ русскую словесность одинъ для слушателей обоихъ факультетовъ. Заботливо приискивая достойныхъ адъюнктовъ, онъ предлагалъ понечителю двухъ извѣстныхъ ему кандидатовъ Московскаго университета — М. Б. Чистякова ²⁾ и В. В. Тарновскаго ³⁾, но рекомендація Максимовича встрѣтила отказъ. Только въ 1836 году Максимовичу данъ былъ адъюнктъ — г. Голубцовъ, воспитанникъ Главнаго педагогическаго института, пробывшій въ Кіевѣ только годъ, а потомъ В. Красовъ. И тотъ, и другой уклонились отъ преподаванія исторіи словесности; поатому Максимовичъ предоставилъ имъ теорію, а самъ продолжалъ свои прежнія занятія. Историческое изученіе языка побудило его расширить свои занятія филологіей. Изучая русскую рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою, Максимовичъ подготавливалъ критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ, которое въ послѣдствіи послужило основой нѣсколькихъ его печатныхъ трудовъ.

Вотъ все, что мы могли сказать объ официальной службѣ Максимовича въ первые годы его пребыванія въ Кіевѣ. Переходимъ теперь къ очерку его Кіевской жизни и литературной дѣятельности.

Здѣсь, на первомъ планѣ, и по времени и по значенію, являются сношенія его съ Иннокентіемъ. Эти сношенія — лучшая радость Максимовича въ Кіевѣ и гордость всей его жизни. Особенно въ первое время, когда его одолѣвала сильная тоска въ университетскомъ одиночествѣ, сближеніе съ Иннокентіемъ было благотворною опорой для души его. Спустя какихъ-нибудь два-три мѣсяца по приѣздѣ его въ

¹⁾ Истор. унив. св. Влад., стр. 196.

²⁾ Чистяковъ уже тогда извѣстенъ былъ какъ переводчикъ книги Бахмана: «Всеобщее начертаніе теоріи изящныхъ искусствъ». М. 1832. Надеждинъ весьма лестно отзывался о переводѣ и по поводу книги напечаталъ обширный историческій очеркъ теоріи изящныхъ искусствъ (Телеграфъ 1832, часть 8, стр. 106, 229 и 535).

³⁾ О Тарновскомъ, между прочимъ, хлопоталъ и прекрасно отзывался Гоголь, какъ о человѣкѣ, *котораго всегда на подхватъ можно взять*. (Сочин. и письма Гоголя, т. V, стр. 231, 237). Это былъ помѣщикъ четырехъ тысячъ душъ крестьянъ, который по любви къ исторіи сдѣлался учителемъ ея въ Житомирской гимназіи. Позднѣйшая статья его «О дѣлимости семействъ въ Малороссіи» обратила на себя общее вниманіе.

Кіевъ, когда пришлось ему заболѣть послѣ первыхъ усиленныхъ трудовъ, Иннокентій пишетъ ему: „Добраго здоровья добрѣйшему Михаилу Александровичу! Добраго здоровья и душевнаго, и тѣлеснаго! Если благожеланія человѣческія имѣють какое-либо дѣйствіе, то мои вѣрно возымѣють, ибо происходятъ изъ глубины души. Притомъ же я нынѣ молился за васъ, хотя не чистымъ языкомъ, но отъ чистаго сердца. Итакъ, будьте здоровы“ ¹⁾. Сколько разъ потомъ, истомленный служебными дѣлами, Максимовичъ приходилъ съ Печерска или стараго Кіева на Подоль, къ Иннокентію, въ его длинную келью, всю заваленную книгами и газетными листами, и въ долгихъ бесѣдахъ съ любившимъ его всею душою другомъ освѣжался мыслию и сердцемъ. Дружба ихъ—повторяемъ—возникла чуть не съ перваго дня. Иннокентій полюбилъ Максимовича отъ всего сердца: чтъ бы ни случилось съ Максимовичемъ, Иннокентій во всемъ принималъ сердечное участіе. Спустя три мѣсяца по пріѣздѣ Максимовича, Иннокентій пишетъ ему: „Между пріятнѣйшими событіями въ моей жизни останется и въ будущемъ, какъ было въ настоящемъ году, мое знакомство съ вами“ (стр. 46). И это отнюдь не была любезная фраза, простая учтивость: Иннокентій на самомъ дѣлѣ доказалъ искренность и сердечность своего расположенія цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Былъ ли у него какой праздникъ, наставалъ ли день его ангела, онъ усердно звалъ къ себѣ Максимовича, посылалъ за нимъ экипажъ, людей. Случался ли такой день, когда Иннокентій никого не хотѣлъ принимать, онъ звалъ къ себѣ только одного Максимовича. Прочтите всю послѣднюю книгу Максимовича „Письма о Кіевѣ“, и вы увидите, какъ умилительны и трогательны многія подробности отношеній Иннокентія къ своему другу, какою нѣжною внимательностію, какою заботливою теплотою дышутъ его сердечныя строки.

За то и Максимовичъ съ своей стороны всецѣло былъ преданъ Иннокентію. Онъ ничего не начиналъ, не испросивъ благословенія Иннокентія, не увѣрившись въ его сочувствіи; онъ дѣлился съ нимъ всякою мыслию своею, всѣми случайностями жизни; онъ исполнялъ всѣ его ученныя порученія, содѣйствовалъ ему всѣмъ вліяніемъ своимъ какъ ректоръ; друзьямъ своимъ всѣмъ и всюду онъ посылалъ „Седмицы“ его—и въ Россію и за границу; всѣмъ и всегда восторженно говорилъ о немъ, гордился имъ... Въ ректорство Максимовича, Инно-

¹⁾ Письма о Кіевѣ, стр. 13. Всѣ отрывки изъ писемъ Иннокентія, какіе встрѣтятся далѣе, заимствованы изъ книжки Максимовича „Письма о Кіевѣ“. Привода отрывки, мы въ текстѣ же будемъ обозначать страницы этой книжки.

ментій былъ избранъ совѣтомъ университета въ почетные члены его (наравнѣ съ Сперанскимъ, Дашковымъ, Блудовымъ, Жуковскимъ и др.). И Иннокентій не даромъ носилъ титулъ почетнаго члена: онъ питалъ глубокое сочувствіе къ университету, болѣлъ его скорбями, являлся постоянно на его диспутахъ, при чемъ неразъ и сбивалъ ученыхъ борцовъ съ поля. Дружба ректоровъ скрѣпляла союзъ самихъ заведеній. Иннокентій бывалъ частнымъ гостемъ у попечителя, постоянно старался сблизить университетское сословіе съ академическимъ, приглашалъ иногда къ себѣ, вмѣстѣ съ Максимовичемъ, Богородскаго, Неволіна, Новицкаго, Орнатскаго, звалъ своихъ академистовъ и такимъ образомъ составлялъ, какъ онъ выражался, „симпосіонъ ученыхъ“ (стр. 73, 79—80).

Не удивительно, что при такихъ отношеніяхъ Иннокентія, Максимовичъ освоился съ Кіевскою жизнью своею, и 1835 годъ былъ однимъ изъ лучшихъ и пріятнѣйшихъ для него. Не даромъ Иннокентій, привѣтствуя его съ новымъ годомъ, писалъ къ нему: „Да будетъ онъ для васъ тѣмъ новымъ лѣтомъ пріятнымъ, для нареченія коего на бѣдной землѣ нашей пришелъ Тотъ, въ рукахъ Коего земля и небо, время и вѣчность“ (с. 48).

Превосходная весна 1835 года, какая даже и въ Украинѣ бываетъ рѣдко, своимъ освѣжительнымъ дыханіемъ какъ-бы обновила Максимовича и заставила его съ новою силою почувствовать отраду Кіевской жизни. И лучшія минуты этой поры оживлены и созданы внимательностію Иннокентія: у него провелъ Максимовичъ Страстную недѣлю, говѣлъ, приобщался, впервые слышалъ его слово надъ плаццаницею, у него встрѣчалъ праздникъ и весну, съ нимъ же сдѣлалъ свою первую поѣздку за городъ — въ Выдубицкій монастырь, въ храмовой праздникъ его, 23-го апрѣля. Бывшій естествоиспытатель, авторъ „Размышлений о природѣ“, радовался, видя, какъ сильно любилъ природу и весну Иннокентій¹⁾. Подобныя поѣздки повторялись нерѣдко; но конечно, никогда при этомъ не откладывался прямой долѣ, „всегда о немъ вспоминалось душевно, и порою въ изыщно-тонкомъ выраженіи. Такъ, собираваясь однажды съ полдня за городъ, Иннокентій пишетъ Максимовичу: „Радъ бы въ храмъ природы и ранѣе, но завтра грѣшно оставить храмъ Благодати. День Всѣхъ Святыхъ: прогнѣвить такой лѣтъ страшно“ (с. 51). Конечно, не одна любовь къ природѣ, не одно лишь удо-

¹⁾ Весна Иннокентій посвящалъ даже четыре слова свои, напечатанныя въ *Москвитянинѣ* 1844 года и въ *Воскр. Читеніи*, годъ 8-й, стр. 126, 157 и 197.

вольствие отдыха влекли друзей за городъ; много разъ было мѣсто и серьезной бесѣды, и обмѣну научными мыслями. Для высоко-даровитаго человѣка, каковъ былъ Иннокентій, всякій особенный случай являлся возбужденіемъ къ умственной дѣятельности. Въ тотъ годъ по-счастливилось ему открыть на дачѣ Братскаго монастыря, Пироговъ, забытую и заглохшую древнюю пещеру препод. Θεοδοσία; показывая ее Максимовичу, Иннокентій удивлялъ его своимъ историческимъ ясновидѣніемъ, угадывая въ развалинахъ древнія мѣстности. Подобныя бесѣды объ остаткахъ старины, полный прозорливыхъ догадокъ, возбуждали въ самомъ Иннокентіѣ историческое направленіе, внушая желаніе заняться изслѣдованіемъ вѣковыхъ Кіевскихъ древностей. Такъ прошла весна 1835 года. Служебныя хлопоты часто не позволяли Максимовичу воспользоваться предлагаемыми Иннокентіемъ загородными поѣздками, а безъ него Иннокентій неохотно предпринималъ ихъ и говорилъ, что поѣздки безъ Максимовича ему не удаются. „А мы были въ Вышгородѣ и Межигорѣ“, пишетъ онъ однажды „и за то, что были безъ васъ, порядочно пострадали отъ дождя“ (стр. 59). Полный памятью о другѣ, Иннокентій привезъ ему въ этотъ разъ изъ Межигорья двѣ цвѣточныя вазы.

Съ наступленіемъ вакаціи, Максимовичъ отправился на родину, по которой тоскою болѣла душа его и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ. Но едва нѣсколько дней могъ провести онъ въ родныхъ мѣстахъ: обязанности по ректорству и особенно по училищному комитету скоро вызвали его опять въ Кіевъ. Не касаясь болѣе его служебныхъ дѣлъ (о коихъ уже выше сказано все существенное), мы въ дальнѣйшемъ очеркѣ будемъ слѣдить только важнѣйшія обстоятельства его жизни и литературной дѣятельности.

Въ концѣ юлія Максимовичъ былъ обрадованъ свиданіемъ съ Гоголемъ. Гоголь, нанутивъ своего друга изъ Москвы въ Кіевъ оживленно-заботливыми письмами, продолжалъ было писать къ нему, сердечно интересуясь всеми обстоятельствами его Кіевской жизни; но занятія и здоровье Максимовича положительно не давали ему времени на подобную, частую и разнообразную, переписку. Весномъ 1835 г. Гоголь пріѣхалъ на родину; извѣщая Максимовича о своемъ намѣреніи быть въ Кіевѣ, на обратномъ пути въ Петербургъ, Гоголь писалъ ему изъ Полтавы: „Непремѣнно буду въ Кіевѣ; нарочно сдѣлавши 300 верстъ кругу, и проживу два дня съ тобою... Больше право ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя... А что,

какъ ты? Я думаю такъ движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай Богъ тебѣ за то возрастанія силъ и здоровья“¹⁾. Гоголь сдержалъ свое слово: въ концѣ іюля онъ прибылъ въ Кіевъ и такимъ образомъ первый изъ всѣхъ столичныхъ друзей Максимовича посѣтилъ его на новосельи. Гоголь пробылъ у него пять дней. И такъ какъ весь день Максимовичъ былъ занятъ въ университетѣ, то друзья сходились на бесѣду только по вечерамъ, а съ утра Гоголь уѣзжалъ къ своимъ лицейскимъ знакомцамъ, преимущественно къ бывшему профессору и инспектору Нѣжинскаго лицея Бѣлоусову, и съ нимъ осматривалъ Кіевъ. Максимовичъ могъ добывать съ нимъ только на паперти Андреевской церкви, гдѣ долго недвижно оставался Гоголь, любясь ненаглядною красотою Кіевскихъ видовъ. Интересно при этомъ та особенность, что Гоголю, извѣстному восторженному поклоннику Днѣпра, всего болѣе полюбилися видъ на Кожемяцкое устье и Кудрявецъ, а не на Подоль и не на далекое сиблющее Заднѣпровье. Древности и святыни Кіева производили сильное впечатлѣніе на Гоголя: дотолѣ откровенный живой и свободно шутивый, онъ возвращался теперь всякій вечеръ неожиданно скромнымъ и даже задумчивымъ; не разъ онъ при этомъ проявлялъ сожалѣніе, что ему не пришлось поселиться въ Кіевѣ на житье. Максимовичъ полагаетъ, что именно къ этому времени должно отнести начало крутого переворота въ мысляхъ Гоголя. Послѣ пяти дней свиданія, друзья разстались на долго.

Осенью 1835 года въ Кіевъ къ Максимовичу пріѣхали изъ-за границы Московскіе друзья: М. П. Погодинъ, Н. И. Надеждинъ, Д. М. Княжевичъ и П. В. Кирѣевскій. При всей многосложности тогдашнихъ занятій своихъ и дѣлъ, Максимовичъ съ каждымъ изъ своихъ гостей поочередно успѣвалъ быть у Иннокентія, отчасти сопровождать ихъ по Кіеву и съ нѣкоторыми бывать на университетскихъ лекціяхъ. По Кіеву онъ провожалъ гостей уже не какъ простой спутникъ, но какъ человѣкъ, изучающій его историческія судьбы. Бесѣды съ Погодинымъ, Надеждинымъ еще болѣе усиливали въ немъ историческія стремленія. Въ дружескихъ бесѣдахъ, разказахъ проходили цѣлыя ночи. Особенно утѣшенъ былъ Максимовичъ свиданіемъ съ Надеждинымъ. Онъ чувствовалъ, что этотъ человѣкъ непрерывно богатѣлъ сильнымъ умомъ, эстетическимъ даромъ. Въ душѣ Надеждина царилъ въ это время *живая* эстетика, которую оторвали отъ него насильственно.

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, т. V, стр. 242.

Страшно потрясенный, оставил онъ Москву, чтобы болѣе туда не возвращаться. Грустно простился съ нимъ Максимовичъ. Надѣясь на силу времени и вѣря, что Надеждинъ созданъ быть профессоромъ, Максимовичъ задумалъ обогатить свой университетъ Надеждинымъ, тѣмъ болѣе, что Надеждинъ уже окончательно покидалъ Московскій. Переговоривъ объ этомъ съ попечителемъ и заручась его согласіемъ, Максимовичъ писалъ Надеждину въ Крымъ, куда тотъ уѣхалъ на экскурсію. Но еще свѣжи и сильны были задушевные тревоги, и вслѣдствіе ихъ Надеждинъ не могъ принять предложенія. Онъ между прочимъ отвѣчалъ Максимовичу: „Движеніе, безпрестанное движеніе разсѣваетъ меня; но пребываніе на одномъ мѣстѣ меня душитъ. И вотъ почему я боюсь принять предложеніе, сдѣланное мнѣ вашимъ попечителемъ. Одно только утѣшаетъ меня въ немъ — возможность жить вмѣстѣ съ тобою. Но... Жаль мнѣ, что ты непременно хочешь отказаться отъ ректорства. Оставайся, братъ! Я бы сталъ помогать тебѣ сколько могу“ ¹⁾. Ни тому, ни другому, однако, не суждено было сбыться.

Къ концу 1835 возникъ въ Кіевѣ комитетъ объ отысканіи древностей, подъ предсѣдательствомъ попечителя. Жатва была многа, а дѣлателей мало. Конечно, Максимовичъ былъ его членомъ ²⁾. Еще до открытія комитета онъ уже исподоволь ознакомился съ нѣкоторыми мѣстными источниками, въ коихъ наталкивался на любопытныя открытія. Такъ, въ старописьменной книгѣ Кіевскихъ актовъ онъ нашелъ важную для исторіи грамоту короля Сигизмунда III, данную гражданамъ Кіевскимъ въ 1619 году на гору Щекавицу. Грамотой этою Щекавица, бывшая дотолѣ достояніемъ короны, уступалась для распространенія города Кіевскимъ гражданамъ, которыхъ крайне тѣснили обильныя наводненія Днѣпра. Книгу Кіевскихъ актовъ Максимовичъ сообщилъ П. А. Муханову, проѣзжавшему тогда чрезъ Кіевъ, и послѣдній успѣшилъ напечатать ее въ извѣстномъ своемъ „Сборникѣ“.

Концомъ 1835 года, какъ уже было сказано, завершилось ректорство Максимовича. Освободившись отъ тяжкихъ работъ, онъ приобрѣлъ возможность усилить свою ученую и литературную дѣятельность и подготавливалъ къ печати болѣе зрѣлыя работы. Уже нѣсколько

¹⁾ *Москвитинъ* 1856, № 3, стр. 227—228.

²⁾ Тогда же, 6-го декабря 1835 года, статистическое отдѣленіе совѣта министра внутреннихъ дѣлъ избрало Максимовича своимъ членомъ-корреспондентомъ.

лѣтъ особеннымъ предметомъ изученія его была „Пѣснь о Полку Игоревѣ“; нынѣ составилъ онъ подробнѣйшее изъясненіе ея, и по мѣрѣ подготовленія труда своего, посылалъ на усмотрѣніе Иннокентія. Иннокентій отвѣчалъ: „Съ удовольствіемъ прочитанъ мною вашъ комментарий на „пѣснь Игореву“. Такой великой чести еще не сподоблялась сія пѣснь, и вѣроятно, не скоро сподобится еще когда-нибудь. Дѣло идетъ какъ нельзя лучше. Скорѣе кончатъ его, да и въ типографію“ (с. 62). Но это отзывъ друга; отзывы же специалистовъ причислили этотъ трудъ Максимовича въ число лучшихъ изслѣдованій о знаменитомъ памятникѣ древнаго русскаго эпоса.

Отославъ трудъ свой въ редакцію *Журн. Мин. Нар. Просв.*, Максимовичъ почувствовалъ крайнюю необходимость позаботиться о восстановленіи своего здоровья. Испросивъ себѣ 4-мѣсячный отпускъ, онъ отправился въ Крымъ въ маѣ 1836 года; туда же, вслѣдъ за нимъ, собирался поѣхать Иннокентій, которому была поручена визитація духовныхъ училищъ. Пребываніе на южномъ берегу Крыма и поѣздки тамъ съ Иннокентіемъ описаны Максимовичемъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, напечатанномъ при его „Письмахъ о Кіевѣ“. Тамъ живописно и увлекательно очерчены имъ плаваніе въ открытомъ морѣ, красота южнаго берега и наслажденіе ими вмѣстѣ съ Иннокентіемъ. Иннокентій, постоянный любитель природы и садовъ, мало по малу увлекался богатствомъ растительной жизни, явленіями природы, красой и роскошью южнаго берега и часто высказывалъ свои впечатлѣнія образно. Тамъ — внезапный порывъ сильнаго вѣтра кажется ему проявленіемъ бурнаго духа; тамъ — отдѣльная каменная горка представляется ему каедрой въ великолѣпномъ храмѣ природы. Максимовичъ весьма внимательно слѣдитъ за всѣми выдающимися случайностями, за всѣми выраженіями своего возлюбленнаго поэтическаго спутника, и самъ неразъ становится поэтомъ среди поэтической природы. Читая его воспоминанія о Тавридѣ, не только видишь благодатно-прекрасный южный берегъ, но какъ будто слышишь, какъ „передовыя волны съ воемъ и ревомъ кидаются на скалу, но досягаютъ до половины ея и падаютъ съ шумомъ“, чувствуешь, какъ „прохладное вѣянье съ моря ходитъ между деревьевъ тихимъ таинственнымъ шорохомъ“. Иннокентій скоро уѣхалъ въ Симферополь, а Максимовичъ остался на южномъ берегу продолжать лѣченіе. Счастливыя обстоятельства подготовили ему тамъ разнообразное внимательное общество, и время прибыванія пролетѣло свѣтло и отрадно. Освѣжая истомленные силы свои, Максимовичъ не оста-

влялъ безъ вниманія научныхъ интересовъ, знакомился съ флорой и древностями Крыма. Отъ Ялты до Керчи спутникомъ ему былъ знатокъ мѣстныхъ древностей Н. Н. Мурзакевичъ.

Возвратясь въ Кіевъ, онъ не замедлилъ подѣлиться своими историческими впечатлѣніями съ представителемъ исторіи въ Кіевѣ, митрополитомъ Евгениемъ, и вотъ какъ записалъ архипастырь въ письмѣ къ Н. Н. Мурзакевичу свое свиданіе съ южнобережскимъ путникомъ: „М. А. Максимовичъ, недавно къ намъ возвратившійся и вчера сидѣвшій у меня вечеромъ, утверждаетъ, что теперь по Крыму трудно уже найти что-нибудь древнее и по крайней мѣрѣ цѣлое. Все лучшее разобрано и увезено... О Корсунѣ съ сожалѣніемъ сказывалъ, что онъ весь раскопанъ... Мы съ Максимовичемъ весьма желаемъ переселить васъ въ Кіевъ“¹⁾.

Пребываніе въ Крыму оживило Максимовича, но не возвратило ему здоровья: въ октябрѣ онъ опять заболѣлъ, и Иннокентій дружески упрекаетъ его: „Но зачѣмъ такъ болѣть? Этого въ уговорѣ нашемъ съ вами никогда не было. Только бы мнѣ доѣхать до Петербурга, тамъ я отдамъ ваше здоровье подъ страхъ всѣхъ возможныхъ обществъ“ (стр. 67). Поѣздка въ Петербургъ, о которой упоминаетъ Иннокентій, предстала ему по поводу вызова его на посвященіе во епископа, викарія Кіевского. Хиротонія совершилась 21-го ноября, въ день Введенія во храмъ пресв. Богородицы. Высокій духовный санъ нисколько не измѣнилъ отношеній Иннокентія къ своему другу. Въ полномъ блескѣ общепризнанной славы своей, онъ пишетъ Максимовичу изъ Петербурга: „Есть союзъ душь не расторгаемый—нашъ съ вами долженъ быть одинъ изъ нихъ“ (сл. 68). И соединяя съ словомъ дѣло, онъ продолжаетъ: „Недавно была у меня о васъ рѣчь съ вашимъ министромъ: онъ жалѣетъ о здоровьѣ вашемъ и знаетъ вамъ цѣну. Статья ваша „о Полку Игоревѣ“ принята здѣсь весьма хорошо“²⁾. Принята она была хорошо и за границей: Эразмъ Воцель, чешскій профессоръ археологіи и поэтъ, сталъ на сторонѣ Максимовича, относительно мнѣнія, что въ описаніи „о Полку Игоревѣ“ нѣтъ и слѣда саги скандинавской.

Среди литературныхъ успѣховъ, среди утѣшеній дружбы съ Инно-

¹⁾ *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1866 года, № 10, письмо VIII.

²⁾ Участіе Максимовича въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* доставило ему двукратную благодарность министра. Въ это же время Московское общество любителей садоводства избрало его своимъ членомъ-корреспондентомъ (1-го декабря 1836 года).

кентемъ, Максимовичу пришлось испытать и дружескую скорбь. Въ томъ же 1836 году тяжкая опала постигла одного изъ ближайшихъ друзей-товарищей его Московскихъ — Н. И. Надеждина. Помѣщеніе въ *Телескопъ* философскаго письма Чаадаева и хвалебное къ нему примѣчаніе Надеждина были причиною ссылки его въ Устьсысольскъ, „въ Лукоморье, среди Югры, языка нѣма“, такъ онъ выражался (с. 32). Переведенный оттуда въ Вологду, Надеждинъ прожилъ въ ссылкѣ около года. Въ глуши изгнанія, въ новой обстановкѣ, возбуждающей живѣйшую любознательность, у Надеждина совершился поворотъ въ занятіяхъ: вмѣсто эстетики, онъ предался историко-этнографическимъ изысканіямъ. Много статей въ этомъ родѣ было послано имъ изъ Вологды въ „Энциклопедическій Листокъ“ Плюшара и въ *Библиотеку для чтенія*. Надеждинъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что онъ въ своихъ историческихъ размышленіяхъ во многомъ сходится съ Максимовичемъ.

Историческое направленіе Надеждина окрѣпляло подобное же стремленіе и въ Максимовичѣ. Историческая жилка билась въ немъ и прежде; стремленіе къ фактической основѣ было у него постоянное; оно сказывалось и въ занятіяхъ его ботаникой, и въ академическихъ рѣчахъ, и преимущественно въ изданіи „Украинскихъ народныхъ пѣсенъ“ и занятіяхъ словесностію. Въ Кіевѣ историческія занятія усиливаются: и городъ, и край, и ближайшіе дѣятели, все подстрекало къ историческимъ работамъ. Сближеніе съ митрополитомъ Евгеніемъ, давняя историческая дѣятельность этого великаго собирателя старины, любовь Иннокентія къ исторіи особенно содѣйствовали развитію историческаго характера въ дальнѣйшихъ трудахъ Максимовича. Сношенія его съ митрополитомъ Евгеніемъ были неизмѣнно дружественны и чисты. Привѣтливый владыка обмѣновенно принималъ у себя по вечерамъ, подолгу бесѣдовалъ о любимой старинѣ родной, охотно снабжалъ учеными пособіями, рѣдкими рукописями ¹⁾ и дарилъ свои изданія. Вручая Максимовичу „Исторію Новгородскаго княжества“ и „Кіевскій Синописисъ“ (въ изданіи 1836 года), владыка говорилъ ему: „Много собрано у меня записокъ о Великомъ Новгородѣ, да пусть уже послѣ кто-нибудь составить изъ нихъ книгу“ ²⁾. Эта не угасающая любовь къ исторіи въ маститомъ архипастырѣ, это тоскливое воспоминаніе о далекомъ городѣ, о не доконченныхъ работахъ питали

¹⁾ Отъ митрополита Евгенія еще въ 1835 году Максимовичъ получилъ старинный списокъ „Лѣтописи Самовидца“.

²⁾ Письма о Кіевѣ, стр. 126.

въ слушатель: живое стремленіе, идти по тому же пути. Въ присутствіи такого дѣятеля, чуткій Максимовичъ не могъ остаться безучастнымъ къ историческимъ явленіямъ. Незадолго предъ этимъ въ литературѣ нашей распространились усиленные толки (преимущественно Сенюковскаго и протоіерея Сабинина) о вліяніи скандинавства на русскій языкъ и на всю древнюю жизнь Руси. Это послужило для Максимовича поводомъ — внимательно заняться изслѣдованіемъ спорнаго вопроса, и плодомъ его занятій была отдѣльная книга, посвященная памяти Ломоносова: „Откуда идетъ Русская земля“. (К. 1837). Въ ней Максимовичъ остался вѣренъ прежнему мнѣнію, что Русь варяжская была изъ прибалтійскихъ Славянъ. Въ своей рецензії на эту книгу Погодинъ, какъ представитель норманской теоріи, сильно полемизировалъ съ защитникомъ Ломоносовскаго взгляда. Обмѣнявшись мнѣніями, объяснившись, соперники сдѣлали другъ другу взаимныя уступки. Не такъ отнесся къ книгѣ Максимовича Сенюковскій: вѣчно любившій смѣнить и забавлять читателей, онъ осмѣялъ гипотезу Максимовича о первобытной Руси, свою шутку-пародію выдалъ за собственную систему Максимовича и развился грубыми выходками. Затѣмъ Максимовичъ задумалъ заняться изученіемъ исторіи края, въ которомъ жилъ, и въ частности города Кіева. Вниманіе и участіе митрополита Евгенія ручалось ему за успѣхъ; но къ сожалѣнію, Максимовичъ не успѣлъ уже поработать съ трудолюбивымъ владыкой на этомъ полѣ: 23-го февраля 1838 года Евгеній скончался внезапно. Максимовичъ въ это время былъ боленъ и не могъ быть при погребеніи вѣчнопамятнаго святителя и только черезъ шесть недѣль упомянулъ о немъ въ своей рѣчи надъ гробомъ фельд-маршала Сакена, друга Евгенія. Историческое величіе поприща новаго покойника внушило Максимовичу одушевленную, торжественную рѣчь, въ которой сжатymi чертами ярко обозначена славная жизнь героя 1812 года.

Нельзя не замѣтить, что 1837 годъ отличается особою торжественностію въ жизни Кіева и Максимовича. 31-го іюля 1837 года Кіевъ праздновалъ заложеніе зданія университета св. Владиміра, при чемъ священнодѣйствовалъ новыи митрополитъ Кіевскій Филаретъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. 24-го сентября, неожиданно пріѣхалъ въ Кіевъ министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ. Онъ пробылъ въ Кіевѣ двѣ недѣли, внимательно вглядываясь въ направленіе преподаванія и воодушевляя собою немногочисленную группу русскихъ профессоровъ. Посѣщая лекціи профессоровъ, ми-

нистръ слушалъ и Максимовича. Максимовичъ въ этотъ семестръ читалъ о русской народной поэзіи. Лекціей его Уваровъ остался совершенно доволенъ. 2-го октября назначенъ былъ торжественный актъ университета, въ присутствіи министра, и Максимовичъ приготовилъ для акта рѣчь „Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи“. Выборъ темы былъ какъ нельзя болѣе кстати, ибо возникшія въ это время политическія волненія обнаружили польскія притязанія на Кіевъ; благовременно было показать всю незаконность этого притязанія. И кому же это лучше было сдѣлать, какъ не слугителю науки, профессору университета съ русскою миссіей! Максимовичъ уразумѣлъ знаменіе времени, понялъ свою задачу какъ русскаго человѣка, какъ Кіевлянина, и выполнилъ ее блистательно. С. С. Уваровъ такъ былъ одушевленъ этою рѣчью, что когда произнесъ ораторъ послѣднія слова: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!“ онъ былъ уже у кафедры и привѣтствовалъ Максимовича одобрительными рукопожатіями. Иннокентій, получивъ чрезъ нѣсколько дней печатный экземпляръ рѣчи, писалъ Максимовичу: „А я перечиталъ ваше слово о Кіевѣ, присланное мнѣ изъ совѣта. Истинно хорошо, брилліантовое“ (стр. 75).

Рѣчь о Кіевѣ была началомъ трудовъ надъ стариною Кіева и всей южной Руси. Отселѣ историческія занятія Максимовича становятся опредѣленнѣе, специальнѣе, сохраняя тѣсную связь съ работами по словесности. Профессорскія занятія не замыкали его въ узкую рамку специальности, хотя и мало оставляли ему досуга. Впрочемъ, явленіе въ печати цѣлаго ряда историческихъ трудовъ произошло нѣсколько позднѣе.

Разставаясь съ университетомъ, Уваровъ, въ прощальной рѣчи своей студентамъ, сказалъ между прочимъ: „Университетъ св. Владиміра — мое созданіе; но я первый наложу на него руку, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ правительства. А назначеніе университета — говорилъ министр во всеуслышаніе — распространять русское образованіе и русскую народность въ ополченномъ краѣ западной Россіи“¹⁾. Министръ предостерегалъ недаромъ. Едва окончился первый выпускъ студентовъ, какъ въ сѣверо-западномъ краѣ былъ открытъ польскій заговоръ, и 20 студентовъ - Поляковъ, питомцевъ Кіевского университета, были привезены изъ разныхъ мѣстъ въ Петерскую крѣпость. И этимъ однако

¹⁾ Письма о Кіевѣ, стр. 85—86.

зло не было вырвано съ корнемъ, и въ ноябрѣ 1838 года Иннокентій съ грустью говорилъ Максимовичу: „А знаете ли, какое извѣстіе пришло изъ Петербурга? Тамъ идетъ уже рѣчь о закрытіи нашего университета“. Сильно взволнованный возможностью такого исхода, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предвидѣвъ его по ходу дѣлъ, Максимовичъ развилъ предъ Иннокентіемъ историческія причины неизбежнаго паденія университета и относительную степень его виновности. Убѣжденный его доводами, Иннокентій вызвалъ его написать эти мысли въ оправданіе университета, обѣщая дать имъ дальнѣйшій ходъ. Максимовичъ немедленно взялся за дѣло и чрезъ два дня доставилъ ему записку „Мысли объ университетѣ св. Владиміра въ концѣ 1838 года“¹⁾. Глубоко вѣрно и ясно до осязательности представилъ Максимовичъ причины этого печальнаго явленія въ жизни университета, и одною изъ главныхъ признатъ онъ избытокъ нерусской стихіи въ средѣ университета. Мы не знаемъ, что сдѣлалъ Иннокентій съ запискою Максимовича, но думаемъ, что если онъ далъ ей должное движеніе, то она, силою своей правды и убѣдительности, несомнѣнно повліяла на смягченіе участи, грозившей университету, хотя и не спасла его отъ временнаго закрытія. Пятый учебный годъ университета, то-есть, 1838—1839, сдѣлался памятенъ этимъ печальнымъ событіемъ. Между тѣмъ Максимовича постигла тогда тяжкая болѣзнь ногъ, отъ которой всю весну и лѣто 1839 года лѣчили его безплодно. Больной, онъ еще тревожнѣе былъ взволнованъ закрытіемъ университета. Почасту и подолгу онъ съ тяжкою грустью бесѣдовалъ объ этомъ съ Иннокентіемъ, и участіе Иннокентія въ эту тревожную годину было особенно благотѣльно для больного и взволнованнаго Максимовича.

Къ осени того же 1838 года Максимовичъ приступилъ къ печатанію своей „Исторіи древней русской словесности“. Онъ не остановился передъ тѣмъ, что тогда было еще мало критической разработки предмета, и даже не обнародованы многіе матеріалы; онъ хотѣлъ поскорѣе дать своимъ слушателямъ пособіе, преимущественно по древней словесности, которая тогда почти для всѣхъ была темною и невѣдомою областью. Въ „Исторіи русской словесности“ Максимовичъ предпринялъ разсмотрѣть нашу словесность въ связи со всею жизнію народа; такъ какъ важнѣйшимъ предметомъ изученія являлся языкъ, то на него по преимуществу и обратилъ вниманіе Максимовичъ. Въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 93—103.

книгъ его, вопреки мнѣнію Добровскаго, русскій языкъ является какъ языкъ отдѣльный отъ западно-славянскихъ, болѣе всѣхъ ихъ сохранившій древне-славянскія свойства, менѣе ихъ измѣненный иноплеменными языками и образовавшійся въ три особые вида: южно-русскій, великорусскій и бѣлорусскій. Въ ней доказывается, наперекоръ Добровскому и Востокову, что *помогласѣ* есть первоначальное и нѣкогда общее славянское свойство, утраченное Славянами западными. И потому-то Шевыревъ сказалъ, что въ книгѣ Максимовича драгоценны филологическія основанія, касающіяся особенностей русскаго языка, сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями ¹⁾. Гораздо требовательнѣе отнесся къ „Исторіи словесности“ Максимовича критикъ *Отечественныхъ Записокъ*; но его мнѣнія необъодоносно и блистательно опровергнуты Максимовичемъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1840 г. (№ 125). Мы обращаемъ вниманіе читателей на этотъ стойкій и сильный отвѣтъ, послѣ котораго нечего сказать больше въ защиту книги. Прибавимъ только, что самъ же критикъ *Отечественныхъ Записокъ* ²⁾ отдалъ справедливость филологическому значенію книги Максимовича и сказалъ, что она, не смотря на недостаточность, заслуживаетъ отъ публики благосклоннаго пріема. Критикъ *Галатеи*, Перевлѣсскій, оспаривая самое существованіе древней русской словесности, предлагалъ озаглавить книгу Максимовича „Исторія словеноцерковной письменности въ Россіи“, и въ этомъ отношеніи придавалъ ей большую важность въ глазахъ ученыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ критикъ находилъ, что всѣ изслѣдованія нашихъ ученыхъ о старинныхъ памятникахъ словеноцерковной литературы вновь переизслѣдованы самимъ ученымъ профессоромъ и съ критическою оцѣнкой внесены въ науку. Критикъ, однако, думалъ, что писать исторію русской словесности въ то время пора еще не настала, и что прежде надобно дружными силами приняться за критическую разработку словесныхъ памятниковъ ³⁾. Максимовичъ понималъ это не менѣе своего критика, но въ то же время онъ сознавалъ свою обязанность передъ слушателями дать имъ необходимое пособіе.

Литературные труды были какъ разъ въ пору Максимовичу въ то время, когда закрытъ былъ университетъ, и роковая болѣзнь заставила его нѣсколько мѣсяцевъ безвыходно сидѣть дома. Во время этой болѣзни въ немъ развилась и окрѣпла мысль объ изданіи въ Кіевѣ по-

¹⁾ Истор. Русск. Словесн. *Шевырева*, ч. 1-я, изд. 2-е. М. 1839, стр. XXIV.

²⁾ Но это вовсе не Бѣлинскій, какъ утверждали некоторые.

³⁾ *Галатея*, 1838, № 46.

временнаго сборника. Человѣку, привыкшему къ журнальной дѣятельности въ Москвѣ, давно уже становилось скучно безъ журнальной работы; а тутъ представлялось такое богатое поле для нея — изысканія на почвѣ девятивѣковой старины, едва тронутой трудами митрополита Евгенія. Чтобы историческія изслѣдованія объ одномъ предметѣ не разсѣвались во множествѣ разныхъ изданій, Максимовичъ задумалъ предпринять въ самомъ Кіевѣ особое изданіе, специально посвященное мѣстнымъ историческимъ вопросамъ. Такъ осенью 1839 года готовилось изданіе сборника, подъ заглавіемъ *Кіевлянина*. Основную мысль его выражалъ эпиграфъ изъ Пушкина:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной живущую судьбу!...

Еще яснѣе выражался объ этомъ издатель, въ предисловіи къ 1-й книгѣ: „Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей южной Руси — Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и собственнѣйшую цѣль моего *Кіевлянина*“ (стр. 1). Для должнаго успѣха въ такомъ важномъ дѣлѣ, онъ просилъ всѣхъ живущихъ въ южно-русскомъ краѣ доставлять ему статьи въ этомъ родѣ, старинныя историческія записки, грамоты, универсалы, акты, листы, легенды, народныя преданія, пѣсни (безъ всякой поправки), рисунки со старинныхъ замѣчательныхъ зданій и предметовъ. Въ изданіе были допущены стихи и повѣсти только для нѣкотораго оживленія его. За ними Максимовичъ обратился къ Жуковскому, Гоголю, Хомякову, Основьяненку, Бенедиктову (въ то время бывшему въ Кіевѣ) и другимъ писателямъ. Жуковский и Хомяковъ отозвались вполне сочувственно; послѣдній писалъ между прочимъ: „Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями“ (стр. 16). Посылая при письмѣ свое извѣстное стихотвореніе „Кіевъ“, Хомяковъ прибавлялъ, что оно внушено ему именно названіемъ *Кіевлянина* и заключалъ: „Желаю, чтобы полученіе этой пьесы было вамъ хотя въ половину такъ пріятно, какъ мнѣ пріятно посылать ее“. Для главной же части изданія — исторической Максимовичъ работалъ преимущественно самъ. Онъ уже заблаговременно готовился къ этому дѣлу усердными поисками въ архивахъ монастырей Михайловскаго и Видубицкаго (стр. 51, 88); онъ старался

ознакомиться поближе съ историческими дѣателями южной Руси и для того пересматривалъ между прочимъ и старыя церковныя *мѣмориали* Печерской лавры и другихъ монастырей Кіевскихъ; вообще онъ заботился о томъ, чтобъ освѣтить темное, поставить на твердую почву сомнительное, поднять вопросы, требующіе ближайшаго изслѣдованія. Такъ, въ статьѣ „Обозрѣніе Стараго Кіева“, онъ не только указываетъ положеніе надрѣвле славныхъ мѣстъ Кіева, но и слѣдитъ исторически за судьбою каждаго мѣста въ разныя эпохи существованія Кіева до настоящаго времени; въ той же статьѣ ему первому удалось опредѣлить, что Кіевскій замокъ находился на горѣ Киселевѣ (гдѣ нынѣ кладбище Флоровскаго женскаго монастыря), и мнѣніе его, плодъ исторической проицательности, было, въ удовольствіе его, въ послѣдствіи подтверждено стариннымъ описаніемъ замка, которое сообщилъ ему въ 1841 году баронъ Шодуаръ. Статьей подъ скромнымъ заглавіемъ „О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ“ былъ поднятъ вопросъ, какіе дворянскіе роды западно-русскаго края, состоящіе уже польско-католическими, были въ старину православно-русскими. Иннокентій писалъ по этому поводу: „Сожалѣніе о русскихъ онолячившихся фамиліяхъ очень кстати. Пусть пораздумаютъ на досугѣ“ (стр. 91). Вообще Иннокентій очень радовался изданію, доставлялъ Максимовичу справки, благодарилъ его чуть не за всякую статью и исправлялъ ихъ, остерегаясь цензуры, которая была очень строга; такъ стихотвореніе Хомякова „Кіевъ“ не было пропущено цензоромъ; историческія статьи печатались съ великими ущербами, а статья Максимовича „Сказаніе о Колієвщинѣ 1768 года“, на которую онъ разчитывалъ, какъ на самую интересную для читателей, не только воспрещена цензоромъ но даже, по настоянію его, была отослана мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ, при особомъ мнѣніи цензора.

Между тѣмъ, пока подготавливалось изданіе *Кіевлянина*, послѣдовало открытіе университета. Закрытый въ мартѣ 1839 года, на годъ, онъ былъ открытъ гораздо ранѣе — въ августъ того же года, къ началу шестаго учебнаго курса. Страдая болѣзью ногъ, Максимовичъ выхлопоталъ себѣ квартиру во флигелѣ нанятаго подъ университетъ дома, и тамъ, оставаясь безвыходно до новой весны, прочелъ студентамъ еще одинъ курсъ лекцій о русской словесности. А дѣлѣнье длилась; Максимовичъ не находилъ силъ выйти; наступилъ ужъ и Свѣтлый праздникъ. Неизмѣнно занятый мыслию о болѣющемъ другѣ, Иннокентій на другой день праздника пишетъ Максимовичу свѣтлое, радостное письмо: „Христосъ воскрес! Христосъ воскрес!

И какъ Христосъ воскресъ! Такъ и столько разъ говорилъ я въ церкви всей церкви; столько же разъ говорю и вамъ одному, что-бы Господь воскресшій воскресилъ ваши силы и оживилъ духъ радости. Смотрите, какой прекрасный день! Истинная весна! Пора, следовательно, съ одра! Мнѣ кажется, если вы начнете дышать же комнатнымъ воздухомъ, разумеется, когда онъ теплый, то вамъ будетъ гораздо лучше. Такому духу, какъ вашъ, въ комнатѣ хуже, нежели птицѣ въ клеткѣ. Итакъ — на свободу! Подъ сводъ небесный!" (стр. 93). Такое оживляющее слово, такое согревающее чувство действительно подняли нѣсколько на ходъ къ лучшему въ здоровьѣ Максимовича; но укрѣпленіе шло медленно, и только въ іюніѣ онъ могъ стать на ноги. Иннокентій заѣхалъ за нимъ и 13-го іюня увезъ его съ собою въ Выдубицкій монастырь. Это была уже послѣдняя прогулка Максимовича за городъ вмѣстѣ съ Иннокентіемъ. Ваканціонное время Максимовичъ провелъ на своей, еще неустроенной „Михайловской горѣ“ и отсюда писалъ Иннокентію о печальномъ упадкѣ двухъ сословій тамошняго люда, связанныхъ между собою крѣпостнымъ правомъ съ 1783 года. Иннокентій, посылая отвѣтъ свой по почтѣ, опасался, какъ видно, разговориться свободно о жгучемъ вопросѣ и отвѣчалъ Максимовичу письмомъ на латинскомъ языкѣ ¹⁾.

Съ каникулъ Максимовичъ возвратился безъ поправленія здоровья. Это заставило его думать о рѣшительной отставкѣ. Силъ не хватало ни ходить на лекціи, ни готовить ихъ. А между тѣмъ все обѣщало ему еще прекрасную будущность. Первая книга *Киевлянина* была встрѣчена въ журналистикѣ сочувственно, но горькая необходимость заставляла его, еще въ цвѣтущіе годы, 36 лѣтъ отъ роду, подать прошеніе объ отставкѣ (30-го сентября 1840 г.). Уваровъ, возвращавшійся тою же осенью чрезъ Киевъ изъ-за границы, былъ къ нему по прежнему внимателенъ, весьма сожалѣлъ объ его недугѣ и обѣщалъ все доброе на случай его отставки.

Въ промежутокъ времени между прошеніемъ о отставкѣ и увольненіемъ, дѣятельность Максимовича, не смотря на болѣзнь, была очень замѣтная: онъ усердно занимался составленіемъ второй книжки *Киевлянина*, своими лекціями и другими дѣлами. Иннокентій не разъ дружески удерживалъ его отъ занятій. „Виджу“, писалъ онъ ему, „что вы не покидаете пера для вашего сборника: это нехорошо очень.

¹⁾ Письмо послано было въ недавнее время М. П. Погодину для напечатанія въ сборникѣ его „Взновъ на могилу Иннокентія“, но гдѣ-то затерялось (стр. 105).

Надобно прежде собраться съ силами.... Здорова, здорова, и еще здорова!“ (стр. 107—108). Какъ прежде, Иннокентій слѣдилъ за составомъ второй книжки *Кіевлянина* и по обычаю былъ доволенъ всѣмъ. „Статья о Гнилецкомъ монастырѣ очень хороша. Выдубицкій вашъ съ пріятностію занялъ меня. И мѣсто, и описаніе интересны. О стихотвореніяхъ червоно-русскихъ статья прекрасная“ (стр. 52, 108, 115). Вторая книжка также была исполнена мѣстнаго интереса. Судьбы края, языкъ его, послужили главнымъ содержаніемъ статей. Въ первомъ отношеніи встрѣчаемъ тамъ „Родословныя записки Кіевлянина; топографическія замѣтки Кіевлянина; о монастыряхъ Выдубицкомъ, Гнилецкомъ; Волинь до XI вѣка; о памятникахъ Луцкаго братства¹⁾; во второмъ отношеніи находимъ статьи: о правописаніи малороссійскаго языка, о червоно-русскихъ стихотвореніяхъ. Нужно ли добавлять, что всѣ эти восемь статей принадлежали самому больному Максимовичу? Въ ряду ихъ укажемъ, особенно на „Родословныя записки“, гдѣ поименовано до 90 дворянскихъ фамилій на Волини, принадлежавшихъ въ XVII вѣкѣ къ православной восточной церкви. Историческія работы Максимовича были замѣчены Одесское общество исторіи и древностей, въ засѣданіи своемъ 23-го апрѣля 1839 года, въ ознаменованіе уваженія къ просвѣщенной и ревностной дѣятельности Максимовича на поприщѣ историческихъ наукъ, признало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Въ *Москвитининѣ* С. М. Соловьевъ отзывался чрезвычайно сочувственно о составѣ обѣихъ книжекъ *Кіевлянина*. Разобравъ важнѣйшія статьи его, критикъ заключалъ: „Такъ вполне достигаетъ своей прекрасной цѣли издатель *Кіевлянина*. Передъ нами только двѣ книжки, но уже сколько относящагося къ бытію Кіева и всей южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность, и все это совершенно усиліями только одного ученаго“. Критикъ желалъ, чтобы за *Кіевляниномъ* явились Смолянинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Рязанецъ, и прибавлялъ: „Но за матерью городовъ русскихъ останется честь и слава благого начинанія“.

Историческое значеніе *Кіевлянина* было оцѣнено и заграничными учеными; нѣкоторые изъ нихъ присылали матеріалы для изданія, на примѣръ, Д. И. Зубрицкій изъ Львова прислалъ Максимовичу два акта XVI и XVII вѣка. Независимо отъ главнаго своего — историческаго — значенія, *Кіевлянинъ* Максимовича замѣчателенъ и тѣмъ, что онъ

¹⁾ Оно до того извѣстно было и митрополиту Евгенію.

былъ первымъ историко-литературнымъ повременнымъ изданіемъ, явившимся въ Кіевѣ, и долго еще послѣ него не появлялось тамъ ни сборниковъ, ни газетъ. Къ сожалѣнію, здоровье Максимовича не позволило ему регулярно продолжать свое изданіе. Между тѣмъ Иннокентій, видя, что кромѣ Максимовича ему не къ кому обратиться за помощію въ своихъ историческихъ занятіяхъ, писалъ къ нему: „У меня зарождается охота издать историческую бібліотеку здѣшняго края. Не откажитесь послужить доставленіемъ или указаніемъ, гдѣ доставать старыя книги, въ коихъ содержатся свѣдѣнія о нашемъ краѣ. Такой Сопус книгъ историческихъ послужить основаніемъ для будущихъ историковъ“ (стр. 106). Можно думать, что мысль объ этомъ изданіи была навѣяна Иннокентію *Кіевляниномъ*, но содержаніе своей исторической бібліотеки онъ думалъ дать другое. Подъ книгами историческими разумѣлъ онъ книги въ родѣ произведеній Мелетія Смотрицкаго, Палинодіи и т. п.

Стремленіе обоихъ друзей къ историческому изученію края породило широкія начинанія въ будущемъ: въ началѣ 1841 года они пришли къ той мысли, что пора бы и въ Кіевѣ быть историческому обществу, когда есть оно не только въ Москвѣ, но уже и въ Одессѣ: попечитель князь Давыдовъ охотно взялся содѣйствовать исполненію этой мысли и не замедлилъ собрать у себя кружокъ любителей исторіи. Протоколъ этого перваго историческаго вечера озаглавилъ Иннокентій во имя Св. Троицы; попечитель написалъ импровизированную сообщая въ тотъ же вечеръ программу и списокъ предполагаемыхъ дѣйствительныхъ членовъ и девяти членовъ-основателей; во главѣ послѣднихъ стояли преосвященный Иннокентій, князь Давыдовъ, Максимовичъ, Неволинъ. Составленіе записки объ обществѣ и его устава было возложено на Максимовича. Онъ не замедлилъ составить и то, и другое. Иннокентій дважды пересмотрѣлъ уставъ и торопился развитіемъ общества. „Пора бы уже привести дѣло къ концу. Впрочемъ, — прибавляетъ онъ, какъ неизмѣнно преданный Максимовичу, — все это подѣ условіемъ вашего здоровья: безъ того, что проку и въ обществѣ“ (стр. 116). Записка и уставъ были представлены попечителемъ генераль-губернатору Д. Г. Бибикову, уѣзжавшему тогда въ Петербургъ. Но обстоятельства не позволили осуществиться Кіевскому обществу исторіи и древностей славяно-русскихъ. И едва-ли не единственнымъ остаткомъ отъ замышлявшагося общества оказалась статья Максимовича „О гетманѣ Сагайдачномъ“, о которой такъ писалъ ему Иннокентій: „Исполать вамъ! Вы стоите за все Кіевское, какъ

истинный Киевлянинъ. Я совершенно согласенъ съ вами насчетъ и Бантиша, и Срезневскаго, и Еванскаго. Всѣ писали, не подумавъ хорошо и не разобравъ дѣла. Въ „Сагайдачicomъ“ мнѣ все нравится“ (стр. 117—118). Киевское общество исторіи не осуществилось; да и сами Максимовичъ и Иннокентій вскорѣ были оторваны отъ Киева, одинъ — болѣзнію, другой — неожиданнымъ назначеніемъ въ Вологду. Увольненіе Максимовича послѣдовало 26-го апрѣля 1841 года.

Получивъ увольненіе, Максимовичъ не медлил оставить Кіевъ и чрезъ два дня назначилъ отъѣздъ свой на Михайлову гору. 28-го апрѣля 1841 года онъ простился съ Инновентіемъ въ Михайловскомъ монастырѣ. Святитель благословилъ его прекраснымъ эстампомъ Спасителя ¹⁾, который находился предъ его глазами много лѣтъ, предъ коимъ писались всѣ лучшія творенія — „Седмицы“, „Послѣдніе дни Спасителя“, — доставившія ему вѣчную славу. Иннокентій въ то время и самъ готовился въ путь, въ далекую Вологду, куда и выѣхалъ изъ Кіева 4-го мая.

Разлука и прѣстранство не ослабили взаимнаго уваженія обоихъ бывшихъ Киевлянъ, но имѣли большое вліяніе на ихъ сношенія. Иннокентій пріѣхалъ въ Вологду въ концѣ мая; тамъ, по его словамъ, на первыхъ порахъ ему было очень трудно: надобно все было устроить; а потомъ онъ долго не зналъ, куда писать къ Максимовичу, и даже не былъ увѣренъ, дойдетъ ли письмо его по назначенію. Съ своей стороны Максимовичъ не зналъ навѣрное, когда Инновентій пріѣдетъ въ Вологду (такъ какъ онъ намѣревался пробыть въ Москвѣ, чтобъ осмотрѣть синодальную бібліотеку), хотѣлъ дать ему время осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, а главное, отягченный болѣзнію, онъ затруднялся и перо держать въ рукѣ, ожидалъ укрѣпленія силъ. Инновентій первый отѣликнулся, стосковавшись семимѣсячнымъ молчаніемъ. „Что значитъ это долговременное молчаніе?“ спрашивалъ онъ Максимовича. — „Думаю, думаю, и не могу придумать ни слова въ отвѣтъ себѣ. Къ кому ни обращался я за извѣстіемъ и куда? и въ Кіевъ, и въ Москву: одинъ отвсюду отвѣтъ: не знаемъ, не знаемъ. Знаете ли, какъ это мнѣ больно“ (стр. 30).

Въ книгѣ Максимовича, изъ которой мы доселѣ извлекали извѣстія о сношеніяхъ его съ Инновентіемъ, мы не встрѣчаемъ дальнѣйшихъ писемъ Иннокентія, можетъ-быть, потому, что не мало ихъ

¹⁾ Снимокъ съ картины Леонардо Винчи, гравированный извѣстнымъ Е. Миллеромъ.

роздалъ Максимовичъ разнымъ лицамъ, желавшимъ имѣть у себя автографъ Иннокентія (стр. 11), можетъ-быть, и потому, что другія письма писаны изъ другихъ мѣстъ, а не изъ Кіева, коему посвящена книга.

Вышедши въ отставку, Максимовичъ на долго поселился въ своей усадьбѣ, Михайловой горѣ, коей положилъ начало въ 1837 году. Она находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, верстахъ въ 160 отъ Кіева по Днѣпру. Мѣстность Михайловой горы необыкновенно живописна. Вотъ какъ описываетъ ее самъ Максимовичъ:

„Прямо противъ того мѣста, гдѣ рѣка Рось поворачиваетъ къ Днѣпру, на нашей сторонѣ его, надъ селомъ Прохоровкою, выдалась моя Михайлова-гора, въ которой такъ далеко видно во всѣ стороны. Сколько разнообразныхъ картинъ сливается здѣсь въ одну полную, живую панораму, и какъ хорошо отсюда поглядѣть на просторъ и красоту Божьяго міра!... Цѣлую половину кругозора моего обнялъ собою Днѣпръ, сверкая мнѣ на шестидесяти верстахъ своего теченія. Прекрасенъ Днѣпръ и въ сіяніи дневномъ, когда на его свѣтлыхъ водахъ заблѣются полные паруса, ныряя въ зелени прибрежныхъ деревьевъ, и въ сумракѣ ночномъ, когда на его стемнѣвшихъ берегахъ засвѣтятся огни, и мимо ихъ проходятъ огни на плывущихъ плотяхъ. Прекрасенъ видъ Заднѣпровья, съ широкими раздолами его темныхъ, лѣсистыхъ луговъ, разлегшихся на полдень отъ Роси, подъ синѣющими полосами горъ Корсунскихъ и Мѣшенскихъ, съ его величавою, нарядною возвышенностью Роденскою, блѣвущею въ концѣ своемъ городомъ Каневомъ, и съ выходящею изъ-за Канева отраслю Терехтемировскихъ горъ. Но еще ненагляднѣе для меня видъ побережья, на которомъ, какъ на разостланномъ коврѣ, безчечно раскинулись наши села. Тамъ улеглась бездна зелени, въ лугахъ и лѣсахъ, сплетаясь безчисленными очерками и оттѣнками въ одну ткань съ струями и зыбями блѣдножелтыхъ песковъ, поднимающихся холмами на сѣверъ. А на востокъ отъ меня потянулась привольная степь, съ разбѣянными по ней лѣсками, садиками и хуторами и этими таинственными могилами, безъ которыхъ и степь не степь на Украинѣ“¹⁾.

Въ этой-то живописной мѣстности, на горѣ, расположенной противъ того горнаго хребта, гдѣ нѣкогда существовалъ историческій

¹⁾ Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ, 1848, № 11, стр. 236 — 238. Еще описаніе Михайловой горы можно читать въ *Кіевлянинѣ* 1871 года, №№ 85 и 86.

городъ Родня, поселился давній любитель природы, бывшій естествоиспытатель, нынѣ историкъ. Тамъ жилъ онъ съ единственною сестрой, своею питомицею, неподалеку отъ отца, имѣвшаго свой домъ въ Прохоровѣхъ. Небольшая усадьба, основанная имъ самимъ въ 1837 году и еще далеко не устроенная, да 20 десятинъ лѣсной, сѣнокосной и выгонной земли, да пенсія въ 762 рубля за службу въ двухъ университетахъ составляли все матеріальное достояніе его. Крайне слабое здоровье заставило его даже бросить и перо, и книгу на нѣкоторое время. Первые мѣсяцы своего уединенія онъ даже ходить не могъ, а его, словно безногаго, носили въ креслахъ. Но, мало по малу, здоровье поправилось: свѣжій воздухъ, живительная близость Днѣпра, свобода отъ срочныхъ, напряженныхъ занятій, деревенская дѣятельность восстановили силы Максимовича. Въ сентябрѣ 1842 года Неволинъ и Богородскій уже вывали его въ Кіевъ, куда въ это время пріѣхалъ больной Надеждинъ, на пути изъ Одессы въ Петербургъ. Максимовичъ нашелъ своего друга въ постели, изнемогающаго въ сильныхъ страданіяхъ отъ ревматизма. Но не смотря на это, Надеждинъ былъ неистощимъ въ разказахъ о своемъ путешествіи и съ веселымъ смѣхомъ читалъ разказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ изъ „Мертвыхъ Душъ“, которыя въ то время только что вышли.

Въ университетѣ въ эту пору все еще не было профессора на кафедрѣ русской словесности. Попечитель, узнавъ о пріѣздѣ Максимовича, явился самъ къ нему и началъ просить его занять кафедру, хотя временно. Максимовичъ колебался, желая еще болѣе укрѣпиться въ силахъ. Но чрезъ нѣсколько времени попечитель снова обратился къ нему, на Михайлову гору, сначала частнымъ письмомъ, потомъ съ официальнымъ приглашеніемъ: Максимовичъ принялъ предложеніе и съ сентября 1843 года опять началъ преподаваніе русской словесности, не вступая однакожъ въ службу. Вскорѣ занятія его успѣли осложниться. Въ ноябрѣ открылась при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ“, Высочайше учрежденная 8-го мая того же года. Барону Шодуару поручено было пригласить въ членствѣ дѣйствительныхъ членовъ Максимовича, Н. Д. Иванничева и Домбровскаго. Временная коммиссія замѣнила собою комитетъ древностей и предполагавшееся въ Кіевѣ историческое общество. Историческая опытность Максимовича и самый ходъ дѣла повели къ тому, что онъ принималъ ближайшее участіе въ образованіи коммиссіи, въ первоначальныхъ ея занятіяхъ и въ первыхъ ученыхъ изданіяхъ ея. Подъ его редакціей было издано 1-е отдѣленіе 1-го тома

„Памятниковъ“, куда вошли „Памятники Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства“, съ особыми примѣчаніями. Онъ же подготовилъ материалы для 2-го тома „Памятниковъ“ — „О Кіевскомъ Боголюбскомъ братствѣ“. Для успѣшнаго хода изданія Максимовичъ занимался, между прочимъ, разборомъ дѣлъ губернскаго архива и принималъ участіе въ изысканіяхъ другихъ членовъ комиссіи. Въ 1845 г., когда профессоръ Н. Д. Ивановичъ произвелъ раскопку знаменитой могилы Перенетовки или Перипятнихъ ¹⁾ и представилъ въ комиссію найденныя имъ стрѣлы, золотыхъ грифоновъ, монеты изъ разноцвѣтнаго стекла и другія вещи, Максимовичъ высказалъ сочленамъ свое мнѣніе, что эта могила можетъ быть приписана Гелонамъ, выходцамъ изъ занятаго Эллинами черноморскаго побережья, и что ихъ городъ Гелонось можно полагать на Перенетовомъ полѣ, упоминаемомъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ ²⁾ и въ народной легендѣ. Подтвержденія розысканія и находки, сдѣланныя въ могилахъ всей Кіевской губерніи, очевидно и несомнѣнно подтвердили распространеніе здѣсь греческихъ поселеній въ глубокой древности, и притомъ болѣе обширное, чѣмъ предполагали доселѣ.

Собственные историческіе труды Максимовича шли своимъ чередомъ, перемежаясь съ занятіями по словесности; но исторія мало имъ брала верхъ, и уже въ этому времени относятся рядъ изслѣдованій его по разнымъ вопросамъ: „О гетманѣ Петрѣ Сагайдакомъ“ (приготовленное нѣсколько прежде), „Объ именахъ южно-русскихъ городовъ“, „О гайдамакахъ“. Всѣ эти статьи были напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1843 и 1845 годовъ.

Непосредственные занятія его, лекціи по исторіи русской словесности, продолжались по прежнему методу. Въ то же время Максимовичъ напечаталъ два письма къ Погодину: „О народной исторической поэзій въ древней Руси“. Кромѣ того, онъ особенно занялся обработкою русской филологіи какъ науки и началъ было изданіе своихъ изслѣдованій въ 1845 году, подъ заглавіемъ „Русская рѣчь въ сравненіи съ западнославянскою“. Почти два года уже Максимовичъ преподавалъ русскую словесность; здоровье ему еще служило, и теперь онъ готовъ былъ продлить свою службу; но вскоре послѣдовало назначеніе ему

¹⁾ Она находится въ Васильковскомъ уѣздѣ, на поляхъ Хвостовскихъ, неподалеку отъ деревни Маріановны. Находки въ ней были открыты на глубинѣ болѣе семи аршинъ отъ поверхности земли.

²⁾ Подп. собр. русск. лѣтоп., т. II, стр. 62.

премию, и въ іюлѣ 1845 года навсегда прервалась педагогическая дѣятельность Максимовича.

Поселившись снова на своей Михайловой горѣ, Максимовичъ продолжалъ исподоволь свои ученые занятія по народной словесности, филологіи и исторіи и готовилъ свои труды къ изданію. 1845 и 1846 годы посвятилъ онъ филологіи и собиранію южно-русскихъ пѣсень, за тѣмъ почти исключительнымъ предметомъ его занятій является старина Кіева и всей южной Руси. Занятія свои въ этомъ родѣ онъ велъ тѣмъ охотнѣе, что въ то время въ университетѣ св. Владиміра появился молодой преподаватель русской исторіи, который съ любовью и трудолюбіемъ началъ работать надъ изученіемъ исторіи и этнографіи Малороссіи. Это былъ Н. Н. Костомаровъ. Въ началѣ 1846 года Максимовичъ уже имѣлъ удовольствіе выслушать отъ Костомарова только что написанное имъ введеніе къ исторіи Богдана Хмельницкаго. Тогда же Максимовичъ впервые ознакомился съ драгоценною лѣтописью Самуила Величка, которая была поручена для изданія г. Костомарову отъ временной комиссіи. Характеръ историческихъ занятій Максимовича отчетливо опредѣленъ имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ: „На полѣ, сжатомъ на-скоро историками Малороссіи, я собираю пропущенные и оброненные ими колосы и вонемногу предаю ихъ въ общую извѣстность“. Длинный рядъ статей его въ этомъ родѣ продолжается, съ малыми перерывами, до настоящаго времени.

Первое время послѣ своей отставки Максимовичъ провелъ почти безвыѣздно въ своей усадьбѣ. Въ 1847 году онъ снова является въ Кіевъ и работаетъ немало. Тогдашній Кіевскій губернаторъ И. И. Фундуклей, оставившій по себѣ въ Кіевѣ неувядаемую признательную память во многихъ отношеніяхъ, готовилъ на ту пору изданіе замѣчательной книги „Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ“. Хорошо зная богатство и основательность историческихъ свѣдѣній Максимовича, онъ вызвалъ его изъ пустыннаго уединенія въ Кіевъ и поручилъ ему редактировать уже готовый текстъ „Обозрѣнія Кіева“, съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ два мѣсяца, къ ожидаемому приѣзду Государя. Максимовичъ охотно взялся за это дѣло, пересмотрѣлъ текстъ, составленный С. П. Крыжановскимъ¹⁾, написалъ для введенія очеркъ Кіева и дополнилъ примѣчанія изъ своихъ матеріаловъ,

¹⁾ Семенъ Петровичъ Крыжановскій — воспитанникъ III-го курса Кіевской академіи, усердно изучавшій Софійскую бібліотеку и тамошній архивъ, былъ въ послѣдствіи участникомъ въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Потомъ онъ выѣхалъ въ Назанъ къ брату своему, преосвященному Смарагду, и тамъ скончался.

выписками трехъ записей изъ Никольскаго Евангелія 1411 года, листомъ князя К. К. Острожскаго на гору Щекавицу и проч. Въ два мѣсяца, къ Владимірову дню, „Обозрѣніе Кіева“ было уже вполне готово. И надъ второю книгою Фундуклея „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ въ Кіевской губерніи“ Максимовичъ потрудился довольно, въ званіи редактора; текстъ ея былъ составленъ на польскомъ языкѣ М. А. Грабовскимъ. Въ этотъ же прїѣздъ свой въ Кіевъ, Максимовичъ работалъ въ Софійской бібліотекѣ, гдѣ незадолго предъ симъ была отыскана рукописная книга Петра Могилы, о которой по слуху упоминалъ Евгеній въ своемъ „Описаніи Кіевского собора“, какъ о пропавшей. Максимовичъ немедленно ознакомился съ нею и сдѣлалъ важнѣйшія изъ нея выписки, отчасти для примѣчаній къ Фундуклеевой книгѣ о древностяхъ Кіева. Въ бібліотекѣ Софійской и въ Михайловскомъ монастырѣ Максимовичъ запасался матеріалами для своей „Книжной старинны южно-русской“; тогда же онъ имѣлъ подъ руками три экземпляра „Апокризиса“ и тогда же убѣдился, что знаменитая книга эта напечатана въ Острогѣ. Его мнѣніе подтвердилъ извѣстный опытный книговѣдъ К. К. Свидзинскій, признавъ „Апокризисъ“ несомнѣнно изданіемъ Острожскимъ. Тогда же напечаталъ онъ первую часть своихъ „Начатковъ русской филологіи“ и „Сборникъ украинскихъ пѣсень“ (собственно эпическихъ); но выходъ въ свѣтъ послѣдней книги былъ задержанъ тогдашними историческими обстоятельствами.

„Начатки русской филологіи“ вызвали Максимовичу привѣтъ и „признательное поклоненіе“ В. И. Дала. „Книга ваша“, писалъ онъ ему, дотогѣ вовсе незнакомый съ нимъ, „съ первыхъ страницъ меня поразила знаніемъ дѣла. Она придала мнѣ духу и охоты заниматься“. Это говорилъ человекъ, уже тогда около 30-и лѣтъ (съ 1819 года) трудившійся надъ изученіемъ народнаго быта и языка. „Мысль о древности въ русскомъ языкѣ полногласія“, писалъ онъ, „не подлежитъ сомнѣнію; это вѣрно. Постановка языковъ и нарѣчій въ рядъ съ человѣкомъ, породами его, народами и проч. вѣрна по мысли. Вы, кажется, первые замѣтили сходство сѣвернаго великорусскаго нарѣчія или говора съ южнымъ, Новгородскаго — съ Кіевскимъ. Это потому, что на югѣ сидѣли Славяне, а во всей Великоруссіи Чухны разныхъ поколѣній, затѣмъ Кіевъ сдѣлалъ выселокъ въ Новгородъ, промежутокъ постепенно обрусѣлъ, Бѣлоруссы вдвинулись клиномъ до Москвы, обрусѣвшіе стали говорить нѣсколько иначе, а сѣверъ сохранилъ говоръ ближайшій къ южному, колыбели своей. Въ Шенкурскѣ

и Колѣ вы услышите еще болѣе сохранившихся Кіевскихъ словъ, чѣмъ въ Новгородѣ, словъ, которыхъ нѣтъ нигдѣ, на всей промежуточной двухтысячеверстной полосѣ". Вообще, всё письмо В. И. Даля внушено искреннимъ признаніемъ достоинствъ честно трудящагося человѣка и уваженіемъ къ нему. Онъ просилъ у Максимовича совѣтовъ, замѣчаній о своемъ „Словарѣ“, о пословицахъ, изданіемъ которыхъ онъ уже тогда былъ озабоченъ: „Изъ такихъ рукъ каеъ вапи“, писалъ онъ, „все дорого, потому что вѣрно“. Прекрасныя слова, которыя съ особенною силою можно сказать объ историческихъ трудахъ Максимовича. Въ позднѣйшее время (въ 1852 г.), говоря о нарѣчіяхъ русскаго языка, Даль говорить по поводу „Начатковъ русской филологіи“ слѣдующее: „М. А. Максимовичъ дѣлитъ сѣверно-русскій языкъ на велико- и бѣлорусское нарѣчія, а великорусское (или сѣверно-русское) основательно на четыре нарѣчія: въ сѣверовосточной части, гдѣ окають, 1) верхнерусское или новгородское, 2) нижнерусское или Суздальское; въ южной части, гдѣ акають: 3) среднерусское или Рязанское и 4) Московское, сдѣлавшееся общимъ или образцовымъ. Почти все, что М. А. Максимовичъ говоритъ объ этомъ распредѣленіи нарѣчій, вѣрно; онъ владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительныя признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила“¹⁾).

Оставивъ Кіевъ въ 1848 году, Максимовичъ потомъ восемь лѣтъ не былъ въ немъ и жилъ въ своемъ нагорномъ уединеніи, собираясь съ силами посѣтить Москву. Однако и въ глуши уединенія литературная дѣятельность не только не прерывалась, но развилась въ широкихъ размѣрахъ. Въ томъ же 1848 году онъ напечаталъ въ *Москвитяинѣ* „О святыхъ вратахъ Печерской лавры“, а въ слѣдующемъ—„О первыхъ гетманахъ и полковникахъ Прилуцкихъ“, въ *Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* (редактируемомъ тогда Надеждинымъ) „О Волынскомъ городѣ Стѣпанѣ“, „Историческій очеркъ г. Золотоноши“ и обширное изслѣдованіе „О Вубновской сотнѣ“. Здѣсь, кромѣ исторіи Вубновской сотни, входившей въ составъ переяславскаго полка, помѣщено много свѣдѣній о домашней жизни Украин-

¹⁾ *Вѣсти. Русск. Геогр. Общ.* 1852 г., ч. VI, № 5; Толковый словарь, ч. I, М. 1863, стр. XXVIII. Здѣсь необходимо сказать, что вторая книга „Начатковъ“, заключающая въ себѣ изслѣдованіе о звукахъ русской рѣчи, не только была написана, но и процензурована (экземпляръ ея доселѣ хранится у автора), но не издана единственно потому, что Максимовичъ былъ недоволенъ своимъ трудомъ, въ виду позднѣйшихъ успѣховъ науки.

цевъ прошлаго вѣка ¹⁾. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ въ *Временникъ* статью о книжной старинѣ южно-русской, и наконецъ, издалъ „Сборникъ украинскыхъ пѣсенъ“. Книга обратила на себя вниманіе знатока народной поэзіи профессора О. И. Буслаева, который написалъ по поводу ея прекрасную статью „Объ эстетическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи“. Къ сожалѣнію, изданіе пѣсенъ не продолжалось и осталось далеко не оконченнымъ. Какъ бы ни было, но мадороссійскія пѣсни пользуются полными пражданскими правами въ русской литературѣ, преимущественно благодаря полезнымъ трудамъ Максимовича ²⁾.

Осенью 1849 года Максимовичъ отправился въ Москву, послѣ 16-лѣтняго изъ нея отсутствія. Пребываніе Гоголя въ Москвѣ было для него одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ этой поѣздкѣ. Кромѣ того, Максимовичъ намѣревался тамъ поработать, пользуясь сокровищами Погодинскаго древлехранилища, а нѣкоторые литературные труды повезъ съ собою. Въ Москвѣ, поселившись возлѣ Сухаревой башни, онъ иногда по дѣльнымъ днямъ проводилъ у своего друга и стараго товарища М. П. Погодина, въ его древлехранилищѣ. Бъ удовольствіи Максимовича, у Погодина явился въ то время рѣдкое приобрѣтеніе—сборная старопечатная книжка, въ которой оказалось нѣсколько рѣдчайшихъ произведеній южнорусской печати; между ними были „Вирши“ Кіевообратскаго ректора Касіана Саковича на смерть Сагайдачнаго, 1622 года, извѣстныя въ то время только въ одномъ экземплярѣ, принадлежавшемъ Румянцевскому музею, и Кіевопечерская „Имнологія“, 1630 года, о которой знали дотошъ по экземпляру, принадлежавшему Демидовскому музею и вмѣстѣ съ нимъ погибшему въ Московскомъ пожарѣ 1812 года. Эти рѣдкости послужили Максимовичу побужденіемъ и основаніемъ для изданія 3-й книги *Киевлянина* въ Москвѣ, къ сѣбѣльному празднику 1850 года. Книжка эта была прямымъ дополненіемъ къ двумъ прежде изданнымъ, заключая въ себѣ статьи Максимовича: „О Георгіевской церкви въ Кіевѣ“, „О г. Переяславѣ“, „О г. Стѣпанѣ и монастырѣ Стѣпанскомъ“,

¹⁾ Изслѣдованіе это обратило на себя особое вниманіе преосвященнаго Филарета, архіепископа Харьковскаго. Будучи дотошъ вовсе не знакомъ съ Максимовичемъ, онъ прислалъ ему одно изъ своихъ сочиненій, съ надписью «За бубновскую сотню». Еще болѣе были довольны ею Кирѣевскій, Хомяковъ. Преосвященный Филаретъ въ своихъ сочиненіяхъ очень часто ссылается на изслѣдованія Максимовича, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ.

²⁾ Моск. Вѣд. 1861, № 263, ст. А. А. Котляревскаго.

„О гетманѣ Сагайдачномъ“, „О лубочныхъ изображеніяхъ монастырскихъ городов“, и продолженіе „Книжной старины южно-русской“. Кроме того, пріѣзжаго рѣдкаго гостя почтили статьями своими Погдинъ, Соловьевъ, Бѣляевъ, кн. Оболенскій, И. С. Аксаковъ, Павлова, графиня Ростопчина, Глинка. Тогда же Максимовичъ помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей въ *Москвитянина*, а во *Временникъ* — статью „Поминки о Берлинскомъ“, читанную имъ въ обществѣ исторіи и древностей, и „О андаскалѣ Коссова“. Извѣстный любитель и знатокъ книжной старины Т. Ѳ. Большаковъ угнѣнилъ его по-своему: показалъ ему листы перваго изданія Острожской Библии, 1580 года, изданія, котораго извѣстно только пять экземпляровъ. Разности въ текстѣ и послѣдній выходной листъ несомнѣнно подтвердили двукратность изданія знаменитой Библии. Среди такихъ усердныхъ занятій, Максимовичъ съ особеннымъ удовольствіемъ отдыхалъ въ бесѣдахъ у Гоголя, съ которымъ такъ давно не видался ¹⁾. Въ числѣ немногихъ, Гоголь читалъ и Максимовичу первыя главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ и въ январѣ 1850 года говорилъ ему о своемъ трудѣ: „Безпрестанно поправляю, и всякій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще не написанныя. Только вотъ съ первой главы туманъ сошелъ“ ²⁾. Въ Москвѣ же, осенью 1849 г., ему посчастливилось встрѣтиться съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, ѳламинимъ изъ Одессы въ Петербургъ, для присутствованія въ св. синодѣ. Свиданіе повторилось въ половинѣ мая 1850 года, когда Иннокентій уже возвращался въ свою епархію. Иннокентій не долго гостилъ въ Москвѣ, въ Симоновѣ монастырѣ; здѣсь, въ откровенной бесѣдѣ, наединѣ съ своими ближайшими друзьями — Максимовичемъ и Погдинымъ, Иннокентій сказалъ имъ, между прочимъ: „Novus ordo зачинается въ мірѣ“, намекая этимъ на политическія движенія въ Европѣ. Это свиданіе съ Иннокентіемъ было для Максимовича уже послѣднимъ.

Въ іюнѣ 1850 года Максимовичъ выѣхалъ изъ Москвы на родину, вмѣстѣ съ Гоголемъ, на долгихъ. Вмѣстѣ съ ними выѣхали Хомяковы, отправляясь въ свое помѣстье. Дружеская компанія остановилась на ночлегъ въ Подольскѣ и вечеръ былъ проведенъ въ оживленной прощальной бесѣдѣ. На утро наши путники расстались съ Хомяковыми и потонули дальне. Путешествіе совершалось медленно; друзья ѳхали съ полною свободой, останавливались тамъ, гдѣ хотѣлось, избирали

¹⁾ Гоголь жилъ тогда въ квартирѣ графа А. П. Толстого.

²⁾ Записки о жизни Гоголя. С.-Пб. 1856, т. 2, стр. 249.

живописное мѣсто и отдыхали или шли, любуясь весною, природой и видами. Гоголь бралъ у Максимовича уроки по ботаникѣ, срывая по дорогѣ цвѣты, вкладывалъ ихъ въ книжку и записывалъ русскія и латинскія названія. Пребываніе въ Кагугѣ у А. О. Смирновой, въ Долбинѣ у И. В. Кирѣевскаго, въ Петрищевѣ у А. П. Елагинной и посещение Оптиной пустыни чрезвычайно пріятно разнообразили ихъ тихое путешествіе. Друзья разстались послѣ 12-дневной поѣздки, 25-го іюня, въ Глуховѣ¹⁾; Максимовичъ своротилъ въ Тураповку, къ дядѣ И. О. Тимковскому. Прощаясь съ Гоголемъ, онъ далъ ему обѣщаніе пріѣхать въ его деревню, Васильевку, въ августъ. Въ условленное время онъ съ дружескою поспѣшностію отправился къ Гоголю, и 10-го августа неожиданно встрѣтился съ нимъ въ м. Сорочинцахъ, въ мѣстѣ его рожденія (19-го марта 1810 г.). Оттуда друзья вдвоемъ поѣхали въ Васильевку. „Мы переѣхали“, говоритъ Максимовичъ, „черезъ Пселъ и ѣхали въ Васильевку ночью, при свѣтѣ полнаго мѣсяца. Наслажденіемъ для меня было промчаться вмѣстѣ съ Гоголемъ по степямъ, лелѣявшимъ его съ дѣтства. И никогда я не видалъ его такимъ одушевленнымъ, какъ въ эту украинскую ночь“²⁾.

Въ Кіевѣ въ это время образовалась коммиссія для описанія губерній Кіевского учебнаго округа; коммиссія немедленно пригласила Максимовича въ свои дѣйствительные члены (17-го октября 1851 года); но это избраніе постигло его въ самую трудную пору его жизни, когда обстоятельства одно за другимъ мѣшали его литературнымъ занятіямъ. Въ ту же осень онъ думалъ было возвратиться въ Москву зимовать, но его задержала болѣзнь и потомъ смерть престарѣлаго отца, и онъ остался на своей Михайловой горѣ на долге. Въ январѣ 1852 года вышла замужъ сестра его, жившая съ нимъ вмѣстѣ, его дорогая и нѣжно любимая питомица, и онъ почувствовалъ себя совершенно осиротѣвшимъ. Вдругъ, въ это же время, неожиданно онъ получаетъ страшное извѣстіе, что Гоголь скончался. Дружеское чувство одной изъ нашихъ писательницъ нашло въ себѣ силу увѣдомить Максимовича о безвременной кончинѣ его друга; съ нѣжнымъ тактомъ, свойственнымъ развитой женщиной, она сердечно передала послѣднія минуты Гоголя и особенно распространилась о торжественныхъ и умиленныхъ похоронахъ его. Максимовичъ былъ потрясенъ до глубины души и этою внезапною горькою вѣстью, и этимъ нѣжнымъ участіемъ. И

¹⁾ Записки о жизни Гоголя, т. 2, стр. 231—238.

²⁾ *Москвит.* 1854. № 1 и 2. Смѣсь, стр. 6—7.

много разъ потомъ Максимовичъ пересчитывалъ письмо, невольно обливаясь тихими слезами. Съ грустью вспоминалъ онъ теперь недавнюю свою послѣднюю встрѣчу съ Гоголемъ на его родинѣ, и ту украинскую ночь, и ту одушевленную поѣздку, и увлекательную радость своего милаго спутника, и его пѣсни, которыми распѣвалъ онъ не умолкая, весь сіяющій яснымъ привѣтомъ. Невольно Максимовичъ и его поминалъ поэтическимъ словомъ народной пѣсни:

„Степь широкій, всюды видно, милаго не бачу“.

Одиночество въ пустынной усадьбѣ стало ему сверхъ силъ; тяжело чтобы сколько-нибудь себя разсѣять, онъ поѣхалъ къ престарѣлому дядѣ, Ильѣ Ѳеодоровичу Тимковскому, въ Турановку. Тамъ онъ пробылъ довольно долго, пугаясь мысли возвратиться въ опустѣвшую Михайлову гору. Дядя настойчиво совѣтовалъ ему успокоить себя на грядущую старость женитьбою. По возвращеніи домой, онъ съ тяжелой скукою свыкался съ одиночествомъ; литературныя работы не ладились и на умъ не шли. Годы 1851—1853 были совершеннымъ затишьемъ въ литературной дѣятельности его. Въ 1853 году 30-го апрѣля онъ наконецъ женился на своей землячкѣ, дочери сосѣдняго помѣщика Товбычева.

Съ 1854 года снова начинается почти непрерывный рядъ статей Максимовича до настоящаго дня. Кромѣ самостоятельныхъ работъ, онъ исполнялъ еще порученія другихъ литераторовъ; такъ, онъ сообщилъ В. П. Гаевскому нѣсколько свѣдѣній и матеріаловъ для его статей о Дельвигѣ¹⁾; сообщилъ С. П. Шевіреву матеріалы для своей біографіи, по поводу приготавливавшегося къ столѣтнему юбилею Московскаго университета біографическаго словаря профессоровъ его; наконецъ, по вызову И. И. Давыдова, тогда предсѣдателя II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, сообщилъ свои замѣчанія касательно новаго изданія грамматики Ломоносова, въ память истекавшаго столѣтія ея²⁾. Въ 1855 году, по поводу изданія г. Гербелемъ стихотворнаго перевода „Слова о полку Игоря“, Максимовичъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* двѣ большія статьи о близко знакомомъ ему предметѣ. Значеніе ихъ не ограничивается только оцѣнкою перевода г. Гербеля. Чтобы показать, въ какой мѣрѣ вѣрно воспроизведенъ подлинникъ въ переводѣ г. Гербеля, критикъ изъ самого „Слова“ старается опредѣлить тѣ черты, какими пѣвецъ Игорева похода изображаетъ

¹⁾ *Современ.* 1854. № 9, стр. 7, 22, 34, 37, 39, 41, 48 и 61.

²⁾ *Изв. II-го отд. Импер. Акад. Наукъ*, т. V, столб. 12.

разные предметы, и находить, что у древнего пѣвца дѣйствительно есть опредѣленныя, постоянно одинаковыя краски для изображеній каждаго предмета. Далѣе, критикъ разсматриваетъ отношеніе „Слова“ къ лѣтописямъ, сравниваетъ сказанія пѣвца съ сказаніями лѣтописца, и взаимнымъ согласіемъ ихъ опредѣляетъ историческую достовѣрность событія въ его подробностяхъ, а иногда отыскиваетъ неувѣрность нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій о походѣ Игоревомъ. По поводу этой статьи г. Максимовича, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* замѣчено было, что она, по основательности и мѣткости своихъ замѣчаній, принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми долженъ ознакомиться всякій, желающій основательно вникнуть въ содержаніе и форму знаменитаго „Слова“ ¹⁾.

Въ январѣ 1856 года умеръ Надеждинъ. Утрата за утратой слѣдовали для Максимовича. Съ живымъ чувствомъ скорби о почившемъ другѣ и товарищѣ, Максимовичъ помянулъ его прекрасною статьею въ *Москвитянинъ* того же года, гдѣ помѣстилъ нѣсколько занимательнѣйшихъ отрывковъ изъ писемъ къ нему Надеждина и сообщилъ нѣсколько біографическихъ воспоминаній изъ его Московской жизни.

Съ основаніемъ въ 1856 году *Русской Бесѣды*, настала особенно замѣтная дѣятельность Максимовича въ этомъ журналѣ. Рядъ статей его самаго разнообразнаго содержанія тянется четыре года. Въ этой плодотворной журнальной работѣ можно отмѣтить слѣдующіе главнѣйшіе вопросы, коими онъ особенно занимался: 1) о самостоятельности малороссійскаго нарѣчія; 2) историческія судьбы южнаго края и личность Богдана Хмѣльницкаго, и 3) исторія русской литературы. Такимъ образомъ, филологія, словесность, исторія идутъ у него рука объ руку и до настоящаго дня.

Прежде всего онъ принялъ участіе въ вопросѣ о старобытности малороссійскаго нарѣчія, по поводу письма г. Погодина къ г. Срезневскому, въ которомъ Погодинъ утверждалъ, что во все древнее, до-Батыевское время, Кіевская земля была заселена Великороссіянами, и только послѣ Татаръ сюда переселяются Малороссы съ горъ Карпатскихъ. Этотъ выводъ былъ основанъ на мнѣніи г. Срезневскаго, что отличительныя черты малороссійскаго нарѣчія развились не ранѣе, какъ послѣ XIII вѣка, и что поэтому нѣтъ его въ древне-русской письменности до XIV вѣка. Максимовичъ опровергалъ это мнѣніе рядомъ выписокъ изъ лѣтописей, и выписками этими указывалъ на яркое сходство, на тѣсную близость

¹⁾ *Журналъ Мин. Народн. Просв.* 1855. Іюль, отд. VI, стр. 8—9.

тогдашнего языка къ нарѣчію малороссійскому. Но статья эта все-таки не убѣдила Породина, и полемика между ними продолжалась.

Въ исторіи края, останавливаясь на важнѣйшихъ особенностяхъ, Максимовичъ первый старался разъяснить, изъ какихъ полковъ и сотенъ состояла Малороссія, и началъ было печатать по этому предмету обширнее изслѣдованіе въ *Вѣстникъ русскаго географическаго общества*, но, къ несчастію, цѣлая половина изслѣдованія пропала въ бумагахъ Неволіна, умершаго за границей. Сюда же относятся статьи: О „многостъ запустѣніи Украйны“, „О казацкихъ гетманахъ“ и другіе. По вопросу о Богданѣ Хмѣльницкомъ представленъ цѣлый рядъ объясненій на загадочныя обстоятельства въ жизни Богдана, и восстановлена точность нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ; при этомъ убѣдительно доказана та мысль, какъ ложно бываетъ иногда свидѣтельство современниковъ, даже добросовѣстныхъ, и какъ осторожно нужно повѣрять ихъ зоркою критическою оглядкой всѣхъ историческихъ обстоятельствъ данной поры и всѣхъ тогочасныхъ сказаній.

Наконецъ, въ статьяхъ по исторіи русской литературы—о пѣвцѣ Митусѣ, объ „Украинскихъ пѣсняхъ“, о романѣ г. Кулиша, о Языковѣ, о Гоголѣ и въ уже названныхъ нами о „Словѣ о Полку Игоря“ и Надеждинѣ, Максимовичъ является съ обычными ему качествами—существенностію содержанія и строгою вѣрностію, вследствие чего статьи его являются бесспорнымъ достояніемъ науки.

Сверхъ этого ряда статей по каждому изъ указанныхъ вопросовъ, Максимовичъ касался и многихъ другихъ, кои вызывались временемъ или обуславливались его занятіями. Въ статьяхъ, даже не относящихся къ исторіи и часто самыхъ мелкихъ по объему, Максимовичъ успѣвалъ передать немало историческихъ замѣтокъ. Такова, напри-мѣръ, небольшая статья его „Родина Гоголя“. Не менѣе замѣчательны и двѣ большія статьи его „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“. Здѣсь изложены обычаи, примѣты и повѣрья Малороссовъ, связанные съ тѣмъ или другимъ днемъ въ году и объясненные историческими указаніями ихъ происхожденія. Живымъ, свѣтлымъ разказомъ и мастерски выбранными отрывками изъ народныхъ пѣсенъ наглядно очерчена вся весна.

Не бывъ уже восемь лѣтъ въ Киевѣ, Максимовичъ съ 1856 года снова сталъ посѣщать его каждое лѣто. Увлекаясь все болѣе и болѣе изученіемъ Киевской старины, онъ пріѣхалъ запастись новыми источниками, сдѣлать нѣсколько развѣдокъ, обмѣняться своими выводами. Кромѣ занятій кабинетныхъ, книжныхъ, онъ тогда же, съ

однимъ изъ своихъ Киевоподольскихъ пріятелей, Н. Д. Иванишевымъ, ѣздилъ на Щавацу, чтобы посмотрѣть вдвоемъ, гдѣ могла быть тамъ могила Вѣщаго Олега. О мѣстѣ, конечно, можно было гадать, но не опредѣлить положительно. Впрочемъ, въ Кіевѣ въ то время не возможно уже было найти и многихъ, недавно еще жившихъ тамъ людей. Среди измѣнившагося Кіевского общества Максимовичъ засталъ одного только неизмѣннымъ — И. М. Сковорцова. Въ это время въ университетѣ Сковорцовъ одинъ оставался изъ свидѣтелей его первыхъ лѣтъ; понятно, какую усладу находилъ себѣ Максимовичъ въ бесѣдѣ съ достойнѣйшимъ человѣкомъ, вспоминая взаимно лучшіе годы своей жизни, совмѣстной службѣ и многихъ своихъ сослуживцевъ.

Могила Вѣщаго Олега не была найдена Максимовичемъ, за то въ слѣдующемъ году другая могила другого вѣщаго мужа ясно предстала его сердечному взору и возбудила въ немъ великую скорбь. 28-го мая 1857 года, въ Духовъ день, въ Братскомъ монастырѣ, въ давно знакомомъ ему ректорскомъ саду, пришлось ему прочесть телеграфическое извѣстіе изъ Одессы, что наканунѣ, въ Троицынъ день, скончался преосвященный Иннокентій. Страшное извѣстіе потрясло и сущностію своею, и неожиданностію, и самою краткостію своею... Легко понять, какъ томительно тяжелою явилась эта вѣсть для Иннокентіева друга, какъ не хотѣлось вѣрить ей, да еще въ томъ саду, въ которомъ столько разъ Максимовичъ видѣлъ его живаго, радостнаго, любезнаго! Какъ грустно и горько было ему слышать заупокойное пѣніе объ Иннокентіѣ, въ той самой церкви, гдѣ нѣкогда много разъ звучало его вдохновенное слово!...

Ни о Гоголѣ, ни объ Иннокентіѣ Максимовичъ не отзывался печатно ни однимъ словомъ немедленно послѣ ихъ кончины. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые къ усоншимъ великимъ людямъ „лѣзутъ червемъ неотвязнымъ“ и на ихъ могилахъ рисуются предъ свѣтомъ своею дружбою къ нимъ. Да и писать воспоминанія о нихъ не подымалась рука того, у кого тяжело потрясено сердце... Но Максимовичъ не забывалъ о нихъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, печатно сослужилъ имъ великую службу: памяти Гоголя онъ одинъ изъ первыхъ послужилъ сообщеніемъ многихъ о немъ разказовъ, многихъ интереснѣйшихъ писемъ: біографу его, г. Кулишу, а потомъ „Оборону“ повѣстей Гоголя отъ того же г. Кулиша; памяти Иннокентія посвящены „Письма о Кіевѣ“, переполненные воспоминаніями о немъ.

Только за любимымъ трудомъ, коимъ онъ тогда занимался, за переводомъ любезной ему „Пѣсни о Поджѣ Игоревѣ“ на украинское на-

рѣчіе, Максимовичъ находитъ утѣшеніе въ грусти. Какъ подсолнечникъ вѣчно обращается къ солнцу, такъ Максимовичъ не уставалъ обращаться къ близкой его сердцу пѣсни объ Игоревомъ походѣ. Въ примѣчаніяхъ къ переводу Максимовича помѣщено нѣсколько важныхъ и общепитересныхъ объясненій, удачно рѣшающихъ спорныя мѣста и недоумѣнія. Но Максимовичъ все болѣе и болѣе продолжалъ свои драгоценныя изслѣдованія (говоритъ Шевыревъ); знакомство съ южно-русскимъ языкомъ и природою придавало его открытіямъ особенную жизнь и силу. Въ 1859 году онъ издалъ, во второй разъ, стихотворный переводъ „Слова“ на украинское нарѣчіе, и приложивъ къ нему подлинникъ, снабдилъ его нѣкоторыми примѣчаніями. Многія изъ нихъ должны быть приняты въ науку, особенно же объясненіе самаго темнаго мѣста въ „Словѣ“: „въ рози нося имъ хоботы шамутъ“, и другаго о рѣкѣ Стугнѣ: *струмы „ростре“ или „простре“*, какъ читаетъ это мѣсто Максимовичъ ¹⁾. Позднѣйшій переводчикъ „Слова“, г. Гербель, обобщая всѣ предшеествовавшіе ему переводы, говоритъ: „Изъ стихотворныхъ переложеній „Слова“ лучшія принадлежатъ гг. де-ла-Рю, Мюю, и тѣ особенности Максимовичу, чей малороссійскій переводъ „Слова“ поражаетъ читателя, какъ замѣчательною близостью къ подлиннику, такъ и поэтической простотою языка и звучностью стиха“ ²⁾

Въ концѣ 1857 года Максимовичъ былъ вызванъ въ Москву для завѣдыванія редакціей *Русской Бесѣды*. Собираясь на долго поселиться въ Москвѣ, онъ отправился туда съ женою. Но труды его по редакціи *Русской Бесѣды* и *Сельскаго Благоустройства* продолжались всего полгода.

Весною того же года Максимовичъ принималъ живѣйшее и самое полное участіе въ возобновленіи заглухшаго съ тридцатыхъ годовъ общества любителей Россійской словесности. Переговоривъ съ членами его, бывшими въ Москвѣ, онъ составилъ записку къ попечителю Московскаго округа съ просьбой оказать содѣйствіе въ предстоящемъ возобновленіи собраній и занятій общества. Мысль о возобновленіи Общества возникала еще въ 1856 г., и разрѣшеніе высшаго начальства послѣдовало тогда же; но разныя обстоятельства отложили

¹⁾ Исторія русской словесности *Шевырева*, ч. 2-я, изд. 2. М. 1860, стр. 296, 299 и 351. См. еще *Лѣтописи русской литературы*. 1859, кн. 1, стр. 7, прим. Ѳ. И. Буслаева.

²⁾ «Отголоски», стихотворенія *Н. Гербеля*. С.-Пб. 1858, ч. 2, стр. 17. Слѣдующію Максимовича, Гербель и разбилъ подлинникъ «Слова» на стихи, подобные стариннымъ малороссійскимъ. См. тамъ же, стр. 37.

дѣйствительное открытіе общества до 1858 г. ¹⁾. На первое засѣданіе, 27-го мая, собралось только шесть членовъ: Масловъ, Погодинъ, Кубаревъ, Хомяковъ, Максимовичъ и Вельтманъ. Члены избрали предсѣдателемъ общетства—А. С. Хомякова, а секретаремъ М. А. Максимовича. Во второмъ засѣданіи, 10-го ноября, состоявшемъ изъ 9 членовъ, избрано было 17 новыхъ членовъ, и общество пошло полнымъ ходомъ. Въ первые четыре мѣсяца 1859 года по 6-го мая было уже 13 засѣданій общества, въ томъ числѣ два публичныхъ. Въ первомъ публичномъ засѣданіи Максимовичъ читалъ статью свою: „Воспоминаніе о пребываніи въ Москвѣ Мицкевича“ (доселѣ не напечатано). Вмѣстѣ съ М. Н. Лонгиновымъ Максимовичъ привелъ въ порядокъ книги и бумаги общества, хранившіяся недвижно съ 1837 года; кромѣ того, посѣщалъ всякое засѣданіе, заботился объ усиленіи средствъ общества и о его непрерывномъ движеніи. И члены общества совершенно справедливо говорили и писали Максимовичу: „Вы воздвигли изъ гроба новаго Лазаря“. Секретарство его продолжалось до 6-го мая 1859 года.

Лѣтомъ 1858 г. Максимовичъ возвратился на родину, а осенью снова поѣхалъ въ Москву, гдѣ принялъ на себя редакцію сочиненій И. В. Кирѣевскаго. Въ то же время онъ подготовлялъ къ изданію сборникъ изъ своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ *Украинецъ*, который и вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 1859 года. По своей задачѣ *Украинецъ* былъ сродни *Кіевлянину*. Въ немъ помѣщены были, во первыхъ, историческія статьи, коихъ главнымъ предметомъ была Украина (о Полтавѣ, о Золотоношѣ и письма о Богданѣ Хмѣльницкомъ къ Погодину), вовторыхъ, литературныя статьи на украинскомъ нарѣчій (псалмы и „Пѣснь о полку Игоря“ въ переводѣ Максимовича).

Въ это же время Максимовичъ собралъ и издалъ стихотворенія Н. Тепловой † 1848), которой онъ же поддержалъ первые опыты и заботливо содѣйствовалъ развитію ея дарованія. Книжка однако была встрѣчена въ публикѣ равнодушно ²⁾.

Издавъ *Украинца* весною 1859 года, Максимовичъ окончательно возвратился на родину, избѣгая суеты столичной, и здѣсь, на свободѣ, занимался и занимается лишь тѣмъ литературнымъ дѣломъ, къ коему влекло и влечетъ его сердце.

Москвичи по прежнему не забывали своего недавняго гостя и часто адресовались на Михайлову гору, домогаясь трудовъ ея владѣльца.

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ* 1858 г. № 12, іюнь, кн. 2-я, стр. 610, ст. М. Н. Лонгинова.

²⁾ *Русскій Вѣстникъ* 1861, № 2, *Современная Лѣтопись*, стр. 917—918.

Онъ былъ постояннымъ вкладчикомъ въ изданія М. П. Погодина и И. С. Аксакова. Въ *Дни* за 1861 годъ онъ прежде всего помѣстилъ свою сильную „Оборону украинскихъ повѣстей Гоголя“ противъ нападокъ г. Кулиша въ его статьяхъ о Гоголѣ и не совсѣмъ умѣстныхъ укорительныхъ примѣчаній его въ его же изданіи сочиненій Гоголя. Шагъ за шагомъ Максимовичъ разбираетъ мнѣнія г. Кулиша, высказанныя „со свойственною ему *чрезмѣрностію*“, и опровергаетъ ихъ не только личнымъ и отличнымъ знаніемъ народной жизни Полтавскихъ Малороссіянъ, но и неопровержимымъ словомъ народныхъ пѣсень.

Конецъ 1860 и начало 1861 года были очень тяжелы для Максимовича утратами лучшихъ людей, близкихъ его сердцу: въ четыре мѣсяца одинъ за другимъ умерли Хомяковъ, К. Аксаковъ, В. Ганеа, и наконецъ, Шевченко. Мѣсяца за два до кончины поэта, возникъ южно-русскій вѣстникъ *Основа*. Максимовичъ не обособлялъ этого изданія отъ прочихъ, посылалъ туда такія статьи, которыя могъ бы послать въ любой журналъ, и статьи свои писалъ на русскомъ языкѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что малороссійскій языкъ, оставаясь языкомъ простонародья, можетъ быть языкомъ поэзіи и для современнаго Малоросса, но не можетъ быть ни языкомъ общежитія образованнаго общества, ни языкомъ ученымъ. Въ *Основѣ* помѣщены его одиннадцать писемъ къ Н. И. Костомарову о Богданѣ Хмѣльницкомъ; въ нихъ онъ выразилъ свои несогласія съ извѣстнымъ историкомъ, развивалъ свои мнѣнія и объяснялъ темныя мѣста въ судьбѣ украинскаго края. Костомаровъ внимательно встрѣтилъ какъ эти, такъ и прежнія письма; въ недавнее время онъ имѣлъ случай сказать: „Я не иначе какъ съ благодарностью отнесся къ замѣчаніямъ М. А. Максимовича, написаннымъ послѣ втораго изданія моего Богдана Хмѣльницкаго, и воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ при третьемъ изданіи, исключая тѣ, съ которыми не согласиться я имѣлъ основательныя причины“¹⁾.

Въ 1863 году Максимовичу пришлось снова принять участіе въ вопросѣ о малороссійскомъ нарѣчій по поводу „Отвѣта“ г. Лавровскаго на его филологическія письма къ Погодину. Признавая за малороссійскимъ нарѣчіемъ право на самостоятельное мѣсто среди другихъ славянскихъ нарѣчій, г. Лавровскій стоялъ на томъ, что въ

¹⁾ *Бесѣда*, 1871, № 1, критика. По поводу личности Богдана Хмѣльницкаго, скажемъ здѣсь вкратчѣ, что прекрасный, во весь ростъ, портретъ его пришлось Максимовичу еще застать въ 1834 году, въ Печерской Лаврѣ, на сѣверной стѣнѣ великой церкви, подлѣ мощей митрополита Михаила. Но въ томъ же году портретъ этотъ былъ замазанъ.

древней письменности русской не выразились характеристическія свойства нарѣчія малорусскаго (въ этомъ г. Лавровскій слѣдовалъ за мнѣніемъ г. Срезневскаго). На вызовъ г. Лавровскаго указать ему въ древнихъ русскихъ памятникахъ до XIV вѣка хоть одну изъ рѣзкихъ отличительныхъ особенностей малороссійскаго нарѣчія, Максимовичъ насчитываетъ и указываетъ ихъ одиннадцать, и притомъ нѣтъ такихъ, которыя самъ г. Лавровскій признаетъ рѣзкими чертами малороссійскаго нарѣчія въ позднѣйшей южно-русской письменности. Мнѣніе Максимовича имѣетъ за себя авторитетъ Шафарика, который въ своемъ „Славянскомъ народописаніи“ говоритъ о нѣкоторыхъ памятникахъ русской письменности XI вѣка, что въ нихъ „быстрый и опытный глазъ находитъ слѣды многихъ формъ малороссійскихъ“.

Къ полемическимъ статьямъ Максимовича примыкаютъ и его историческія „Письма о казакахъ“, начатыя по поводу изслѣдованій В. В. Антоновича о происхожденіи казачества, помѣщенныхъ въ предисловіи къ 3-й части „Архива юго-западной Россіи“. Въ своихъ „Письмахъ“ Максимовичъ доказывалъ (и г. Антоновичъ соглашался съ нимъ), что нѣкоторые изъ князей Гедиминова дома были предводителями казачьими не на правахъ князя, а на ряду съ лицами всякаго сословія и въ перемежку съ ними, и притомъ это было во второй половинѣ XVI в., а не въ первой; что Гедиминово-княжескій элементъ не имѣетъ никакого значенія въ происхожденіи приднѣпровскаго казачества; которое и явилось въ исторіи безъ него, и развилось не подъ его вліяніемъ; что товарищество запорожское, съ своимъ общиннымъ устройствомъ и съ своими атаманами, существовало еще до Дашковича; что Дашковичу тогдашнее казачество обязано своимъ усиленіемъ и расширеніемъ на приднѣпровской Украинѣ; что первое гетманство у казаковъ (Предслава Ланцкоронскаго) относится къ 1516 году; что начало общинное, находясь подъ господствомъ элемента княжескаго, не образовало изъ себя казачества и при набѣгахъ татарскихъ. Кромѣ этихъ общихъ взглядовъ, въ „Письмахъ“ предложено нѣсколько поправокъ къ біографическимъ извѣстіямъ объ историческихъ лицахъ XVI вѣка—Вишневецкомъ, Ружинскомъ. Здѣсь же высказаны основанія, что извѣстная „Исторія Руссовъ“ вовсе не принадлежитъ Георгію Конискому, а какому-то неизвѣстному автору.

Въ послѣдніе восемь лѣтъ литературная дѣятельность Максимовича сосредоточилась по преимуществу въ *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*. Удобство сношеній съ Кіевомъ, ежегодное пребываніе въ немъ, личная пріязнь къ редактору ихъ, протоіерею П. Г. Лебе-

динцеву, усердно работавшему надъ Киевскою стариною въ своемъ изданіи, были причиною, что съ 1864 года Максимовичъ сталъ помѣщать свои статьи въ этомъ скромномъ органѣ. Здѣсь, отчасти въ *Киевлянинѣ* и въ *Русскомъ*, Максимовичъ по прежнему разработывалъ исторію Южной Руси, предлагая изслѣдованія то о землѣ Киевской, ея святыняхъ, древностяхъ и дѣятеляхъ, то о Волынѣ и ея замѣчательнѣйшихъ лицахъ, то объ исторіи южно-русскаго просвѣщенія и библиографіи. Нѣкоторые изъ статей своихъ онъ собралъ въ новой книжкѣ *Украинца* на 1864 годъ.

Приѣзжая по обычаю на лѣто въ Кіевъ, онъ запасается матеріалами, выписками для своихъ историческихъ занятій о Кіевѣ и его краѣ; о томъ же любитъ онъ бесѣдовать съ лицами, коимъ дороги мѣстные историческіе вопросы. Правда, кругъ его старыхъ знакомыхъ рѣдѣетъ, но взамѣнъ ихъ окружаютъ его новые дѣятели на историческомъ полѣ. Охотно дѣлился съ ними запасами своей многолѣтней опытности, встрѣчая съ любовію ихъ начинанія, Максимовичъ однако откровенно говоритъ и пишетъ противъ ихъ случайныхъ обмолвокъ, одностороннихъ увлеченій, продолжая въ то же время и собственныя розысканія о древности Кіева въ разныхъ отношеніяхъ. Рядъ статей его подобнаго содержанія, помѣщенный въ *Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, усилилъ истинно-научный и важный мѣстный интересъ этого маленькаго изданія. Всегда съ живымъ любопытствомъ встрѣчая всякое изслѣдованіе о Кіевѣ, Максимовичъ особенно остановился въ последнее время на сочиненіи г. Закревскаго „Описаніе Кіева“ (Москва, 1863, 2 тома, in 4°). Книга г. Закревскаго, изданная Московскимъ археологическимъ обществомъ, послужила Максимовичу поводомъ для нѣсколькихъ статей. Самая обширность книги (950 стр.) была уже достаточною причиною, что Максимовичъ возвращался къ ней нѣсколько разъ; но главное—въ ней много неточностей, которыя потребовали отнѣтливаго исправленія. Неточности ея легко объясняются тѣмъ, что авторъ ея, будучи Кіевскимъ уроженцемъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду жилъ далеко отъ Кіева, сначала въ Ревелѣ, потомъ въ Москвѣ. Въ книгѣ своей г. Закревскій часто ссылается на Максимовича, какъ на авторитетъ, и въ то же время обручивается на него всею силою своего авторитета. Но Максимовичъ въ своемъ разборѣ заботился только о томъ, чтобъ оградить историческую вѣрность. И строгая справедливость требуетъ сказать, что всѣ замѣчанія Максимовича неоправданы, потому что существенно вѣрны, основаны на несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Другая черта

его замѣчаній состоитъ въ томъ, что они представляютъ собою образецъ сжатости, благороднаго тона и свѣтлой ироніи. Такою же фактическою правдою исполнено его заступничество за митрополита Евгения, также противъ г. Закревскаго, и статьи „О Кіевскомъ Синодѣ“ и о Фундуклеевскомъ изданіи „Обозрѣнія Кіева“: вездѣ заочныя соображенія и заключенія, торопливо выводимыя г. Закревскимъ, опровергнуты окончательно.

Въ 1868 году Максимовичъ началъ печатать письма къ нему преосвященнаго Иннокентія, сопровождая ихъ своими воспоминаніями и объясненіями. Изданныя въ 1869 году отдѣльно, они были потомъ дополнены и изданы вторично уже въ настоящемъ году. Мы обращаемъ живѣйшее вниманіе читателей на эту книжку: она доставитъ имъ много хорошихъ минутъ своимъ разнообразіемъ содержанія и теплотою воспоминаній; порою западетъ въ душу скорбное раздумье, порою мелькнетъ и свѣтлая улыбка, такъ что не разъ пожалѣешь, что книжка не велика. Въ ней, кромѣ писемъ Иннокентія, встрѣчаются еще письма Жуковскаго, Хомякова, Надеждина, протоіерея Свворцова.

Изъ событій позднѣйшихъ лѣтъ въ жизни Максимовича намъ особенно отрадно упомянуть о томъ вниманіи, которое не перестали оказывать ему наши учебныя и ученыя учрежденія. Это вниманіе показываетъ, между прочимъ, какою извѣстностію и уваженіемъ пользуется Максимовичъ среди истинно ученыхъ людей, и сколько многостороннихъ свѣдѣній признають въ немъ разнообразные спеціалисты. 27-го мая 1858 года, комитетъ акклиматизаціи животныхъ, состоящій при Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, и 3-го ноября того же года комитетъ акклиматизаціи растений, а 23-го февраля 1865 года Московское археологическое общество избрали его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. 24-го сентября 1869 года Полтавскій губернскій статистическій комитетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Въ то же время совѣтъ Кіевской духовной академіи, по случаю празднованія 50-лѣтняго юбилея академіи, въ общемъ собраніи своемъ, 1-го октября 1869 года, желая выразить свое сочувствіе къ ученымъ трудамъ его по отечественной исторіи и ревностному служенію дѣлу православія и русской народности, включилъ его въ число почетныхъ членовъ Кіевской духовной академіи. Того же года 10-го ноября, совѣтъ Императорскаго университета св. Владиміра, желая почтить въ лицѣ его перваго ректора сего университета и ученаго, много и плодотворно потрудившагося на кафедрѣ и въ литературѣ, избралъ его въ почетные члены университета св. Владиміра. Наконецъ, 17-го

ноября 1870 года, Императорское общество любителей естествознанія, антропологін и этнографін, состоящее при Московскомъ университетѣ, избрало его своимъ *непремѣннымъ* членомъ. Въ жизни Максимовича это уже *пятнадцатое* избраніе его въ члены ученыхъ обществъ.

Такимъ образомъ, послѣ своей вторичной отставки, въ 1845 году, Максимовичъ уже болѣе 25 лѣтъ служить литературѣ и Кіеву и оказалъ имъ много несомнѣнныхъ заслугъ. Не далѣе какъ въ 1870 году онъ пишетъ Погодину: „Въ продолженіи девяти мѣсяцевъ я не написалъ и десяти страницъ для печати: ты вполне поймешь, какъ это мнѣ тяжело и прискорбно“ ¹⁾. И теперь еще всякая книга, всякая историческая работа о Кіевѣ будить его энергію, и онъ неутомимо продолжаетъ трудиться на любезныхъ ему поприщахъ южно-русской исторіи и библиографін. Какъ ни много уже сдѣлано имъ для исторіи Южной Руси, но польза ученыхъ трудовъ его въ этомъ отношеніи еще далеко не исчерпана: онъ владѣетъ еще огромными запасами матеріаловъ объ этомъ краѣ, частію въ запискахъ, частію въ памяти. О немъ можно сказать то же, что сказалъ онъ о книгѣ Закревскаго: „Это запасной магазинъ всякихъ извѣстій, свѣдѣній, мнѣній и соображеній, древнихъ и новыхъ, о богохранимомъ градѣ“ ²⁾. При такомъ обиліи драгоцѣннаго историческаго богатства, все послѣднее время онъ занятъ одною мыслию — завершить свои изслѣдованія о Кіевѣ цѣлою книгой, возможно полною и удовлетворительною. Знатоки этого дѣла увѣрены, что никто лучше Максимовича не исполнитъ этой задачи. Духъ и умъ его все еще бодры и крѣпки; бодрость мысли у него независима отъ немощи тѣлесной; умственный трудъ заставляетъ его забывать самые недуги.

Мы говорили доселѣ о немъ какъ о писателѣ, но еще ни слова не сказали о немъ какъ о человѣкѣ. А здѣсь можно бы многое сказать о его внимательности къ молодежи, его помощи ей и совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ; можно бы сказать о его ровности въ отношеніяхъ, его привѣтливой внимательности, его теплотѣ сердца; можно бы привести примѣры, какъ онъ никогда не рисовался, не принималъ на себя мнимой важности, но былъ всегда самъ собою.... Но это ужъ сторона характера частнѣйшая, не для публича, это, такъ-сказать, собственность его друзей и лицъ, кои имѣютъ счастье знать его, бесѣдовать съ нимъ, слушать его. На изображеніе этой сто-

¹⁾ Письма о Кіевѣ, стр. 103—104.

²⁾ Тамъ же, стр. 3.

роны мы не постигнемъ, равно какъ ничего не знаемъ о его частной жизни; знаемъ только, что жизнь его не богата радостями и не бѣдна скорбями, изъ которыхъ всего горче — воспоминанія о тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ любилъ, но которые его забыли.

„Гдѣ же труды Максимовича?“ спроситъ иной читатель, не видящій собранія его сочиненій и не встрѣчающій ихъ въ современныхъ столичныхъ изданіяхъ. Труды его большею частію разсыяны въ нашихъ журналахъ. „Но ихъ не видно!“ Дѣйствительно, не видно, и вотъ почему. Вопервыхъ, на пространствѣ 50 лѣтъ, сочиненія Максимовича въ самомъ дѣлѣ словно растерялись, а между тѣмъ журнальная дѣятельность его была очень широка: статьи его помѣщались болѣе чѣмъ въ тридцати періодическихъ изданіяхъ; не говоримъ уже о трехъ изданіяхъ, предпринятыхъ собственно имъ самими. Повторныхъ, наши журналы такъ быстро возникаютъ, а еще быстрѣе исчезаютъ, что трудно услѣдить за ними самому ретивому читателю, да и немногіе изъ нихъ имѣютъ обширный кругъ читателей. Втретьихъ, Максимовичъ вовсе не былъ ни беллетристомъ, ни публицистомъ, не касался жгучихъ вопросовъ, летучей современности; скромный слуга науки, онъ слѣдилъ только за крупными явленіями въ литературѣ и о нихъ подавалъ свое краткое, скромное слово. Вслѣдствіе всего этого, современное поколѣніе миновало многіе труды Максимовича, не замѣтивъ ихъ, не только не оцѣнивъ.

Дѣйствительно, Максимовичъ не издалъ ни одного многотомнаго труда. Количество и объемъ произведеній не на его сторонѣ. Но качество, внутреннее достоинство неоспоримо является свойствомъ каждаго его произведенія. Мы видѣли, что ученые специалисты и журнальная критика почти единогласно свидѣтельствовали, что всякій трудъ Максимовича былъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ для литературы и очень часто первымъ по времени владомъ въ науку, плодотворнымъ началомъ, пролагавшимъ путь другимъ трудамъ въ томъ же родѣ; всякая, даже самая малая статья его вносила несомнѣнно полезную долю въ область знанія, то сообщая новыя, строго проверенныя выводы, то исправляя самымъ точнымъ образомъ увлеченія и промахи другихъ дѣателей; и всѣ вмѣстѣ его многочисленныя статьи составляютъ весьма значительное достояніе по нѣсколькимъ наукамъ. По исторіи же Малороссіи, по вѣдѣнію судебъ Кіева, по знанію украинскаго нарѣчія, мы не знаемъ, кто могъ бы превзойти его или даже сравниться съ нимъ; здѣсь онъ многоопытный уставникъ, къ голосу котораго внимательно прислушиваются даже специалисты.

Въ литературной дѣятельности Максимовича есть двѣ особенности, которыя необходимо требуютъ нѣкотораго объясненія: первая — та, что онъ нерѣдко ограничивался только началами, первыми томами, коимъ не было продолженія; а другая — та, что каждое изъ его произведеній не велико по объему.

Много было причинъ, вслѣдствіе коихъ развились эти особенности; мы назовемъ важнѣйшія. Внимательный въ литературному дѣлу, высоко ставя точность и полезность во всякомъ произведеніи, передаваемомъ публикѣ, Максимовичъ всегда старался о томъ, чтобы сочиненія его стояли въ уровень съ современными требованіями науки; но издавъ начало серіознаго труда, онъ не всегда пользовался условіями — вести его подобающимъ образомъ; а издавать какъ-нибудь, лишь бы издать, хотя сырымъ матеріаломъ, не позволяла ему литературная совѣстливость. Стремленіе составить возможно совершенное и современное сочиненіе, было первою причиною, препятствовавшею ему доводить большіе труды свои до желаемаго конца. Быстрые успѣхи въ наукѣ кого изъ истинныхъ ученыхъ не заставляли совершенно передѣлывать цѣлыя части начатаго труда! Подобная нерѣдка заботила постоянно и Максимовича; самое изложеніе, всегда у него литературное, легкое, давалось ему не легко; онъ не жалѣлъ труда на задуманное дѣло, но у него не доставало времени для достойнаго продолженія и окончанія широко задуманнаго дѣла; всѣ досуги его, особенно въ Кіевской жизни, поглощались служебными занятіями: недостатокъ времени — вторая причина указанной особенности. Но вотъ онъ вышелъ въ отставку, онъ свободно располагаетъ временемъ... Но въ отставку онъ унесъ разстроенное здоровье, подорванное смолodu усиленными трудами и уже никогда вполне не восстанавливавшееся. Здоровье его пошатнулось еще на 30-мъ году жизни; а вѣрнѣе, вслѣдствіе продолжительныхъ занятій надъ микроскопомъ, ослабло еще раньше: нужно ли добавлять, какъ это мѣшало сосредоточиться на большой работѣ, предаться продолжительному, усидчивому занятію? Между тѣмъ отдохнуть долго, укрѣпиться окончательно Максимовичъ никакъ не успѣвалъ: его то и дѣло тануло въ литературнымъ занятіямъ, изысканіямъ, повѣржѣ. Знаясь, по возможности, съ новостями въ литературномъ мѣрѣ, онъ не могъ молчаливо встрѣчать ложные факты, невѣрную постановку вопроса, натынутые выводы, не могъ утерпѣть, чтобы не взяться за перо и не возстановить правды: отсюда новое увлеченіе къ литературной дѣятельности, отсюда новое возвращеніе болѣзни. Далѣе: выйдя въ отставку, онъ поселился въ

пустынной своей усадьбѣ, удаленной отъ большихъ дорогъ. Здѣсь, среди литературныхъ занятій, онъ то и дѣло встрѣчался то съ недостаткомъ нужныхъ пособій, то съ обиліемъ нуждъ житейскихъ. Удаленіе отъ центровъ книжной дѣятельности связывало руки въ ученой работѣ, а житейскія заботы и нужды вырывали самую работу изъ рукъ. Чтò было начато въ Москвѣ и Кіевѣ, то не могло развиваться подѣ селомъ Прохоровкою. Наконецъ, впечатлительность характера, разносторонность даровитой природы не разъ отвлекали его отъ начатаго дѣла къ новымъ вопросамъ; увѣренность, что и тамъ онъ можетъ сказать дѣльное слово, увлекала его на долго; время незамѣтно убѣгало цѣлыми мѣсяцами, годами, а начатый трудъ отходилъ вглубь, все дальше и дальше на задній планъ... Между тѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе росло недовольство начатымъ дѣломъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе крѣпло желаніе идти въ уровень съ потребностями неустанно развивающейся науки; а силы слабѣли, а тамъ являлись на томъ же полѣ другіе дѣятели, и Максимовичъ уступалъ поле, оставлялъ трудъ, съ грустью, съ болью... Но въ то же время онъ вѣрилъ, что новые дѣятели, полные силъ, подвинутъ далеко впередъ начатое имъ, и что они вспомнятъ его, вступивъ на проторенную имъ дорогу.

Другая особенность въ литературной дѣятельности его — небольшой объемъ почти cadaго изъ его произведеній; но эта особенность положительно можетъ быть поставлена ему только въ прямую заслугу. Еще въ 1837 году онъ говорилъ: „И для учености бываетъ разный талантъ: для иной — свѣтлый лучъ мысли изъ тьмы свѣдѣній, для другой — громада свѣдѣній, подѣ которою умъ заходитъ за разумъ“ ¹⁾. Нечего говорить, какой талантъ онъ старался въ себѣ развивать. Правилomъ всей его литературной дѣятельности было — являться въ публику съ трудомъ сжатымъ, но яснымъ, съ результатами готовыми и точными, а не заставлять читателей присутствовать, такъ-сказать, при черновой выработкѣ труда. О немъ можно сказать то же, что нѣкогда было сказано о его другѣ-товарицѣ Надеждинѣ: „Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ, вмѣсто того, чтобы раздробляться на сотни мелкихъ произведеній, сосредоточился въ одномъ большомъ трудѣ, литература и наука пріобрѣли бы великое твореніе, чего и требовали отъ него *строгіе читатели и судьи*. Но справедливы ли ихъ требованія? Развѣ справедливо упрекать богача, построившаго на общую пользу сотни не для всякаго замѣтныхъ домовъ, зачѣмъ онъ не соорудилъ громаднхъ

¹⁾ Откуда идетъ Русская земля. Кіевъ, 1837.

палать, поражающихъ даже грубое зрѣніе? Развѣ большой капиталъ непремѣнно долженъ быть употребленъ лишь на большой оборотъ, отказывая въ скромныхъ требованіяхъ современному обществу и лишая его нужныхъ пособій“¹⁾. Максимовичъ и въ маломъ трудѣ успѣвалъ сказать все нужное. Когда явились его „Начатки русской филологіи“, одинъ изъ нашихъ ученыхъ сказалъ: „Изъ содержанія этой книги иной бы сдѣлалъ три тома“. Слова чрезвычайно характеристическія, которыя можно примѣнить ко многимъ работамъ Максимовича. При всей сжатости своихъ сочиненій, онъ заботился о томъ, какъ бы оживить ихъ: очень часто приводилъ интересныя выписки, прилагалъ снимки, любопытные рисунки, и такимъ образомъ, дѣйствуя на мысль и на глазъ читателя, незамѣтно обогащалъ его свѣдѣніями, которыя легко и надолго укладывались въ памяти.

Конечно, есть недостатки и ошибки въ сочиненіяхъ Максимовича, но онъ никогда не стойтъ въ нихъ, онъ не ждетъ, чтобъ ихъ ему указали, а чаще самъ исправляетъ ихъ открыто. Мало того: почтенный авторъ, по скромности своей, видитъ столько несовершенствъ въ своихъ трудахъ, что и доселѣ не рѣшается приступить къ полному изданію своихъ сочиненій. Въ прежнемъ видѣ онъ не позволяетъ себѣ оставить ихъ, а исправить нѣтъ у него силъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть о томъ, что разныя досадныя обстоятельства помѣшали ему окончить нужную передѣлку даже до настоящаго времени; и вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не пожелать, чтобы поскорѣе были изданы вторично хотя важнѣйшіе его труды.

¹⁾ *Русск. Вѣстн.* 1856, № 5.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ М. А. МАКСИМОВИЧА

(ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ)¹⁾.

I. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

1. Ботаника.

а) Статьи переводныя и оригинальныя.

1. Къ чему служатъ листья на растеніяхъ, переводъ изъ *Мирбеля. Новый Магазинъ Естественной исторіи, Физики, Химіи и сельскій экономическихъ*, 1821 г., ч. IV, стр. 247—251.
2. О системѣ растительнаго царства. *Нов. Магазинъ*, 1823 г., ч. II, № 1, май, стр. 3—22.
3. Нѣчто о естественной системѣ растительнаго царства аналитической (по поводу книги *Касселя*). *Новый Магазинъ*, 1825 г., ч. III, № 1, июль, стр. 3—26.
4. Списокъ растеній Московской флоры, Москва, 1826 г., въ 8-ю д. л. 24 стр. Рецензія въ *Моск. Телеграфъ*, 1826 г., ч. X, стр. 245—246.
5. О системахъ растительнаго царства, разсужденіе на степень магистра физико-математическихъ наукъ. М. 1827 г., въ 12 д. л. VI нумер. и 79 стр.
6. Шесть замѣчаній о русскихъ растеніяхъ изъ семейства артишоковыхъ. *Нов. Магазинъ*, 1827 г., ч. II, № 3, стр. 219 — 222.
7. Четыре области растительнаго царства. *Нов. Магазинъ*. 1827 г., Сибірь, стр. 135 — 141.

¹⁾ Желая, чтобы этимъ спискомъ могли пользоваться съ наибольшимъ удобствомъ, мы располагаемъ его систематически по тремъ главнымъ наукамъ, коимъ занимался Максимовичъ, — естествознанію, словесности и исторіи; каждый отдѣлъ подраздѣляемъ на частнѣйшіе виды. На важнѣйшія сочиненія указываемъ рецензіи, помѣщая библиографическими трудами Ламбихныхъ, Межова и собственными записками. Считаемо нужнымъ прибавить, что *Сына Отечества* и *Телескопа* мы не имѣли подъ руками за все время, такъ что въ списокъ нашему могутъ означаться нѣкоторые пропуски.

8. Обзорѣніе поростовъ, мховъ, папоротниковъ; сравненіе грибовъ и поростовъ. *Нов. Магазинъ*, 1827 г., ч. I, № 3, стр. 155—177; ч. III, № 4, стр. 250—287; 1828 г., ч. I, № 2, стр. 135; ч. II, № 1, стр. 3—16.
9. Замѣчаніе о вѣнчикѣ. *Нов. Магазинъ*, 1828 г.
10. Уродливые плоды на черемухѣ.
11. Сѣмена мужской и женской конопли.
12. Два различія льна.
13. Списокъ многолѣтнихъ оранжерейныхъ и тепличныхъ растений ботаническаго сада при Московскомъ университетѣ, М. 1828 г., 12 д. л. 27. стр.
14. Основаніе ботаники, часть 1-я. Органологія растений, съ 2 гравированными таблицами 12 д. л. IV венуер. XVI и 142 стр. М. 1828 г. Рецензія въ *Моск. Вѣстникъ* 1829 г., ч. VI, стр. 108—117, статья К. Л. (Козьмы Лебедева). Извѣщеніе въ *Москов. Телегр.* 1828 г., ч. XXIV, стр. 200.
15. Систематика растений. 2 часть Основной ботаники, XI и 60 стр. М. 1831 г. Рецензія въ *Телескопъ*, 1831 г., ч. VI, № 22, ноябрь. стр. 275—277.
16. Обзорѣніе органологіи растений, изданное для слушателей, М. 1833 г., 12 д. л. 24 стр.
17. Историческое изложеніе системы растительнаго царства. *Учен. Записки Московск. Университета*, 1833 г., книга 1, июль. стр. 23—50.
18. Явнодѣтныя и тайнодѣтныя растенія. *Журн. Минист. Народн. Просв.* 1834 г., ч. I, двѣ статьи стр. 139. (Это отрывки изъ составленнаго, но неизданнаго Обзорѣнія растительнаго царства по естественной системѣ).
19. О значеніи системы растений и системы животныхъ, письмо въ Шведскому ботанику *Фрису. Телескопъ*, 1834 г., № 1, стр. 1—11.
20. Проектъ устава общества садоводства, 1834 г., (не знаемъ изданъ-ли).

б) Критическія статьи по ботаникѣ.

21. Ботаника для юношества, перев. съ франц. г. *Бастальскаго. Московск. Телеграфъ*, 1826 г., ч. VII, стр. 270.
22. Словарь родовыхъ именъ растений, составл. *И. Мартыновымъ. Московск. Телеграфъ*. 1826 г., № 10, стр. 158—163.
23. Каталогъ дикихъ растений въ Дмитровскомъ уѣздѣ Курской губерніи.
24. Цвѣтоводство подробное, или флора. *Моск. Телеграфъ* 1826 г., ч. VIII, стр. 159—162.
25. Разсужденіе о семействахъ престовидныхъ растений. *Декандоля*, перев. съ французск. *П. Троицкаго. Моск. Телегр.* 1826 г., № 20, стр. 275—283.
26. Notice sur les vegetaux du gouvern. de Moscou etc. соч. *Фишера Моск. Телеграфъ*. 1826 г., № 24, стр. 263—265.
27. Физиологія растений, перев. съ латинскаго. *С. Колядина. Москов. Телегр.* 1827 г., № 1, стр. 74—80.
28. Замѣчанія на статью, помѣщенную въ № 5. Указателя открытій 1826 г., (Новѣйшее распредѣленіе семействъ растений по классамъ). *Моск. Телегр.* 1827 г., № 7, стр. 278—283.
29. Комнатный садовникъ, перев. съ франц. *Моск. Телегр.* 1827 г., ч. XVIII, стр. 148—152.
30. Описаніе Линнеевой системы, *Шварца. Моск. Телегр.* 1828 г., № 3, стр. 399—405.

III

31. Основанія теоретической ботаники, *Перемкина. Москов. Телегр.* 1828 г., № 15, стр. 420—432.
32. Хозяйственная ботаника, *Щелова. Московск. Телегр.* 1828 г., № 17, стр. 102—107.
33. Московская флора, *Дениубская, Моск. Телегр.* 1828 г., № 24, стр. 468—475.
34. De Fructus plantarum phanerogamarum natura. Dissertatio inauguralis quam pro gradu Doctoris Philosophiae conscripsit *I. Schychowsky*. 1832. De plantarum phanerogamarum germinatione. Dissertatio maug. quam ad gradum Doctoris Philos. conscripsit *Petrus Cornuch Trozky*. 1832 г., *Ученныя Записки Москов. университет.* 1833 г., ч. II, октябрь. стр. 167 — 170.
35. О двухъ приворотныхъ земляхъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ: 1) Лѣпокъ (у Нестора), 2) Евтанъ (въ Воынской лѣтописи). *Москов. Мед. Газета.* 1859 г., № 16.
36. О старописьменной книгѣ: Благопрохладный Вертоградъ здравія, *Москов. Медиц. Газета*, 1860 г., № 20. Это — краткая исторія стариннаго рукописнаго лѣчебника (принадлежавшаго Ѳ. И. Иноземцеву), переведеннаго съ нѣмецкаго по повелѣнію митр. Даниіла въ 1534 году.

2. Зоологія.

37. Главныя основанія зоологіи или науки о животныхъ. М. 1824 г., книга 1, 12-ю, XII, 13—72 стр. Рецензія въ *Сынъ Отеч.* 1824 г., ч. 95, № 31, стр. 227—230, подпись подъ рецензіей: XIXiv. IIIxii. XVv. т. е. Кн. Вл. Од. Цифры означаютъ числовой порядокъ буквъ въ азбукѣ; подобный пріемъ въ подписяхъ употреблялся часто въ старой журналистикѣ нашей; такъ, подпись: 200. 1. означала С. А (т. е. Серг. Аксаковъ) по числовому значенію буквъ въ славянской азбукѣ.
38. Афоризмы, или основныя положенія зоологіи. *Нов. Магазинъ*, 1824 г., ч. II, № 1, стр. 3 — 28, ч. III, № 1, стр. 12—20. Всего 138 афоризмовъ.
39. О новой человѣкообразной обезьянѣ. *Нов. Магазинъ*. 1828 г., ч. I, № 4, стр. 255—262, съ рисункомъ въ концѣ книги.
40. Сокращенная система животнаго царства, М. 1831 г., (не окончена и не выпущена въ свѣтъ; сохранилась только въ корректурѣ).

в) Критическія статьи.

41. Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ, *А. Ловецкаго. Москов. Телегр.* 1826 г., № 14, стр. 122—127.
42. О второмъ изданіи той же книги. *Телескопъ*, 1832, ч. XII, стр. 385—398. Здѣсь же разобрана зоологическая система *Фишера*.
43. Опытъ естественной исторіи всѣхъ животныхъ Россійской имперіи. *Дениубская. Моск. Телегр.* 1829 г. № 20, стр. 513—517.

3. Физика.

44. О постоянномъ стремленіи воздуха сохранять свои виды и возстановлять равновѣсіе свое, непрерывно нарушаемое многоразличными дѣйствіями на земномъ шарѣ. *Нов. Магазинъ*. 1828 г. ч. №
45. Физика, изданная проф. *И. Дениубскимъ*, изд. 3-я. *Москов. Телегр.* 1826 г.,

IV

VII ч., стр. 263. Здѣсь представленъ обзоръ сочиненій за 1826 годъ по физикѣ, химіи, астрономіи, ботаникѣ, зоологіи, антропологіи.

46. Руководство въ физикѣ, *Щелова, Москов. Телегр.* 1830 г., ч. XXXII, № 7, стр. 339—354.
47. Физика М: Г. Павлова. *Съв. Пчела*, 1833 г.
48. Руководство къ опытной физикѣ, Д. М. Перевощикова. *Молва*, 1833 г., № 107, стр. 425.

4. Химія.

49. Земледѣльческая химія, *Павлова. Моск. Телегр.* 1825, № 21, стр. 90—98, № 24, стр. 372—381.
50. Химія, *Ювскаго. Моск. Телегр.* 1827 г., № 9, стр. 35—44; № 13, стр. 34—52.
51. О важности химическихъ изслѣдованій въ кругу наукъ и искусствъ, соч. *Ювскаго. Москов. Телегр.* 1827 г., ч. XVI, стр. 278.
52. *Новый Магазинъ естествен. исторіи, физики, химіи и сельскій экономическія. Моск. Вѣстникъ.* 1829 г., ч. VI, стр. 75—84, подпись: М.

5. Земледѣліе.

53. Главныя основанія земледѣлія, Д. Шелехова. *Москов. Телегр.* 1826 г., № 8, стр. 298—316. Это лучшая изъ критическихъ статей Максимовича, помѣщенная въ *Моск. Телеграфъ*, доставившая ему лестное одобреніе *Павлова, Одоовскаго, Давыдова* и другихъ.
54. Существенныя правила плодоперемѣннаго сельскаго хозяйства, Д. Шелехова, *Москов. Телегр.* 1828 г., № 6, стр. 216—221.

6. Медицина.

55. Патологическая Анатомія, соч. *Бейли*, перев. И. Востомарова. *Моск. Телегр.* 1828 г., № 17, стр. 66—70.
56. Врачебныя Записки, *Маркуса, Моск. Телегр.* 1827 г., № 24, стр. 286—290.
57. О сочиненіяхъ *Лодера и Рейса* о холерѣ, *Телескопъ*, 1831 г.
(Рецензія на книгу: *Quelques réflexions sur le cholera-morbus*, par le Dr. Jaenichen. М. 1831, помѣщ. въ *Телескопъ* 1831 г., № 10, май, стр. 243, хотя и подписана обычной подписью Максимовича: W. W., вовсе не принадлежить ему):

7. Естествознаніе въ популярномъ изложеніи.

58. Орывки изъ путешественныхъ записокъ о Московской губерніи въ отношеніи преимущественно къ естественнымъ ея произведеніямъ. *Новый Магазинъ*, 1825 г., ч. I, № 3, стр. 147—157; № 4, стр. 209—222, ч. II, № 1, стр. 3—16, № 2, стр. 77—92. (*Неокончена*).
59. О раздѣленіи естествознанія на вѣтви или особыя науки. *Нов. Магазинъ*, 1827 г., ч. I, № 1, стр. 3—22, съ таблицей.
60. Жизнь растенія, *Нов. Магазинъ*, 1827 г., № 6, стр. 161—170.
61. О превращеніяхъ насѣкомыхъ, *Москов. Вѣстникъ*, 1827 г., ч. II, науки, стр. 48—53.
62. О цвѣтѣхъ, *Литер. Газетъ*, 1830 г., т. 1, № 1, стр. 3—4.

63. О разнообразіи и единствѣ вещества въ природѣ, *Литер. Газета*, 1830, т. 2, № 39, стр. 21.
64. О жизни растений, *Отеч. Цепты* на 1832 годъ, стр. 133—149.
65. О степеняхъ жизни и смерти. (Письмо къ Ю. Н. Бартеневу), *Телескопъ* 1833 г., ч. XIII стр. 448.
66. О границахъ и переходахъ царствъ природы. *Библ. для Чтенія*, 1834 г. ч. I, стр. 112—119; ч. II, стр. 176—183.
Статьи 60—65 съ прибавленіемъ, вышли особою книжкой, подъ заглавіемъ:
67. Размышленія о природѣ. М. 1833 г. въ 16 д. л. 123 стр., письмо М. И. С.—К.—ной. Рецензія въ *Молву* 1833 г., № 110, стр. 437—440.
- Тоже, второе изданіе, исправленное и дополненное, Кіевъ, 1847 г. 16 д. л. 158 стр.
68. Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ, М. 1833 г. Съ той поры до 1868 года вышло одиннадцать изданій ея: въ 1834, 1845, 1847, 1851, 1853, 1859, 1865, 1867 и 1868. Рецензіи: 1) *Молва*, 1833 г., № 59, стр. 233; 2) *Литер. Приб. къ Русскому Инвалиду*, 1833 г., № 61; 3) *Отеч. Пчела*; 1833 г., № 136, 4) *Москов. Телегр.* 1833 г., № 12, стр. 628; 5) *Отеч. Зап.* 1847 г., т. 54, № 9, стр. 49 и 1851 г. т. 72, № 9, стр. 33; 6) *Финск. Вѣстн.* 1847 г., т. XX, отд. 5, стр. 56; 7) *Учитель* 1862 г. № 15, стр. 786. Въ новѣйшихъ каталогахъ ее иногда неправильно означаютъ: Наука о великомъ Божіемъ мірѣ, изд. 10, Кіевъ 1867 г.
69. Микроскопъ. Разныя замѣтки и наблюденія (О Персидскомъ клещѣ; Еггате humanum; о длиннорыломъ медвѣдѣ; номенклатурная страсть; Rosamogeton bitolius; что есть соль; семейства растений российской флоры; яйцо въ яйцѣ; минеральное царство; еще замѣчанія о русской ботанической номенклатурѣ; козель съ молокомъ. — *Телескопъ*, 1834 г., ч. XIII стр. 443; ч. XIV, стр. 392—398; ч. XV, стр. 127.

8. Біографіи и некрологи естественныятелей.

70. Гольдбахъ, адъюнктъ Московскаго университета, *Отеч. Отеч.* 1824. г.
71. Жизнь Московскаго профессора ботаники Гофмана, *Новый Магазинъ*. 1826 г., апрѣль, стр. 1—20; эта статья послужила главнымъ матеріаломъ для статьи о *Гофманѣ* въ Біограф. Словарѣ профессоровъ Московскаго университета, М. 1855 г., ч. I, стр. 254—262.
72. И. А. Криницкій, проф. Зоологіи и Минералогіи въ Харьковскомъ университетѣ. *Учен. Записки Моск. университета*, 1833 г., ч. 1, сентябрь, стр. 710—712.
73. Баронъ Фридрихъ маршалъ Биберштейнъ, *Москов. Телегр.* 1826 г., ч. X. стр. 349—351.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Памятники народной поэзіи.

74. Магдороссійскія пѣсни. Москва. 1827 г., въ 16 д. л. XXXVI. 234 и 9 стр. 1 томъ въ 4 книгахъ, съ предисловіемъ, словаремъ и объяснитель-

- ными примѣчаніями, съ прибавленіемъ пѣсень, полученныхъ отъ Н. Лобойки, и баллады П. П. Артемовскаго-Гулака „Твардовскій“. Всѣхъ пѣсень въ сборникѣ 223. Первоначально было напечатано пять пѣсень въ *Москов. Вѣстникѣ*, 1827 г., ч. II, № 8, стр. 315—319; къ нимъ примѣчанія, тамъ же, стр. 419, еще двѣ пѣсни въ томъ же журналѣ ч. III, стр. 316—317. Предисловіе было также напечатано въ *Вѣстн. Европы*, 1827 г., ч. 154, № 15, стр. 184—200. Книга посвящена тогдашнему попечителю Московскаго университета, А. А. Писареву. Рецензіи: 1) *Сынъ Отечества*, 1827 г., т. 115, стр. 403—405, статья П. Б—го; 2) *Свѣ. Пчела* 1827 г., № 123; 3) *Москов. Вѣстникъ*, 1827 г., ч. VI, № 23, стр. 310—317, ст. С. П. Шевырева; 4) *Учен. Записки Москов. университета* 1834 г. октябрь стр. 144.
75. Украинскія народныя пѣсни, часть 1, въ 3-хъ книгахъ. М. 1834 г., XII, 180 и 4 стр. въ 8 д. л. Здѣсь помѣщены: I Украинскія думы; II Пѣсни казацкія былевныя; III Пѣсни казацкія бытовныя. Всѣхъ пѣсень въ сборникѣ 113. При сборникѣ приложены замѣчанія о правописаніи и словопроизношеніи малороссійскомъ. Рецензіи: 1) *Свѣ. Пчела*, 1834 г., №№ 69 и 179; 2) *Телескопъ* 1834 г., т. 22, №№ 33—35, стр. 430—444, 506—526 и 555—578, статьи Ю. Венелина. (Статьи Венелина вышли потомъ отдѣльно брошюрою, подъ заглавіемъ: Объ источникѣ народной поэзіи вообще и о южнорусской въ особенности, набросано Ю. Венелинымъ. М. 1834 г., 8 д. л. 1—60 стр.); 3) *Literatura, Krytyka, Pisma*. М. Гр. (Гротовскаго). Вильно 1837 г., ч. II, стр. 37—92; 4) Сочиненія и письма Гоюли, изд. 1857 г., т. V, стр. 203, 206—207. См. еще *Основу* 1862 г., июль въ статьѣ М. Гаицка, стр. 11—13.
76. Голоса украинскихъ пѣсень, М. 1834 г. 1-я тетрадь. Въ 8 д. л. 25 пѣсень, 16 стр. текста и 28 стр. нотъ; арранжирован. для пѣнія и фортепіано А. А. Алябьева.
77. Сборникъ украинскихъ пѣсень. Кіевъ, 1849 г., (цензурована еще въ 1845 г.) часть 1 8° 2 и 114 стр. Въ 1 отдѣленіи Сборника помѣщено 20 думъ, изъ которыхъ 16 прежде уже были извѣстны печатно; во 2 отд. помѣщены пѣсни колыбельныя и материнскія, тоже 20. Рецензіи: 1) *Москвит.* 1849 г. № 7, кн. 2: стр. 82; 2) *Отеч. Записки*. 1850 г., № 4, стр. 127. Кромѣ того по поводу сборника явилась статья Ф. И. Буслаева: Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи. *Москвит.* 1850 г., № 18. стр. 19—47. Въ статьѣ указаны слѣды эпическихъ формъ малороссійской поэзіи въ литературѣ русской и вообще славянской отъ IX до XI вѣка и въ частности въ русской литературѣ XII вѣка, при чемъ Слово о Полю Игоревѣ получаетъ неопровержимую достовѣрность и много объясненій.

2. Филологія.

78. О значеніи и происхожденіи слова. Вступительная лекція въ университетѣ св. Владимира. *Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія*. 1835 г., ч. V № 1, стр. 14. Перепечатана въ брошюрѣ: „Русская рѣчь“ см. ниже. Переведена на польскій и напечатана въ газетѣ: *Tygodnik Petersburski* зсѣдъ XII, № 65, rok 1835, 23 sierpnia, p. 379—380.

79. Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ, *Журнал Минист. Народн. Просвѣщенія*, 1838 г., № 3, и отд. въ 8 д. л. 33 стр.
80. Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою, книга 1-я, Киевъ, 1845 г. Здѣсь собственно двѣ статьи: „О значеніи и происхожденіи слова и о системѣ славянскихъ нарѣчій. 8 д. л. 48 стр. Рецензія: 1) *Современникъ*, 1845 г., т. XL, № 11, стр. 176—180; 2) *Отеч. Записки*, 1845 г. т. 43, отд. 6, стр. 17.
81. Объ имени человѣкъ, *Московский Сборникъ*, 1846 г., стр. 326—337.
82. Начатки русской филологіи, книга 1-я объ отношеніи русской рѣчи къ западно-славянскою. Киевъ, 1847 г., 8 д. л. 211 стр. Вторая часть приготовлена и процензурована, но не издана по недовольству автора своимъ трудомъ.
83. Краткій букварь для русскаго народа. М. 1859 г. Было четыре изданія. Киевъ, 1865, 1868 и 1869 г., 16 д. л. 32 стр.
84. Мнѣніе о малороссійскомъ языкѣ и правописаніи онаго, *Русскій Зритель*. 1829 г., ч. VI, № 21—22 (вышли въ 1830 году), стр. 72—78.
85. О правописаніи малороссійскаго языка. *Бѣвлянина*, книга 2, 1841 г. Письмо къ Г. Θ. Основьяненку, стр. 153.
86. Филологическія письма къ М. П. Погодину, *Русская Бесѣда*, 1856 г., № 3 отд. 2, стр. 78—139. Отвѣтъ *Погодина*—тамъ же, № 4, отд. 3, стр. 124—141 перепечатанъ въ *Москвитянинъ*, 1856 г. №№ 13—16. Переписка эта началась по поводу статьи М. П. Погодина: О древнемъ русскомъ языкѣ (*Извѣстія 2 Отд. Императорской Академіи Наукъ*, т. V, вып. 2, стр. 70—92. Письмо къ И. И. Срезневскому, тоже въ *Москвитянинъ*. 1856 г., № 2, стр. 113—139, въ которой отрицалось существованіе въ Киевѣ малороссійянъ и малороссійскаго нарѣчія до татарскаго періода.
87. Отвѣтныя письма Погодину, *Русская Бесѣда*, 1857 г., кн. 2, стр. 80—104. Отвѣтъ *Погодина*, тамъ же, книга 3, стр. 97—107, перепеч. въ *Москвитянинъ*, 1856 г., №№ 13—16, стр. 339—350. Смотри еще отвѣтъ на филологическія письма *Максимовича*, *П. А. Лавровскаго*, *Основа*, 1861 г., № 8, стр. 14—40 и его же по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, *Основа* 1861, № 11 и 12, стр. 72—83. Сличь еще статью *Соковенко* въ 23 № *Дня* 1862 г.; Къ филологическому спору тѣсно примыкаетъ статья *Максимовича*: О мнимомъ запустѣніи Украйны (*Р. Вѣс.* 1857, кн. IV), см. ее здѣсь же въ III отдѣлѣ.
88. О старобытности малороссійскаго нарѣчія. Новыя письма къ М. П. Погодину. *День* 1863, №№ 8, 10, 15 и 16, четыре письма. Есть и отдѣльныя оттиски. М. 1863 въ 16 д. л. 70 стр.
89. Споръ о малороссійскихъ именахъ (это собственно историческая статья), *Спб. Вѣдомости* 1860, № 103, письмо къ Н. И. Костомарову.
90. О книгѣ Е. Новикова. „О Луицкихъ нарѣчіяхъ“. *Москвит.* 1850, № 1, кн. 1, стр. 19—28.

3. Исторія русской словесности.

91. О словѣ о полку Игоря, переводъ А. Θ. Вельтмана. *Молва* 1833, № № 23 и 24, стр. 89—96.

92. Пѣснь о Полку Игоря. Критическій разборъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1836, ч. X, № № 4 и 6, стр. 1 и 439 и 1837 годъ, ч. XIII, № 1, стр. 29; три статьи. Были оттиски, въ 8 д. л. 84 стр. Смотри сказанія русскаго народа, *И. Сахарова*, т. 1, кн. 1, стр. 60—62.
93. Пѣснь о Полку Игоревѣ, съ переводомъ, для слушателей университетскихъ. Кіевъ 1837 г. Рецензія въ *Библ. для Чтенія* 1837, т. XXIV, № 46, отд. 6, стр. 35; см. еще Сказанія рус. народа, *И. Сахарова*, т. I. кн. 1, стр. 54—55.
94. Два письма къ М. П. Погодину о народной исторической поэзіи въ древней Руси, *Москвит.* 1845, № 3, стр. 1—10; № 7 и 8, стр. 47—57. Отвѣтъ *Погодина*, тамъ же, № 3.
95. Замѣчанія на пѣснь о Полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ Гербея, *Москвит.* 1855, № № 1 и 2, двѣ статьи, стр. 157—172 и 105—134. Рецензія въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1855, ч. 87, отд. 6, стр. 8; въ *Библ. для Чтенія* 1855, т. 130, отд. 5.
96. Темное мѣсто въ пѣсни о Полку Игоревѣ, *Москвит.* 1855, т. II, № 6, стр. 175—178. Отрывокъ изъ отчета объ исправленіи текста пѣсни о Полку Игоревѣ. Рецензія въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* ч. 87, отд. 6, стр. 211. По поводу статьи Максимовича смотри отмѣтки на нѣкоторые мѣста Слова о Полку Игоревѣ, статья *Д. Дубенскаго Отеч. Зап.* 1855, т. 101, № 7, критика, стр. 1—12.
97. Пѣснь о Полку Игоря, переведенная на украинское нарѣчіе. Кіевъ. 1857. VIII и 47. Тоже изданіе исправленное, съ текстомъ и примѣчаніями—въ *Украинцѣ* 1859 г. стр. 43—112. Рецензія: 1) *Библ. для Чтенія* 1857 г., т. 24, отд. 6, стр. 35—37; 2) *Кіев. Губ. Вѣдом.* 1857, № 26; 3) *Русскій Инвалидъ*, 1857 г. № 161, *Як. Турунова*; 4) Спб. Вѣдомости 1857 г. № 204, сент. 22.
98. Слово о Полку Игоревѣ, переведенное на нынѣшній русскій языкъ, съ примѣчаніями. Сборникъ статей для народн. чтенія, изд. при редакціи газеты *Другъ Народа* и *Кіевского Народнаго Календаря*, К. 1868 г., вып. 2, стр. 145—169. Есть отд. оттиски, въ 8 д. л. 1—25 стр.
99. О книгѣ Малороссійская деревня, соч. *И. Г. Булжинскаго, Моск. Телегр.* 1827 г., ч. XIII, стр. 230—236.
100. О поэмѣ Пушкина „Полтава“, *Атеней* 1829 г., ч. II, стр. 501—515.
101. Обзорѣніе русской словесности за 1830 годъ, *Детница* на 1831 г. См. *Моск. Телегр.* 1831 г. ч. XXXVII, стр. 537 и слѣд.
102. Отвѣтъ Полевому (по поводу рецензіи на „Обзорѣніе рус. слов.“). *Молва*. 1831 г. №
103. Письмо о философіи, Е. И. Исуповой. *Телескопъ* 1833 г., ч. XV, № 12, стр. 433; съ запиской къ издателю *Телескопа*.
104. Исторія древней русской словесности. Кіевъ 1839 г., кн. 1. Въ 8 д. л. 226 стр. Рецензія: 1) *Галатія* 1839 г., ч. VI, № 46, стр. 113—124, ст. *П. Перевѣтскаго*; 2) *Сынъ Отеч.* 1839 г., т. XII стр. 62—64; 3) *Литер. Газета* 1840 г., № 19; 4) *Отеч. Зап.* 1840 г. № 4, критика, стр. 37—72; (ст. М. Н. Каткова) 5) *Соврем.* 1840 г., т. XIX, стр. 137.
105. Отзывъ на критику Исторіи древ. рус. слов. помѣщенную въ *Отеч. Запискѣхъ, Сѣв. Пчела* 1840 г. № 125, стр. 498.

IX

106. О червоно-русских стихотвореніяхъ, *Киевлан.* 1841 г., кн. 2, стр. 119.
107. О двухъ стихотвореніяхъ „Плачь малой Россіи“ и „Милость Божія“, *Кіевск. Епарх. Вѣдом.* 1865, № 22, стр. 837.
108. Объясненіе нѣкоторыхъ украинскихъ пѣсень, *Русск. Бесѣда* 1857 г. Книга 1, стр. 49—64. Украинскія письма къ П. А. Кулишу. Здѣсь же объ изданіи А. Д. Метлинскаго „Народныя южно-русскія пѣсни“, Кіевъ 1854 г.
109. Замятка о словутномъ пѣвцѣ Митусѣ (упоминаемомъ въ Волынской Лѣтописи подъ 1241 годомъ) *Основа* 1861, № 6, стр. 19—20.
110. Воспоминаніе о Н. И. Надеждинѣ, *Москвит.* 1856 г., т. I, № 3, іюнь, кн. 1, стр. 225—234.
111. Разборъ стихотвореній Языкова, *Парусъ* 1859 г., № 1.
112. Родина Гоголя, *Москвит.* 1854 г., № 1 и 2, Смѣсь, стр. 6—7.
113. Оборона украинскихъ повѣстей Гоголя, *День* 1861 г. № № 3, 5, 7, 9, 1862 г. № 13. По поводу Обороны *День* 1861 г. № 7, ст. II. *Кулиша* и *Время* 1862 г. № 1, Критика.
114. Нѣсколько словъ въ память Н. М. Карамзина, въ столѣтнюю годовщину его рожденія, 1-го декабря 1866 года. Посыма о Кіевѣ, Спб. 1871 г стр. 151.

4. Библіографія южно-русская.

115. Книжная старина южно-русская. Четыре главы. *Временникъ* 1849 г. кн. 1, Смѣсь, стр. 1—12 и книга 4, ') Смѣсь, стр. 1—12. Здѣсь помѣщены извѣстія о началѣ книгопечатанія въ южной Россіи, на Волыни, въ Острогѣ, Дерманѣ, Роухмановѣ, Четвертнѣ, Луцкѣ, Кременцѣ, и Почаевѣ. Въ 2-й статьѣ—о книгопечатаніи въ Червонной Руси въ Львовѣ и другихъ мѣстахъ Червонной Руси, и о бібліотекахъ И. Я Лукашевича ').
116. Книжная старина южно-русская (продолженіе). *Кіевлянинъ*, книга III, М. 1850 г. стр. 117—138, съ двумя снимками. Здѣсь предложены: 1) Начало книгопечатанія въ Кіевѣ, книги отъ 1616 до 1632 года, и 2) Латинпольскія сочиненія писателей малороссійскихъ, печатанныя въ Кіевѣ, Вильнѣ, Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскѣ, 1633—1765 г.
117. О первомъ изданіи Дидаскаліи Сильвестра Коссова, съ литографированнымъ заглавнымъ листомъ. *Временникъ*, 1850 г. кн. 7, Смѣсь, стр. 77—78. До открытія въ 1849 году Т. О. Большаковымъ этого изданія Дидаскаліи, вышедшаго въ Кутенинѣ въ 1637 году было извѣстно только третье—1653 года.
118. О проповѣдяхъ на малороссійскомъ языкѣ, протоіер. В. Гричулевича, *Москвит.* 1850 г. № 3, февраль, кн. 1. стр. 85—88.
119. О Кіевскомъ народномъ календарѣ на 1865 годъ, *Кіевлян.* 1865 г. № 2.

¹⁾ А не 2-я и 3-я, какъ доселѣ указывалось въ нѣкоторыхъ бібліографическихъ трудахъ.

²⁾ Въ с. Кононовѣ, Пиратинскаго уѣзда. Въ извѣстіи о ней говорится о нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ памятникахъ, находящихся въ бібліотекѣ.

Отвѣтъ издателя календаря—*А. Андрияшева, Киев.* 1865 г. съ замѣчаніями отъ редакціи.

120. Извѣстіе о книгѣ: „*Благовѣстіе Марка Аврелія*“, соч. *М. Казачинскаго, напечатанной въ Львовѣ 1745 г. Киевск. Епарх. Вѣдом.* 1871 г. № 1, стр. 11—19, и отд. оттиски, 9 стр. in 8°.
121. Библиографическое объясненіе г. *Гилтебрандту, Киевск. Епарх. Вѣдом.* 1871 г. № 15, стр. 357—363.

5. Изящная словесность.

122. Первоцвѣтъ, стихотвореніе, *Ураи́я*, 1826 г. альманахъ, изд. Погодинымъ положено на музыку Алабьевымъ.
123. Къ Розалии, стих. *Стверная Ли́ра*, альманахъ *Раи́ча* на 1827 годъ.
124. Три сказки и одна побасенка, *Денница* 1834 года, и отд. Киевъ 1845 г. М. 1859 г. 16° 32 стр. и Киевъ, 1867 и 1871 г. 44 стр. Четыре изданія. Рецензія въ *Отеч. Зап.* 1845 г., т. 43, отд. 6, стр. 29.
125. Три стихотворенія: „Къ звѣздѣ“, „Кіевлянкѣ“, „Весеннее чувство“, *Одесскій альманахъ на 1840 годъ*.
126. Псалмы, переложенные на украинское нарѣчіе, *Украинець* 1859 года стр. 1—41 и отд. книгою М. 1859 г. 8° 41 и II нумер. стр.
127. Здѣсь же вспомнимъ уже указанный переводъ Пѣсни о Полку Игоря, отрывокъ изъ этого же перевода „Плачъ Ярославны“ положенъ на музыку Н. В. Лисенко.
128. Пять псалмовъ, переложенныхъ на украинское нарѣчіе, въ привѣтъ *Гамичанину* изъ Кіева. *Гамичанинъ*, научно-белетристичная прилога до *Слова*. Львовъ. 1867 г., числа 10, 11 и 12. Цвѣтня 6, 22.
129. Привѣтъ Шевченку, на обѣдъ 25-го марта 1858 года, *Основа* 1861, № 6, въ статьѣ „Значеніе Шевченка“, стр. 8—9 (на малор. языкѣ).
130. На смерть Шевченки, *Основа*, 1861 г. іюнь, № 6, стр. 18 (на малор. языкѣ).
131. На похоронъ Т. Г. Шевченка підъ Каневою, *Основа* 1861, № 6, стр. 35—38, (на малор. языкѣ).
132. Три пѣсни 1863 года (на малор. языкѣ), *День* 1863 г. № 27 и *Украинець* 1864, стр. 35.
133. Пѣсня 1864 года, *Украинець* 1864, стр. 39.
134. Нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ стихотвореній разсѣяно въ другихъ его сочиненіяхъ, напримѣръ: въ „Письмахъ о Кіевѣ“, превосходное посвященіе *Погодину* и проч. стр. 2, 19 и 118 ‘).

III. ИСТОРІЯ.

Исторія просвѣщенія.

135. Рѣчь объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи, говоренная въ университетскомъ собраніи 12-го января 1830 года, *Рус-*

‘) Въ *Звѣздочкѣ*, журналѣ А. О. Ишимовой, помѣщались иногда стихотворенія за подписью *М. Максимовичъ*; не это былъ совсѣмъ другой авторъ — *Михаилъ Николаевичъ* Максимовичъ родственникъ М. А. Максимовича.

XI

- ский *Зритель* 1829 г. ч. VI, № 21 и 22, стр. 3—19 (вышелъ въ 1830 году) и отд. брошюрой М. 1830 г. 8° 19 стр. Рецензія въ *Литератур. Газетѣ* 1831 г. т. III, № 29, стр. 237.
136. Рѣчь о русскомъ просвѣщеніи, говоренная въ университетскомъ собраніи 12-го января 1832 года. *Телескопъ*, 1832 г., ч. VII, № 2, стр. 169—190, и отд. М. 1832 г., въ 8-ю д. л.
137. Прощальное слово къ членамъ университета св. Владиміра, 1835 года, Биографич. Словарь профессоровъ Московскаго университета, ч. II, М. 1855 г., стр. 11—13. Есть оттиски.
138. Мысли о университетѣ св. Владиміра (въ концѣ 1838 года), см. книгу „Письма о Кіевѣ“. Спб. 1871 г., стр. 93—103.
139. Замятка для исторіи университета св. Владиміра, письмо къ В. Я. Шульгину, *Спб. Вѣдом.* 1860 г., № 3 (По поводу „Исторіи университета св. Владиміра“, соч. В. Я. *Шульгина*, напечатанной первоначально въ *Русскомъ Словѣ* 1859 г., № 10).
140. Записки о первыхъ временамъ Кіевскаго Богоявленскаго братства, *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1865 г. № 21, стр. 783; № 23, стр. 878; № 24, стр. 930. Перепечатано въ *Трудахъ Кіев. Духовн. Академіи* 1869 г., № 9, сентябрь, и отд. брошюрой. К. 1869 г., въ 8-ю д. л. 40 стр.
141. Привѣтствіе Кіевской Духовной Академіи въ день 50-лѣтней годовщины ея 1869 г. 29-го сент. Письма о Кіевѣ. Спб. 1871 г., стр. 153.

2. Исторія Россіи и въ частности Кіевской Руси.

142. Откуда идетъ русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ. Посвящено памяти Ломоносова. Кіевъ 1837 г., въ 8-ю д. л. 147 стр. Рецензіи: 1) *Москвит.* 1841 г., ч. II, № 3, стр. 219—234, ст. М. П. *Погодина*; 2) *Сѣв. Пчела* 1837 г., № 176, статья г. О. 3) *Библиот. для Чтенія* 1837 г., т. XXIII, № 43, отд. 6, стр. 19.
143. Письмо къ издателю *Москвитянина*, по поводу рецензіи его на предидущую книгу. *Москвит.* 1841 г. т. III, № 5, стр. 198—211. Отвѣтъ *Погодина*, тамъ же, стр. 211.
144. Нѣчто о землѣ Кіевской. *Украинецъ* 1864 г., стр. 1.
145. О названіи кіевской Руси Россією. *Кіевск. Епарх. Вѣдом.* 1868 г., № 1, стр. 5; перепеч. въ газетѣ *Москвичъ* 1868 г., № 25, января 26-го и въ *Кіев. Телеграфѣ* 1868 г., № 7. По поводу этой статьи см. *Голосъ* 1868 г., № 67, фельетонъ И. *Богучарова*.
146. О мнимомъ запустѣніи Украйны въ нашествіе Батыево, *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. IV, стр. 22—35. Критическія замѣчанія, относящіяся къ исторіи Малороссіи. Письмо къ М. П. *Погодину*, по поводу филологическаго спора, см. здѣсь же отд. II, филологія.

3. Исторія Кіева.

а) Собственно городъ.

147. Рѣчь объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи, говоренная 2-го октября 1837 года, въ торжественномъ собраніи университета

XII

- св. Владимира. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1837 г., ч. XVI, стр. 1 и отд. Киевъ въ 4-ю д. л., 21 стр.; второе изданіе К. въ 8-ю д. л. 31 стр.
148. Обзоръніе Старога Кіева, *Кіевлянинъ* 1840 г., кн. I, стр. 5, съ планомъ древняго Кіева.
149. Очеркъ Кіева, въ „Обзоръніи Кіева“, изд. И. И. Фундуклея, К. 1847 г.
150. Топографическія замѣтки Кіевлянина. *Кіевлян.* 1841 г., кн. 2, стр. 102.
151. Родословныя записки Кіевлянина. *Кіевлян.* 1841 г., кн. 2, стр. 302. (Перечень дворянскихъ русскихъ фамилій на Волни, принадлежавшихъ въ XVII в. къ православной церкви).
152. Объяснительные параграфы о Кіевѣ, по поводу книги г. Закревскаго „Описание Кіева“. М. 1868. *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1869 г. № 2, стр. 61; № 3, стр. 99; № 4, стр. 133. Отдѣльные оттиски въ 8-ю д. л., 44 стр.
153. Письма о Кіевѣ къ М. П. Погодину, *Русскій* 1868 г., 1-е полугодіе, №№ 12, 13, 14, 15 и 17 и второе полугодіе №№ 6, 14, 20, 21 и 26. Продолженіе въ *Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1869 г. №№ 16 и 19. Отдѣльное изданіе. М. 1869 г., въ 16-ю д. л. 90 стр. Напечатано всего сорокъ экземпляровъ. Тоже, новое дополненное изданіе. Спб. 1871 г., въ 16-ю д. л. 154 и II стр. съ видомъ Кіевскаго Богооявленскаго братства и университета св. Владимира. — Здѣсь же два письма къ Петру Гавриловичу Лебединцеву, Воспоминаніе о Тавридѣ, письмо къ князю П. А. Вяземскому, нѣсколько словъ въ память Н. М. Карамзина въ столѣтній юбилей его 1-го декабря 1866 г. и привѣтствіе Кіевской Духовной Академіи въ день 50-лѣтней годовщины 1869 года. — Рецензіи: 1) *Русская Старина* 1871 г., № 1; 2) *Вечерн. Газета* 1871 г., № 52 (изд. *Биржев. Вѣдомостей* 1871 г.); 3) *арх* 1871 г., № 3; 4) *Кіевлянинъ* 1871 г., № ; 5) *Кіевск. Вѣстникъ* 1871 г., № 36; 6) *Вѣстн. Европы* 1871 г.
154. О кіевскомъ урочищѣ Коньревѣ концѣ (по поводу статьи о немъ г. Закревскаго). *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1871 г., № и отд. 13 стран.
- б) Лавра, церкви, монастыри.
155. О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ. *Кіевлян.* 1840 г., кн. I, стр. 131.
156. Св. врата Печерской Лавры. *Москвит.* 1848 г., № 7, стр. 39—43.
157. Надгробная суена (о могильныхъ камняхъ Искры и Кочубея и полковника Флорова. *День* 1864 г., № 10 стр. 19.
158. Надгробныя стихи Кочубею и Искрѣ. *Кіевск. Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 23, стр. 717.
159. О Лаврской латинской школѣ. *Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн.* 1847 г., кн. 6, Смѣсь стр. 77—80.
160. О построеніи и освященіи Георгіевской церкви. *Кіевлян.* кн. 3, 1850 г., стр. 66.
161. Письмо на новый 1866 годъ (о желаемомъ построеніи въ Кіевѣ Влахернскаго храма). *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 2, стр. 82.
162. О мѣстѣ Кіевской церкви св. Андрея. Археологическія записки. *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 11, стр. 350.

XIII

163. О времени основанія Кіево - Софійскаго собора. Археологич. записки 1867 г., № 1; стр. 11.
 164. О созданіи кіевской церкви св. Кирилла. *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1869 г., № 1; стр. 21.
-
165. Записки о первыхъ временахъ Кіевскаго Богоявленскаго братства *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1865 г., № 21, стр. 783; № 23, стр. 878; № 24, стр. 930. Отд. оттиски въ 8-ю д. л. 45 стр. Тоже перепечатано въ *Трудахъ Кіевской Дух. Академіи* 1869 г., № 9, и отдѣльно. К. 1869 г., въ 8-ю д. л. 40 стр.
 166. Выдубицкій монастырь. *Кіевлян.* кн. 2, 1841 г., стр. 5.
 167. Сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ. *Украинецъ* 1864 г., стр. 23—34, а послѣ въ *Кіев. Епар.* *Вѣдом.* 1865 г. № 6, стр. 221; № 7, стр. 263 и отд. оттиски въ 8-ю д. л. 42 стр.
 168. Нѣчто о Межигорѣ. *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1864 г., № 20, стр. 630.
 169. Слухи о Межигорѣ. *Дѣло* 1865 г., № 45—46.
 170. О древнемъ монастырѣ Гнилецкомъ. *Кіевлян.* кн. 2, 1841 г., стр. 27.
 171. Воспоминаніе о стародавнемъ монастырѣ Каневскомъ. *Кіевск. Епарх. Вѣдом.* 1864 г., № 24, стр. 757.

в) Замѣчательнѣйшія лица города, и края.

172. Рѣчь надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Ф. В. фонъ-деръ-Остенъ-Сакена. Кіевъ 1837 г., въ 4-ю д. л. 7 стр. Перепеч. въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* 1838 г., ч. XIV, стр. 1 и во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ.
173. Помянки о М. Ѳ. Берлинскомъ. *Временникъ* 1850 г., кн. 5, „Смѣсь“ стр. 39—40.
174. Сказанія о стародавнихъ людяхъ Кіевской земли. Выходъ 1-й, Кіевъ. 1865 г., въ 16-ю д. л. 28 стр. (Здѣсь очерчены вел. князь Святославъ Ярославичъ, отрокъ Янъ Усмошвецъ и Мліевскій староста Данило Кушниръ).
175. Епископъ Исаакій Борисковичъ. *Кіевск. Епарх. Вѣдом.* 1865 г., № 4, стр. 146.
176. Біографическое извѣстіе о преподобномъ архимандритѣ Макаріѣ Токаревскомъ. *Полтав. Епарх. Вѣдом.* 1865 г., № 19 и отд. брошюрой.
177. Воспоминаніе о Никифорѣ Турѣ, архимандритѣ Печерскомъ. *Кіевскія Епарх. Вѣдом.* 1867 г., № 5, стр. 150.
178. Замѣтка къ акту избранія Петра Могилы въ митрополиты кіевскіе. *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1867 г., № 8, стр. 243.
179. Письмо о м. Евгеніи къ прот. П. Г. Лебединцеву. *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1868 г., № 5, стр. 198; перепеч. въ *Русскомъ* 1868 г., № 40, второе полугодіе и въ книгѣ „Письма о Кіевѣ“. М. 1869 г. и Спб. 1871 г., стр. 119—127.
180. Сельскій некрологъ (Я. И. Осиповскій, товарищъ по Академіи преосв. Иннокентія Борисова) 1868 г., листъ 9 и 10.
(О самомъ же Иннокентіѣ см. книгу „Письма о Кіевѣ“. Спб. 1871 г., на очень многихъ страницахъ).

XIV

181. Въ какомъ вѣкѣ жилъ Илья Муромецъ? *Кіев. Епарх. Вѣдом.* 1871 г., № 15, стр. 250—356.

4. Историческія и топографическія замѣтки о городахъ и областяхъ Южной Руси.

а) Волинь.

182. Воспоминаніе о городахъ Пересопницѣ и Дубровицахъ и о князьяхъ ими владѣвшихъ. *Кіевлян.* кн. 1, 1840 г., стр. 231. Статья о Дубровицѣ, съ дополненіями, переведена была на польскій языкъ *графомъ Платеромъ*, а съ польскаго г. Д. Тамочкинъ перевелъ снова на русскій и напечаталъ въ *Волинскихъ Губерн. Вѣдомост.* 1855 г., часть неоф. № 39. Въ статьѣ разсказана исторія удѣльныхъ князей этого стариннаго волинскаго города.
183. „О городѣ Стѣпанѣ“ *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1848 г., ч. XXII, стр. 187; перепеч. съ дополненіемъ извѣстій о Степанскомъ монастырѣ. *Кіевлян.* кн. 3, 1850 г., стр. 45—50.
184. „Волинь до XI вѣка“. *Кіевлян.* кн. 2, 1841 г., стр. 289.
185. Замѣтка о землѣ Волинской. *Украинецъ*, 1864 г., стр. 12.
186. О памятникахъ Лудскаго Крестовоздвиженскаго братства. *Кіевлянинъ* кн. 2, 1841 г., стр. 311. А самые памятники изданы подъ редакціей Максимовича въ книгѣ: „Памятники, изданныя Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ“. Кіевъ. 1845 г., т. I.

б) Украина.

187. Воспоминаніе о г. Золотоношѣ. *Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ* 1848 г., ч. XXIII, № 9, стр. 410—428; перепеч. въ *Украинцѣ* 1859 г., стр. 123—145. (О происхожденіи города; исторія его и его церквей и монастырей; свѣдѣнія объ украинскихъ имѣніяхъ кн. Іереміи Вишневецкаго. Рецензія въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1848 г., ч. LX, отд. 6, стр. 150.
188. Сказаніе о г. Переяславѣ въ первобытныя времена. *Кіевлян.* 1850 г., кн. III, стр. 1.
189. Сказаніе о праздникѣ св. Бориса подъ Переяславомъ. *Кіевлян.* 1850 г., кн. III, стр. 7. Отд. брошюркой. Кіевъ. Третье изданіе 1867 г., въ 16-ю д. л., 24 стр. Съ рисункомъ изъ лѣтописи XIII в. „Борисъ идетъ на Печенѣги“.
190. О древней епархіи Переяславской. *Чтенія въ Моск. Общ. и Древн. Росс.* 1858 г., кн. IV, отд. 5, Смѣсь, стр. 145—150.
191. Путевое воспоминаніе о Полтавѣ. *Украинецъ* 1859 г., стр. 112.
(Здѣсь же встаетъ напомнить уже указанную статью Родина Гоголя (мѣстечко Сорочинцы), *Москвит.* 1854 г., № 1, Смѣсь, стр. 6—7).
192. Объ именахъ южнорусскихъ городовъ. О малороссійскомъ произношеніи мѣстныхъ именъ. Замѣчанія на Шафарикову карту славянскихъ земель. *Москвит.* 1843 г., № 10, стр. 455—468.
193. Лубочныя изображенія малороссійскихъ городовъ. *Кіевлян.* 1850 г.,

XV

кн. 3, стр. 186, съ двумя листами снимковъ съ лубочныхъ картинъ XVIII в., изображающихъ Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Глуховъ и Батуринъ.

194. О десяти городахъ и нѣкоторыхъ селахъ древней Руси. *Москвит.* 1854 г., № 1, Смѣсь, стр. 1—6.
195. На прощанье съ 1867 годомъ. Письмо къ М. П. Погодину, о столѣтій изданіи лѣтописи Нестора и о древнемъ приднѣпровскомъ городѣ Устьѣ. *Русскій* 1868 г., 1-е полугодіе, № 11.

в) ТАВРИДА.

196. Воспоминаніе о Тавридѣ. Письмо къ князю Петру Андреевичу Вяземскому. *Русскій* 1868 г., второе полугодіе, № 52; перепеч. въ Письмахъ о Кіевѣ. Спб. 1871 г., стр. 135.

5. КАЗАЧЕСТВО И ЕГО ДѢЯТЕЛИ.

197. Обзорѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ до смерти Богдана Хмѣльницкаго. (Часть первая). *Вѣстн. Русск. Географ. Общества* 1856 г., ч. XVII, кн. 4, отд. 2, стр. 222 — 242. О полкахъ, бывшихъ до Зборовскаго мира, 1649 г., и послѣ мира по 1657 годъ. Есть оттиски. Рецензія *Русск. Инвал.* 1856 г., № 239, Яв. Турунова.
 198. Бубновская сотня. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1848 г., ч. XXIV, № 11, стр. 212 — 243 и 1849 г., ч. XXVI, № 4, стр. 26 — 68 и № 6, стр. 315—393.
 199. Извѣстія о гайдамакахъ. *Москвит.* 1845 г., № 5 и 6, стр. 45—68. Запѣванія на книгу г. Скальковскаго: „Наѣзды гайдамаковъ на западную Украину въ XVIII стол.“. По преимуществу ограждены отъ нареканій г. Скальковскаго Максимъ Желѣзнякъ и его гайдамачество въ 1768 году.
 200. О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ. *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. IV, стр. 35 — 61. Письма къ М. А. Грабовскому.
 201. Историческія письма о казакахъ. *Дѣло* 1863 г., №№ 44 и 46; продолженіе писемъ въ *Кіевлянина* 1865 г., №№ 23 — 25; по поводу мятніи Антоновича о происхожденіи казачества. Всего пять писемъ къ М. В. Юзефовичу.
 202. НВ. Въ рукописи осталось „Сказаніе о Колієвщинѣ 1768 года“, написанное еще въ 1840 году для первой книги *Кіевлянина*, но не пропущенное тогдашнею цензурой. Имъ воспользовался г. Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи.
-
203. Изслѣдованіе о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ. *Москвит.* 1843 г., № 10, стр. 347—370. Написано по поводу *Запорожской Старины*, *Срезневскаго*. Поправки въ повѣствованіяхъ о Сагайдачномъ и опроверженіе нареканій на него. Свѣдѣнія о его родѣ, иночествѣ, кончинѣ. О народной пѣснѣ про Сагайдачнаго, относящейся не къ гетману Петру.

XVI

204. Сказаніе о запорожскомъ гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ. *Кіевлянинъ* 1850 г., кн. 3, стр. 151—183, съ двумя рисунками—портретомъ гетмана и взятіемъ Кафы, и отрывками изъ виршей на погребеніе Сагайдачнаго. Есть оттиски въ 8-ю д. л., 32 стр.

205. Воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ. *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. I, стр. 65—80. Въ концѣ приведены отрывки изъ драмы (Оеофана Прокופовича?) „Милость Божія, Украину отъ неудобъ пошлыхъ обидъ людскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмельницкаго свободившая“ и проч. Въ связи съ этою статьей находится вышеуказанное письмо къ Грабовскому „о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малоросіянъ“.
206. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ. (4 письма къ Погодину). *Украинецъ* 1859 г., стр. 147—174. Объясненіе по поводу этихъ писемъ, Костомарова. *С.-Петербург. Вѣдом.* 1859 г., № 122.
207. О приѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья. 5-е письмо къ Погодину). *Русск. Бесѣда* 1859 г., кн. VI, отд. 5, стр. 93—100. Всѣ эти письма представляютъ критическія замѣтки на книгу Костомарова „Богданъ Хмельницкій“.
208. Въ отвѣтъ на объясненіе Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ. *С.-Петербург. Вѣдом.* 1860 г., № 8. Тамъ же и отвѣтъ Костомарова. Въ связи съ этою статьею стоитъ указанный выше „Споръ о малороссійскихъ именахъ“. *С.-Петербург. Вѣдом.* 1860 г., № 103.
209. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ къ Н. И. Костомарову: 1) О событіи на Кадакѣ. 2) О воспитаніи Богдана Хмельницкаго. 3) Объ участіи его въ казацкихъ возстаніяхъ на поляковъ. 4) Въ конецъ характеристика Богдана. 5) О николевскомъ пирѣ его. 6) Повѣсть о побѣдѣ его изъ Бродѣ. 7) О цезарскомъ плѣнѣ и черноморскихъ походахъ его. 8) О плѣненіи двухъ Кантемиричей 1629 года. 9) О введеніи къ лѣтописи Самовидца. 10) О похищеніи королевской грамоты у Барабаоша. 11) О сотничествѣ Хмельницкаго. Всего одиннадцать писемъ. *Основа* 1861 г., № 2, стр. 105—120 и № 5, стр. 1—23.
210. Какъ писать фамилію Богдана? (авторъ узаконяетъ: Хмельницкій). *Кіевлян.* 1870 г.

211. Замѣтка къ листу гетмана Скоропадскаго. *Кіевскія Епарх. Вѣдом.* 1865 г., № 16, стр. 614.
212. О первыхъ гетманахъ и полковникахъ прилученныхъ. Письмо къ Н. А. Маркевичу. *Москвит.* 1849 г., № 9, стр. 1—6. Указано нѣсколько новыхъ именъ гетмановъ и прилученныхъ полковниковъ.
213. Замѣтка о казацкихъ гетманахъ. Письмо къ С. М. Соловьеву. *Русск. Вѣстн.* 1859 г., т. XXIV, № 22. *Соврем. Литотисъ*, стр. 163—166.
214. О сотникѣ Харькѣ и запорожцѣ Чупринѣ. *Русск. Бесѣда* 1857 г. кн. 1, стр. 38—49. Украинскія письма къ П. А. Кулишу.
215. О родѣ Богдана Братковскаго. Письмо къ В. Б. Антоновичу. *Кіевлян.* 1865 г.,

XVII

216. Память о кievскомъ воеводѣ Григоріѣ Ходкевичѣ. *Утро*, М. 1868 г., стр. 378—380.
217. О литовскомъ гетманѣ кн. Острожскомъ. Письмо къ М. О. Бояловичу. *Украинецъ* 1864 г., стр. 17.
218. Письма о князьяхъ Острожскихъ. *Киев. Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 3, стр. 103; № 4, стр. 141; № 6, стр. 196; № 7, стр. 235; № 9, стр. 289; № 10, стр. 322. Всего семь писемъ къ графинѣ А. Д. Влудовой. Отд. изданіе. Кіевъ 1866 г., въ 8-ю д. л., 54 стр.

6. Археологія.

219. Украинскія стрѣлы съ изображеніемъ 45 стрѣлъ. *Археологич. Вѣстн.* 1868 г., вып. 5. Отд. изд. въ 4-ю д. л., 16 стр.
Къ археологін примыкають указанныя выше статьи: о мѣстѣ церкви св. Андрея, о времени основанія Кіево-Софійскаго собора. *Кіевскія Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 11 и 1867 г., № 1, равно и нѣкот. другія.
220. О записи Владиміра Ольгердовича. (Письмо къ П. А. Муханову), *Лѣтоп. Занят. Археогр. Коммис.* V, 172—173.
221. Археологическія письма къ гр. А. С. Уварову, (Труды перваго Археолог. съѣзда въ Москвѣ 1869, т. I, с. СХХV—СХХХIV).
- 222 О фофудіяхъ. (Письмо къ Н. П. Барсукову), *Лѣтоп. Занят. Археогр. Коммис.* V, 169.

7. Историческая бібліографія.

223. О запорожской старинѣ, оборонитѣ *Орешетскаго*. *Молва* 1894 г., № 6, при *Телескопѣ*.
224. Извѣстіе о лѣтописи Гр. Грабянки, изд. въ 1854 Кіевской Временной Коммиссіи. *Москвитинъ*. 1855 г., т. V, № 17—18, стр. 145—158. Лѣтопись Грабянки доведена до 1708 г. Издана подъ редакціею *Самчевскаго*. Статья Максимовича есть разборъ лѣтописи и исправленіе показаній и выводовъ редактора ея.
225. Извѣстіе о южнорусскихъ лѣтописцахъ, издан. *Ник. Бѣлозерскимъ*. *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. III, стр. 45—49.
226. О Гр. Н. Тепловѣ и его запискѣ о неурядкахъ въ Малороссіи, письмо къ г. Кулишу. *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. IV, стр. 61—78.
227. О кievскомъ синонемѣ. Письмо къ П. Г. Лебединцеву. *Кіевск. Епарх. Вѣдом.* 1868 г., № 9, стр. 352; перепеч. въ *Русскомъ* 1868 г., второе полугодіе, № 43 и въ Письмахъ о Кіевѣ. Спб. 1871 г., стр. 127—134.
228. Объ историческомъ романѣ г. Кулиша „Черная рада“, письмо къ Г. П. Галагану. *Русск. Бесѣда* 1858 г., кн. I, стр. 13.
229. Письмо къ П. И. Бартеневу о путешествіи въ св. землѣ священника І. Лукьянова. *День* 1865 г., № 33.
230. О памятной книгѣ Я. Михайловскаго, письмо къ графу Броэль-де-Платеру. *Кіевлян.* 1865 г., №.
231. Замѣтка (по поводу пропуска въ академическомъ календарѣ о годахъ основанія духовныхъ академій). *День* 1865 г., № 39.

XVIII

2. Библиографическое извѣстіе о книгѣ „Отдѣлъ польскихъ пословицъ“. *Кіевлян.* 1867 г., марта 23-го.
Кромѣ собственныхъ историческихъ трудовъ, Максимовичъ напечаталъ нѣсколько матеріаловъ въ *Чтеніяхъ Москов. Общества Исторіи и Древностей*, а именно:
233. Отрывокъ изъ записокъ профессора Чеботарева (1847 г., № 9, Смѣсь, стр. 1—23).
234. Милость Божія, драма *Θ. Прокоповича* (?), (1858 г., кн. I, Смѣсь, стр. 75 — 100).
235. Объясненіе нѣкоторыхъ названій, особенно славянскихъ, изъ языка Финикійскаго. *И. И. Козомъ* (1846, № 9, Смѣсь).
236. Записка генерала Неверовскаго о службѣ своей въ 1812 году (1859 г., кн. I, стр. 77—82).
237. Въ 1835 году сообщилъ П. А. Муханову старописьменную книгу кіевскихъ актовъ, изъ коихъ важнѣйшіе напечатаны въ *Оборникъ Муханова* 1836 и 1866 гг.
238. Въ 1845 г. былъ редакторомъ 1-го отдѣленія I тома *Памятниковъ, изданныхъ Временною Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ*.
239. Въ 1847 г. редактировалъ Обзорѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ, изд. *И. И. Фундуклея*. К. 1847 г.

8. Этнографія.

240. Дни и мѣсяцы украинскаго селянина. *Русск. Бесѣда* 1856 г., № 1, Смѣсь, стр. 61—83; № 3, стр. 73—108. Есть и отд. оттиски. Рецензія въ *Чернигов. Губер. Вѣдом.* 1856 г., часть неофиц. № 49, *Ал. Лазаревскаго*.

IV. ПЕРІОДИЧЕСКІЕ СБОРНИКИ, ИЗДАННЫЕ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

241. Денница, альманахъ на 1830 годъ. М. LXXXIV и 256 стр. въ 16-ю д. л.
242. Тоже, на 1831 годъ, М. LVIII и 140 стр., въ 16-ю д. л. При второй книгѣ приложена музыка Верстовскаго на стихи *Пушкина* „Слыхали-ль вы за рошей гласъ ночной“¹⁾.
243. Тоже, на 1834 годъ. М. 240 стр., въ 16-ю д. л.
Рецензін: 1) *Вѣстн. Европы* 1830 г., ч. 169, № 2, стр. 171, статья Н. Н. (Николая Надеждина). *Отвѣтъ Максимовича*, *Моск. Вѣстн.* 1830 г., № 4, стр. 420 — 423. 2) *Моск. Телегр.* 1830 г., ч. XXXI, стр. 75—87; 1831 г., ч. XXXVII, стр. 537 — 544 и 1834 г., № 1, стр. 181—184; 3) *Сѣв. Меркурій* 1830 г., № 23 и 1831 г., № 23, ст. *Аристарха Завѣтнаго* (псевдонимъ М. А. Бестужева-Рюмина); 4) *Литер. Газета* 1830 г., т. I, № 8, стр. 62—66 и 1831 г., № 15, стр. 122 и № 16, стр. 131. (См. еще № 29, стр. 238, Смѣсь), 5) *Телескопъ* 1831 г., № 4, стр. 577 — 583; 6) *Гирлянда* 1831 г., № 12, стр. 301; 7) *Сынъ Отеч.* 1831 г., № 20, ст. *Максима Хохловича*.

¹⁾ Сочин. А. С. Пушкина, изд. П. Анненкова. Спб. 1855 г., т. II, стр. 147.

XIX

244. Киевлянинъ на 1840 годъ, книга 1-я, съ видомъ Золотыхъ Воротъ. К. въ 8-ю д. л. 253 стр.
245. Тоже, на 1841 годъ, книга 2-я, съ видомъ университета св. Владимира (но рисунку видно, что прежде предполагалось, по бокамъ университета, съ лицевой стороны, два флигеля, въ 21 окно каждый). К. въ 8-ю д. л., 326 стр.
246. Тоже, книга 3-я, Москва, 1850 г., въ 8-ю д. л. 218 стр.
Рецензій: 1) *Литер. Газета* 1840 г., № 34; 2) *Маякъ* 1840 г., ч. VIII, стр. 209—216, ст. П. Корсакова и 1843 г., т. VII, стр. 155, ст. И. Сахарова; 3) *Москвит.* 1844 г., ч. VI, № 12, стр. 511—517, ст. С. М. Соловьева, 1850 г., № 10, кн. 2, стр. 43, ст. М. П. Погодина; 4) *Отеч. Записки* 1850 г., т. LXX, № 6, отд. 6, стр. 99 — 101; 5) *Современ.* 1840 г., т. XIX, стр. 143—144 и 1850 г., т. XXII, стр. 9—11; 6) *Сынъ Отеч.* 1840 г., кн. 8, стр. 833—836.
247. Украинецъ (составленный изъ собственныхъ трудовъ). М. 1859 г., въ 8-ю д. л., 174 стр.
248. Тоже, Киевъ 1864 г., въ 8-ю д. л. 39 стр.
Рецензій: 1) *Моск. Вѣдом.* 1859 г., № 98, ст. Ол. Гатиука. Новости малороссійской литературы; Объясненіе М. А. Максимовича, тамъ же, № 105; Письмо г. Гатиука, тамъ же, № 112; Отвѣтное слово Максимовича, тамъ же, № 115; 2) *С.-Петербург. Вѣдом.* 1859 г., № 186; 3) *Киевлан.* 1864 г., № 7.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СПИСКУ.

Источники для біографіи Максимовича.

249. Біографія въ Словарѣ профессоровъ Московскаго университета, ч. II, М. 1855 г., стр. 1—22.
250. Записки о жизни Н. А. Полеваго. Спб. 1860 г., стр. 162, соч. К. Полеваго.
251. Исторія университета св. Владимира, соч. В. Я. Шульгина. Спб. 1860 г. При этомъ см. письмо Максимовича къ г. Шульгину. *С.-Петербург. Вѣд.* 1860 г., № 3.
252. Письма о Киевѣ. Спб. 1871 г.
253. Письма Гоголя, на Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша. Спб. 1857 г., т. V, стр. 164, 182, 188, 192, 193, 198, 199, 202, 203—205, 206, 211 — 213, 215—217, 220, 223, 224, 230, 236, 241 и 456. Тоже въ Запискахъ о жизни Гоголя, соч. Николая М. (Кулиша).
254. Письмо Дельвига, *Соврем.* 1854 г., № 9, стр. 37, въ статьѣ В. П. Гасе-скаго „Дельвигъ“.
255. Письмо О. М. Сомова, тамъ же, стр. 38—39, 60 — 61.
256. Письмо Н. И. Надеждина. *Москвит.* 1856 г., № 3.
257. Письмо Неволина. *Москвит.* 1856 г., № 3, стр. 235—236.

Ему посвящены:

258. Четыре дня въ Финляндіи. Письма къ одному пріятелю въ Москву, соч. О. М. Сомова. Это описаніе поѣздки на водопадъ Иматру, въ

- кой участвовали Дельвигъ съ семействомъ, Сомовъ, В. П. Лангеръ, М. И. Глинка. *Съв. Пула* 1829 г., №№ 110—112, 114 и 116, и *Литер. Газета* 1830 г., т. I, № 34, стр. 269, № 35, стр. 277 и № 36, стр. 285. Письма эти изданы и отдѣльно въ 1830 году, съ 6 видами (описанныхъ мѣсть), рисованными Лангеромъ, и нотами финской дѣсни, положенными съ напѣва М. И. Глинкою.
259. Письма въ Кіевъ о русской литературѣ: Письмо 1-е. Куда дѣвалась наша поэзія? *Н. И. Надеждина. Телескопъ* 1835 г., ч. XXV, № 1, стр. 149—158. (Продолженія не было).
260. Письмо проф. К. Лебедева. *Телескопъ*.
261. Письмо проф. А. И. Криницаго: „Описаніе минераловъ, при Ненасытискихъ порогахъ находящихся“. *Учен. Записки Москов. Университ.* ч. IV, стр. 161—167.
262. Два стихотворенія Надежды Тепловой. „Стихотворенія Н. Тепловой“. М. 1860 г., стр. 37 и 39.
263. *Стихотвореніе Языкова, Парусъ* 1859 г., № 1 (не вошло ни въ одно собраніе стихотвореній Н. М. Языкова).
264. Два сини, рассказъ *Марка-Вощка. Основа* 1861 г., № 4, апрѣль, стр. 21.

ОПЕЧАТКИ:

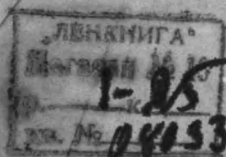
Въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ статьѣ Пономарева:

Напечатано:	Читай:
Стран. 175, 1881 года.	1871 года
» 177, 1788 года.	1787 года
» 178, <i>Октябрь</i>	Сентября
» 185, <i>Уже рядкій</i>	<i>Еще рядкій</i>
» 205, <i>Славянскими руками</i>	<i>Славянскими рунами</i>
» 215, <i>Энцикл. листокъ</i>	<i>Энцикл. словарь</i>
» 216, 1838 года (Евгеній скончался)	1837 года
» 221, <i>Церковные памятники</i>	<i>Церковн. Помяники</i>
» 233 <i>Монастырскіе городавъ</i>	<i>Малороссійскіе городавъ</i>
» 248, <i>Подъ селомъ</i>	<i>Надъ селомъ</i>

20-1
1000000

B53108

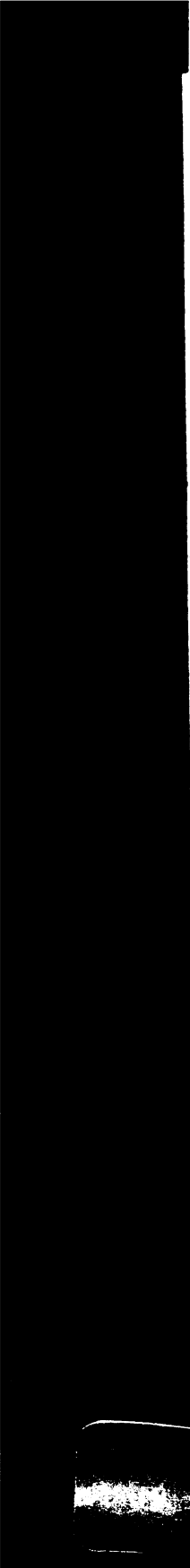
✓ 412

89080122187

B89080122187A

BINDER
Pressboard

89080122187

b89080122187a